

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт филологии
Кафедра русского языка

КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сборник научных статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2023

УДК 81'1
ББК 81.003
К 293

Рецензенты:

О. В. Никитин, доктор филологических наук, профессор
Московского государственного областного педагогического университета;
А. В. Рожкова, кандидат филологических наук, доцент
Петрозаводского государственного университета

Научный редактор *Н. В. Патроева*

Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации : сборник научных статей / [сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 163, [1] с.
ISBN 978-5-8021-4067-3

В сборнике представлены материалы докладов международной научной конференции «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации», состоявшейся 8–10 сентября 2022 г. в Петрозаводском государственном университете. Участники конференции обсуждали проблемы лингвистической типологии, сравнительного языковедения, морфологии и синтаксиса, словообразования, лексикологии и лексикографии, теории письма и фонологии, исторической стилистики, методики преподавания русского языка.

Издание будет полезным языковедам, преподавателям высшей школы, учителям-словесникам, аспирантам и студентам-филологам.

УДК 81'1
ББК 81.003

ISBN 978-5-8021-4067-3

© Патроева Н. В., составление, 2023
© Петрозаводский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И НОВЕЙШАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА	
<i>Шмелева Т. В.</i> ПАРАДИГМА НА ФОНЕ ИНТЕГРАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИКИ: ОТ СЛОВА ДО РЕЧЕВОГО ЖАНРА	7
<i>Ильченко О. С.</i> «ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА» КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ).....	9
<i>Лазуткина Е. М.</i> КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «МНОЖЕСТВО» В АСПЕКТЕ НОВОЙ ТЕОРИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, КОНВЕНЦИЯ)	12
<i>Величко А. В.</i> ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	15
<i>Соколова А. Ю.</i> ПРОПРИОЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	17
<i>Маринова Е. В.</i> СИНТАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЦВЕТА).....	21
<i>Бакланова И. И.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЧЛЕНИМОСТИ В ГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА <i>ХОДИТЬ</i>)	23
<i>Галкина Н. П.</i> ОТНОШЕНИЯ ОБРАТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ОБНАРУЖЕНИЯ	26
<i>Чжан Сюань</i> НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВЕЙШЕЙ ЛИНГВИСТИКИ	29
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ЛЕКСИКОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ. СЕМАНТИКА И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	31
<i>Ваулина Е. Ю.</i> МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ПОЛНОГО ТИПА КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ	31
<i>Кулева А. С.</i> К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	33
<i>Буцева Т. Н., Зеленин А. В.</i> НЕОЛОГИЗМЫ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ОБЩЕГО ТИПА	35
<i>Кривошапова Н. В.</i> АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ.....	39
<i>Пестова А. Р.</i> ДИНАМИКА СТИЛИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА ФЕМИНИТИВОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ.....	42
<i>Смирнова Е. А.</i> К ПРОБЛЕМЕ СЛОВАРНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОТПРИЧАСТНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ «БОЛЬШОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ»)	45
<i>Юй Лу</i> РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ЭКСПРЕССИВНО-ОБРАЗНЫХ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТАХ.....	49
<i>Фивейская Е. А.</i> О ПРОБЛЕМАХ СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ (ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	51
<i>Батулина А. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ УНИВЕРБОВ В ТОЛКОВЫХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	54

<i>Минеева З. И.</i>	СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ: АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.....	56
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ		
<i>Дьёрфи Б.</i>	БЕЛАЯ ВОРОНА ПРОНОМИНАЛЬНЫХ ЭНКЛИТИК: (ЭН)КЛИТИКА <i>СЯ</i> В ТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ.....	61
<i>Семаков В. В.</i>	ГЛАГОЛЬНАЯ АРХАИКА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ РУССКОГО СЕВЕРА.....	64
<i>Щекин А. С.</i>	МОРСКОЙ ТЕРМИН «СПРИНГ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА.....	67
<i>Смирнова Г. Ю.</i>	КВАНТИТАТИВНОСТЬ ПОЛОВИНЫ (О НЕКОТОРЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ С КОМПОНЕНТОМ <i>ПОЛ-ПОЛУ-</i> В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ).....	69
<i>Шипулина Г. И.</i>	ИСТОРИЯ РУССКОГО БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	71
<i>Нечаева И. В.</i>	НАСЛЕДИЕ Я. К. ГРОТА И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОПИСАНИЯ В ОБЛАСТИ БУКВЕННОГО РЕГИСТРА	75
<i>Колесова И. Е.</i>	ОТГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ БОРБУШИНО (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ, СВЯЗАННЫХ СО СФЕРОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	78
<i>Маркова Н. В.</i>	К ОСОБЕННОСТЯМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБОРОТОВ С СУБЪЕКТНЫМ ГЕНИТИВОМ В ОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ	82
КАТЕГОРИИ ЛИНГВОПОЭТИКИ И РИТОРИКИ		
<i>Гик А. В.</i>	ИЗ ИСТОРИИ ИММАНЕНТНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА	86
<i>Синельникова Л. Н.</i>	О РАСШИРЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ	92
<i>Курбакова М. А.</i>	АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ МИХАИЛА БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ.....	94
<i>Лебедев А. А., Москвин Н. Д., Rogov A. A.</i>	МЕТОДЫ АТРИБУЦИИ АНОНИМНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ (КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД).....	97
<i>Патроева Н. В.</i>	«ОПЫТ РИТОРИКИ» И. С. РИЖСКОГО КАК ИТОГ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ КРАСНОРЕЧИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА	100
<i>Казаковцева О. С.</i>	СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПОХВАЛЬНЫХ СЛОВАХ XVIII ВЕКА	103
<i>Лебедев А. А.</i>	СВЯЗЬ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ И СИНТАКСИСА МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ М. В. ЛОМОНОСОВА.....	105
<i>Мамедов А. А, Ладатко А. О.</i>	СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА	108
<i>Димитриева О. А.</i>	О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА	111
<i>Радбиль Т. Б.</i>	«ЭМПАТИЙНЫЕ КОНТЕКСТЫ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА	113
<i>Южакова Ю. А., Сомова М. В.</i>	ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА	116
<i>Недбайлик С. Р.</i>	ОБ ЭВОЛЮЦИИ МАЛЫХ САТИРИЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ КАК ГЕНОМА КОЛЛЕКТИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА	119

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Улитова А. С.

ЧТО ТАКОЕ «АТРИБУТ» В ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКЕ И ИНФОРМАТИКЕ..... 123

Вяткина С. В., Чу Цзинжу

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ НА САЙТЕ «ЭКД!» («ЭТО КИТАЙ, ДЕТКА!») 125

Смирнова Л. Г.

АКТУАЛЬНАЯ АДГЕРЕНТНАЯ ОЦЕНКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 127

Новоселова В. А.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 130

Руднева Е. А.

ВЫРАЖЕНИЕ НЕУВЕРЕННОСТИ В ИНТЕРВЬЮ 135

Радбиль Н. В.

МОДЕЛИ НЕУЗУАЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМЫ *ПАТРИОТ* В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
РЕЧИ 139

Замальдинов В. Е.

МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ..... 141

Чжао Цзэхун

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИФИНГОВ ОФИЦИАЛЬНЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИД РОССИИ) 144

Сунь Минцзэ

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК 146

Чжао Цзэли

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ УСТНОГО МОНОЛОГА-РАССКАЗА НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ
ЯЗЫКЕ: НАЧАЛО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ)..... 149

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Петрова Н. А.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГРИБОВ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ: КЛАССИФИКАТОР
«ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНОМУ»..... 152

Калинин С. С.

ВОКРУГ ПРИНЦИПА УНИФОРМИТАРНОСТИ: ЗА И ПРОТИВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ КРЕОЛЬСКИХ И НЕКОТОРЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ) 155

У Нань

ФОРМЫ-ИДИОМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: УПОТРЕБЛЕНИЕ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
И ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ..... 157

Каракин Е. В., Пашкова Т. В.

СРЕДСТВА СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОМ И ЛИВВИКОВСКОМ
НАРЕЧИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА 161

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу сборника положены материалы докладов, представленных на пленарном и секционных заседаниях международной научной конференции, состоявшейся 8–10 сентября 2022 г. в Петрозаводском государственном университете. Соорганизаторами форума, помимо кафедры русского языка ПетрГУ, выступили Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, Российское общество «Знание».

В конференции, посвященной категориальному аппарату современной лингвистики, приняли участие более 120 докладчиков из девяти государств Евразии, в том числе из стран дальнего зарубежья – Венгрии, Италии, Китая, Финляндии, из 29 городов России и мира – Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Великого Новгорода, Вологды, Воронежа, Иркутска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Смоленска, Тамбова, Твери, Тольятти, Тюмени, Чебоксар, а также Донецка, Луганска, Тернополя, Баку, Будапешта, Пекина, Сегеда, Тампере, Турина. Конференция объединила ведущих фонетистов, лексикологов, лексикографов, грамматистов, специалистов в области лингвопоэтики, медиалингвистики, диалектологии, сопоставительного и типологического языкознания, истории русского языка, академических ученых и вузовских преподавателей, а также начинающих свой путь в науку аспирантов, интересующихся актуальными проблемами современного языкознания.

Доклады многих участников конференции были связаны с рецепцией взглядов языковедов XVIII–XX вв. и актуальными подходами к интерпретации классических лингвистических концепций. Так, на пленарном заседании и в рамках диалектологической секции прозвучали доклады Константина Геннадьевича Красухина (Институт языкознания РАН), Елены Михайловны Лазуткиной (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН), Татьяны Викторовны Шмелевой (НовГУ), Ольги Сергеевны Ильченко (СПбГУ), Владимира Павловича Казакова (СПбГУ), Олега Викторовича Никитина (МГОПУ), Юрия Борисовича Орлицкого (РГГУ), Натальи Викторовны Патроевой (ПетрГУ), Елены Владимировны Генераловой (СПбГУ), посвященные 210-летию со дня рождения выдающегося русского филолога-слависта, палеографа Измаила Ивановича Срезневского, 155-летию со дня рождения диалектолога, лексикографа Василия Ильича Чернышева и известного российского грамматиста Дмитрия Николаевича Кудрявского, 120-летию со дня рождения видного фонолога и диалектолога Рубена Ивановича Аванесова. 130-летию со дня рождения Николая Феофановича Яковлева, крупного специалиста в области теории письма, фонологии, кавказских языков, языкового строительства, был посвящен не только пленарный доклад профессора Витторио Спрингфилда Томеллери из Турина, но и работа секции по сравнительному и типологическому языкознанию. На секциях по вопросам фонологии, теории письма, словообразования, лексикологии и лексикографии были представлены сообщения к 210-летию со дня рождения выдающегося русского орфографа, лексикографа, писателя Якова Карловича Грота и 130-летию со дня рождения известного российского фонолога и диалектолога Александра Николаевича Гвоздева. 160-летию со дня рождения русского филолога-слависта Бориса Михайловича Ляпунова и 130-летию со дня рождения видного историка русского языка, теоретика поэтической речи Льва Петровича Якубинского были посвящены доклады секций по проблемам диахронического описания языка и поэтике художественного текста.

Доклады участников конференции, не вошедшие в данный сборник, опубликованы в 2022–2023 гг. на страницах журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И НОВЕЙШАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Т. В. ШМЕЛЕВА ©

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия
szmiel@mail.ru

ПАРАДИГМА НА ФОНЕ ИНТЕГРАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИКИ: ОТ СЛОВА ДО РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Термин «парадигма» рассматривается в плане его распространения на разные уровни языка и, соответственно, в терминологию разных лингвистических дисциплин – от морфологии к фонологии, затем к синтаксису. Утверждается, что эта тенденция охватывает факты не только языка, но и речи, в частности парадигматические отношения обнаруживаются между речевыми жанрами. Предлагается ввести в жанроведение представления о трех парадигмах – сферной, фактурной и кодовой.

Ключевые слова: парадигма, уровни языка, речь, речевой жанр, сфера речи, фактура речи, код.

Shmeleva Tatyana Victorovna, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
szmiel@mail.ru

Paradigm on the background of the integration of the concept apparatus of linguistics: from word to speech genre

The term paradigm is considered in terms of its distribution to different levels of the language and, accordingly, to the terminology of different linguistic disciplines – from morphology to phonology, then to syntax. It is argued that this trend covers the facts not only of language, but also of speech, in particular, paradigmatic relationships are found between speech genres. It is proposed to introduce into genre studies ideas about three paradigms – spherical, textural and code.

Keywords: paradigm, language levels, speech, speech genre, sphere of speech, texture of speech, code.

Если в интерпретации названия нашей конференции под мышлением иметь в виду не только языковое мышление носителей языка, но и лингвистическое мышление его исследователей, то логично обратиться к изучению понятийного аппарата лингвистики и его отдельных элементов. Большой интерес, как кажется, в этом плане представляет собой понятие парадигмы, которому и посвящается эта статья.

Хорошо известно, что парадигма в противопоставлении синтагме входит в состав основных понятий общей лингвистики Ф. де Соссюра. Обратившись к тексту «Курса ...», можно отметить, что соответствующая глава книги названа «Синтагматические и ассоциативные отношения» [8, с. 155–159]. Термин *парадигма* обнаруживается в последней фразе параграфа: «члены парадигмы могут возникать в том или ином порядке чисто случайно» [8, с. 159]. Это означает, что в курсе важно было ввести не термин, а представление об особом типе отношений языковых единиц, термин же был хорошо известен слушателям Ф. де Соссюра, поскольку все они изучали, по крайней мере, латынь, а в античных грамматиках парадигмами называли образцы словоизменения, которые им приходилось заучивать [5].

Что же касается представлений о парадигматических отношениях, то стоит обратить внимание на следующие моменты их толкования: ассоциативные отношения объединяют языковые факты в «*мнемонический ряд, члены его всегда in absentia*»; «*эти отношения локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык*» [8, с. 156]. В качестве примеров таких рядов приводятся падежные формы, однокоренные слова, слова с одним суффиксом, синонимы. Общее свойство подобных парадигм то, что их члены – это слова или формы слов. Кстати, можно отметить, что предложено исчисление всех типов словесных парадигм, которых оказывается около 40 [9, с. 18–19].

Уже в курсе Ф. де Соссюра показано различие парадигм: они квалифицируются как грамматические (падеж, однокоренные слова) и лексические (синонимы), при этом утверждается, что парадигма принадлежит понятийному аппарату прежде всего морфологии (видимо, потому, что, начиная с античных грамматик, говорили о парадигмах как образцах словоизменения). Именно отсюда – из морфологии – начинается продвижение парадигмы на другие уровни языка, а значит, и в другие лингвистические дисциплины, хотя общее представление о синтагме/парадигме сформулировать не так просто, как доказывается в статье [6].

Первой дисциплиной, освоившей понятия парадигмы, стала фонология, где фонема понимается как парадигма аллофонов. Даже в краткой энциклопедической статье о фонологии указывается, что она включает фонологическую парадигматику, выявляющую оппозиции фонем, и фонологическую синтагматику, описывающую позиции фонем в составе морфем и слов [1, с. 818].

Следующим стал синтаксис: идея синтаксической парадигмы, которая понимается как «иерархически организованная система видоизменения предложения» [2, с. 6], использовалась в подготовке академической Грамматики 1970 г. и в дальнейшем изучении синтаксиса, в итоге сложился список синтаксических парадигм, включая деривационную, коммуникативную [2].

Сказанное хорошо известно. Здесь важно обратить внимание на то, что идеи парадигматики проникают в такую область лингвистики, как жанроведение, в рамках которого высказываются соображения о парадигмах речевого жанра (далее – РЖ). В частности, в книге [3] излагается точка зрения, согласно которой РЖ объединяются в парадигмы на основе отношений производности и варьирования. В продолжение этой линии продвижения парадигмы можно в рамках концепции РЖ как реализации модели, включающей семь факторов [10], предложить соображения еще о трех парадигмах, объединяющих реализации, различающиеся в плане языкового воплощения.

Сферная парадигма РЖ представляет собой набор вариантов его языкового воплощения, обусловленных характером сферы речи (общения, коммуникации). Это понятие, введенное в рамках общей филологии со ссылками на В. В. Виноградова как «общение с помощью определенного вида речи» [7, с. 11], уточнено с позиций речеведения как особое пространство общения, в рамках которого решаются специфические коммуникативные и социальные задачи, что и определяет состав участников, особый репертуар фактур, РЖ с их стилистическими приметами [11, с. 221]. При этом репертуары разных сфер общения не выглядят как непересекающиеся множества, при их рассмотрении трудно не заметить такие РЖ, которые обнаруживают общность интенции, факторов коммуникативного прошлого и будущего, даже отношений автора и адресата. Именно они и оказываются вариантами реализации одной модели с различиями, которые можно интерпретировать как «коэффициент сферы». Примером может послужить РЖ, который в повседневной сфере называется *вопрос*, в деловой, медийной и политической – *запрос* (например, запрос депутата или медиа к властной инстанции), в религиозной при обращении к иерарху – *вопрошание* (например, «Вопрошание Кирика Новгородца»). Эти реализации РЖ объединяются интенцией – просьбой/требованием информации, но характер сферы определяет тип запрашиваемой информации и оформление жанра.

Фактурная парадигма РЖ состоит из вариантов, различающихся признаком устный/письменный/печатный... Конечно, выбор фактуры во многом определяется сферой речи, но реальный текст РЖ зависит от избранной фактуры, учитывает то обстоятельство, что в каждой из фактур складываются свои регламенты РЖ. Так, выбирая фактуру (например, для приглашения – сказать/написать/позвонить/напечатать), выбирают и языковое оформление текстов.

Кодовую парадигму РЖ можно видеть в его вариантах, которые воплощаются в языковом, визуальном, музыкальном, хореографическом кодах или предполагают их синтез, как в песне объединяются музыка и вербальный текст.

Итак, из приведенных фактов и соображений можно сделать, по крайней мере, два теоретических вывода. Во-первых, парадигма как тип отношений связывает различные факты не только языка, но и речи. Обнаружение этого факта показывает, что происходит выравнивание понятийного аппарата разных лингвистических дисциплин, в частности все большее их число включает понятие парадигмы, что открывает неочевидные качества языковых и речевых явлений. Так, важные для речеведения параметры речевого произведения – сфера, фактура речи и код – оказываются «парадигмообразующими» для РЖ. Во-вторых, при рассмотрении массы РЖ приходится особым образом относиться к фактору «языковое воплощение жанра», имея в виду, что ряд таких воплощений может выходить за пределы языка в семиотическое пространство, что приводит к необходимости уточнить обозначение фактора, например в «семиотическое воплощение РЖ» или «кодовый потенциал РЖ». А это, в свою очередь, означает, что современная теория языка как семиотической системы вписывается в пространство семиотики и ее теории, что позволяет увидеть, в частности, понятие парадигмы.

Список литературы

1. Виноградов В. А. Фонология // Русский язык : энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2020. С. 817–818.

2. *Всеволодова М. В.* Проблемы синтаксической парадигматики : коммуникативная парадигма предложения / М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. Москва : Крон-Пресс, 1997.
3. *Кантурова М. А.* Производность и вариативность речевых жанров : монография / М. А. Кантурова, Т. И. Стексова. Новосибирск : НГПУ, 2019.
4. *Красильникова Е. В.* Парадигма // Русский язык : энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб и доп. Москва, 2020. С. 474–475.
5. *Кубрякова Е. С.* Парадигма // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 366.
6. *Панов М. В.* О парадигматике и синтагматике // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. Москва, 2004. С. 17–29.
7. *Рождественский Ю. В.* Общая филология. Москва : Новое тысячелетие, 1996.
8. *Соссюр Ф., де.* Труды по языкознанию / пер. с фр. А. А. Холодовича. Москва : Прогресс, 1977.
9. *Шмелева Т. В.* Системность сквозь призму парадигматики // Системный анализ значимых единиц русского языка : парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987. С. 5–20.
10. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
11. *Шмелева Т. В.* Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 220–226. URL: vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/1994/1962. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-220-226.

О. С. ИЛЬЧЕНКО©

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
o.ilchenko@spbu.ru

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА» КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

В статье на примере истории отечественной лингвистики предпринята попытка показать истоки когнитивного подхода к фактам языка, взаимосвязь различных «причинных» подходов. Обращается внимание на ключевые для старой школы принципы исследования языковых явлений, отражающие сложную природу и разнообразие функций человеческого языка.
Ключевые слова: когнитивная грамматика, психоллингвистика, мышление, познание, метод, когнитивный подход.

Pchenko Olga Sergeevna, St. Petersburg State University, Russia
 o.ilchenko@spbu.ru

Where did Cognitive Linguistics come from? (from the history of Russian linguistics)

Using the example of the history of Russian linguistics, the article attempts to show the origins of the cognitive approach to the facts of language, the relationship of various "causal" approaches. Attention is drawn to the key principles of the study of linguistic phenomena for the old school, reflecting the complex nature and variety of functions of the human language.

Keywords: cognitive grammar, psycholinguistics, thinking, cognition, method, cognitive approach.

Ограниченные объемом статьи, мы попытаемся кратко соотнести результаты, приписываемые современной когнитивной лингвистике, с работами выдающихся отечественных языковедов второй половины XIX – начала XX в. Как пишет В. В. Колесов, «это тем более важно, что постоянное “равнение” на передовую науку Запада весьма характерно для многих наших лингвистов, прошедших научные школы германистики и романистики. <...> Творческие потенции наших ученых также достаточно продуктивны, с тем только отличием, что они в своих результатах менее формальны и вполне реалистичны (в философском смысле). Отличие лишь в том, что западные ученые постоянно рефлексиируют, четко отражая последовательные этапы своего развития... а отечественные, в силу присущей русской ментальности неорганизованности понятийного мышления (в пользу образно-символического), представляют собою несобранную массу работ, впрочем, иногда даже превышающих по качеству зарубежные. Русской ментальности свойственно избегать конечных результатов в виде «сумм» и компендиумов, поскольку всегда признается открытость науки для дальнейших пополнений: наука развивается» [4, с. 32].

Когнитивную лингвистику связывают обычно с именами американцев Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лангакера (Ленекера), Л. Талми, Ч. Филлмора, Р. Джэкендоффа, Ж. Фоконье, Т. Гивона, У. Чейфа. Возникла она в конце XX в. Сам термин «когнитивный» заимствован из английского (*cognitive* ‘познавательный’) и указывает на связь с познанием, или когницией (от англ. *cognition*). В 1975 г. Дж. Лакофф и Х. Томпсон выпустили в свет статью под названием *Introducing cognitive grammar* [11], в названии которой уже фигурирует новый термин.

Как полагает П. Б. Паршин, объяснение лингвистических феноменов когнитивными представляется вполне продуктивным – и по-своему глубоко традиционным (достаточно вспомнить лингвистический психологизм конца XIX в.). Программу когнитивной грамматики он предлагает рассматривать как *инверсию* традиционной психолингвистики. «Последняя представляет собой выяснение психологической реальности лингвистических гипотез, их психологическое обоснование; иначе говоря, это применение психологической методологии к лингвистической теории, психологическое упражнение (психолингвистика – это, конечно же, никакая не лингвистика, а чистейшей воды экспериментальная психология), теоретическую ответственность за которую, однако, несет наука о языке. Когнитивная лингвистика устроена ровно противоположным образом: это выяснение лингвистической реальности психологических гипотез, их лингвистическое обоснование, т. е. применение лингвистической методологии к психологической теории, профессионально-лингвистическая деятельность, теоретическую ответственность за которую, однако, несет психология» [5, с. 31–32].

Надо отметить, что теоретическому развитию лингвистики во многом способствовали усилия отечественных ученых, нацеленные на поиск *объяснения* языковых феноменов. Как отмечает В. В. Колесов, работы ученых XIX в., например труды А. А. Потебни, находившегося под сильным влиянием идей В. фон Гумбольдта, по результатам соотносятся со всеми тремя «волнами» когнитивной лингвистики на принципах исходного синкретизма [4]. Основные философские и лингвистические положения были сформулированы Потебней в его первом труде «Мысль и язык» (1862), посвященном «психолингвистической» проблематике. В своей докторской диссертации «Из записок по русской грамматике» (1874) сущность грамматической формы А. А. Потебня видит в семантике, изменения, происходящие в строе языка, связывает с изменениями в мышлении, пытается установить этапы развития строя славянских языков, соответственно и мышления.

В. В. Колесов показал, как связано языкознание формальное и ментальное [4] (см. табл. 1).

Таблица 1

Два взаимосвязанных «причинных» подхода к фактам языка

Языкознание	Формальное	Ментальное
ПРИЧИНА (почему?)	Структурализм	Когнитивная лингвистика
	Ф. Ф. Фортунатов «Язык – это мыслительное образование»	А. А. Потебня

Показателен, на наш взгляд, тот факт, что именно ученики главы формальной лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова стали предтечами когнитивного подхода к языковым явлениям. Вдохновленные синтаксическими идеями А. А. Потебни, А. А. Шахматов (как исследователь «способов обнаружения мышления в слове» в «Синтаксисе русского языка» (1925)) и А. М. Пешковский (как исследователь «строения языковой мысли» в «Русском синтаксисе в научном освещении» (1914)) направили свои усилия на развитие концептуальной базы формально-грамматического направления Ф. Ф. Фортунатова, подробно разрабатывая *план содержания* лингвистического знака [1].

Известно, что современной когнитивной грамматике свойствен повышенный интерес к изучению *пространственных отношений*. Отдельные намеки («не приведенные, однако, в систему и не всегда последовательно выдержанные») на пространственную модель категории падежа [2, с. 136] мы находим в классических работах отечественных синтаксистов, в частности у А. М. Пешковского (см. табл. 2).

Талантливый ученик Ф. Ф. Фортунатова А. И. Томсон в своей работе «К синтаксису и семасиологии русского языка» (1903), а потом и в «Общем языковедении» (1910) в главе VI «Общая семасиология» много внимания уделяет *психической* стороне языка [8, с. 9]. Исходя из фактов словаря, ученый рассуждает о субъективных отношениях человека к внешнему миру, о важности ассоциаций, описывает особенности человеческого восприятия («точка фиксации», «след в памяти»), «всплывают представления из области бессознательного в область сознания», «привлекает внимание», «возбуждает чувствования», «причина возбуждения интереса»,

«апперцептивное восприятие», «врожденный инстинкт самосохранения», «внутреннее волевое действие» и др.). *Пространственная интерпретация* падежной вариативности вещественных имен [3] легко выводится из представленного Томсоном двоякого понимания вещественного имени: *вещественного* как пространственно неограниченного и *предметного* как пространственно ограниченного [8, с. 36–84] (см. табл. 2).

Таблица 2

Когнитивный подход к фактам языка в работах отечественных языковедов конца XIX – начала XX в.

<i>Понятия когнитивной лингвистики</i>	<i>Цитаты из работ выдающихся теоретиков языка конца XIX – начала XX в.</i>
Перцептивное (описывает процесс чувственного (чаще зрительного и слухового) восприятия) и мысленное движение	«Пребывание в пространстве, простирающемся до известного предела, не отличается от движения, направляющегося до чего, потому что если не движется пространство, то движется по нем глаз и мысль. Таким образом выражения: “сверху до низу, от земли до неба” одинаково могут означать и пределы движения и пределы пребывания. То же относится и к переносным значениями предлога <i>до</i> » (А. А. Потебня). [7, с. 263]
Гештальтное восприятие как частичное соответствие свойств модели	«...Воспоминания о разных конкретных явлениях, обозначавшихся в разных случаях словами “собака”... и пр., сливаются в конце концов в отдельные неясные и изменчивые общие представления или понятия о собаке... слову “собака” не может соответствовать какое-либо цельное представление, а лишь понятие, состоящее из отрывочных элементов воспоминаний о разных собаках, к которым примешиваются еще чувствования, возбуждавшиеся в нас раньше, когда мы действительно видели собаку, слышали ее лай и пр.» (А. И. Томсон). [8, с. 277]
Пространственные отношения	«...При многих глаголах невозможно представление пространственно неограниченного вещества» (А. И. Томсон). [8, с. 65] «Показательно, что нет ни одного глагола, требующего дательного падежа, значение которого было бы необходимо связано с физическим воздействием на предмет или хотя бы с прикосновением к нему (при “давании” адресата должна коснуться вещь, которую дают, а не сам дающий...), тогда как при управлении винительным или родительным падежами это на каждом шагу» (А. М. Пешковский). [6, с. 281]
Ментальная образность	«...Все дело тут, как и вообще в грамматике, в образе» (А. М. Пешковский). [6, с. 275]

Можем ли мы говорить о смене познавательных установок в современной лингвистике: от «ограничивайся непосредственно данным» к «стремись проникнуть вглубь»? Вопрос непростой. Думается, однако, что выдающиеся представители как отечественной (А. А. Потебня, А. И. Томсон, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов), так и зарубежной (В. фон Гумбольдт, Э. Бенвенист) лингвистической мысли прошлых веков (список, конечно, неполон), хорошо понимая *сложную природу* и *функции* человеческого языка, выбирали такой метод, который лучше других подходил для решения конкретной языковой проблемы. Сохраняют актуальность и поныне те принципы исследования, которым следовали отечественные языковеды конца XIX – начала XX в.: историческое изучение языка; выход за пределы русского языка с захватом славяноведения и привлечением индоевропейских и неиндоевропейских языков в целях исторической реконструкции древнейших судеб русского языка и народа; внимание к проблемам языка и сознания, языка и мышления, языка и познавательной деятельности человека; связь грамматических категорий с коммуникацией.

В современном гуманитарном знании, к сожалению, усиливается негативная тенденция превознесения тех или иных (причем часто выдвигаемых зарубежными учеными) методов. Однако постановка вопроса «Какой подход к фактам языка является наиболее продуктивным?» неверна в корне. *Методологически важны уместность и целесообразность* выбранных исследователем средств достижения цели.

Список литературы

1. *Ильченко О. С.* Категория падежа в трудах Ф. Ф. Фортунатова и его учеников (А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др.) // Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов междунар. науч. конф. (10–12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск / науч. ред. Н. В. Патроева) : в 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск, 2018. С. 49–52.
2. *Ильченко О. С.* Пространственные представления как основа категории падежа: датив в русском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 135–141. DOI: 10/20916/1812-3228-2017-3-135-141.
3. *Ильченко О. С.* Genitivus partitivus в русском языке: к проблеме генезиса прилагательного родительного падежа // Русский язык : исторические судьбы и современность : VI Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. Москва, 2019. С. 96–97.
4. *Колесов В. В.* «Третья волна» когнитивной лингвистики // Вестник Донецкого нац. ун-та. Серия Б: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 29–41.
5. *Паршин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 19–42.
6. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении (1914). 8-е изд. Москва, 2001.
7. *Потебня А. А.* Из записок к русской грамматике : глагол, местоимение, числительное, предлог (1985) / отв. ред. И. И. Мещанинов ; предисл. Ф. П. Филина. 2-е изд. Москва, 2010.
8. *Томсон А. И.* К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса, 1903.
9. *Томсон А. И.* Общее языковедение. Одесса, 1910.
10. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка (1925). 2-е изд. Ленинград, 1941.
11. *Lakoff G.* Introducing cognitive grammar / G. Lakoff, H. Thompson // Berkeley Linguistic Society. Proceeding of the First Annual Meeting. Berkeley, 1975.

Е. М. ЛАЗУТКИНА ©

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

lazutkelen@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «МНОЖЕСТВО» В АСПЕКТЕ НОВОЙ ТЕОРИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, КОНВЕНЦИЯ)

В статье речь идет об исследовании мыслительной категории «Множество» с использованием методологии новой теории гуманитарного знания – параметров «интерпретация», «репрезентация», «конвенция», о выявлении эксплицитных и имплицитных способов представления этой категории в русском языке на лексическом и синтаксическом уровне.

Ключевые слова: теория языка, концептуальный анализ, лексическая и грамматическая семантика.

Lazutkina Elena Mikhailovna, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

lazutkelen@yandex.ru

Cognitive category "set" in the aspect of the new theory of humanitarian knowledge (interpretation, representation, convention)

The article describes the research of the mental category "Set" using the methodology of the new theory of humanitarian knowledge – the parameters "interpretation", "representation", "convention", the identification of explicit and implicit ways of representing this category in the Russian language at the lexical and syntactic level.

Keywords: language theory, conceptual analysis, lexical and grammatical semantics.

И. В XXI в. в философии познания и в теории языкознания весьма актуальной стала проблема форм существования знания в разных сферах человеческой деятельности. Новый эпистемологический подход строится на всестороннем учете многофакторного пространства личностных смыслов субъекта познания и его диалогов-полилогов.

В языкознании подчеркивание роли говорящего началось значительно раньше, чем в других гуманитарных науках, вследствие чего так называемое антропоцентрическое направление, при котором происходит описание языкового материала в модальности субъекта речи, стало доминирующим.

Методология новой теории познания предписывает использовать при анализе всех значимых единиц разных уровней языка, имеющих определенную грамматическую оформленность, триаду понятий – «интерпретация», «репрезентация», «конвенция».

Параметр «интерпретация»

Язык следует рассматривать как интерпретативную систему, формирующую навыки владения языком. Предложение является сложным знаком семиотической природы, в котором отражается типизированный в данном обществе способ осмысления мира. Элементарные единицы интерпретации – это единицы знания: базовые концепты и когнитивные категории.

Концепт – квант коллективного языкового сознания, часто не осознаваемый носителями языка. Ранг онтологических категорий, присущих нашему сознанию, имеют и операторы мыслительных процессов, например: ассерция/негация; динамика/статика; свой/чужой; определенность/неопределенность; желательность/нежелательность и др.

Свойства концепта связаны не только с уровнем интерпретации и квалификацией исследователя, но и с объектом анализа – системой языка, которая показывает разные способы существования того или иного концепта.

Для данной работы важно следующее определение термина «концепт»: мыслительная категория, служащая операционным элементом в когнитивно-коммуникативных процессах и находящая свое выражение в языковых структурах разного уровня, например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт МНОЖЕСТВО.*

Параметр «репрезентация»

Термин «репрезентация» обозначает представление объекта с помощью любых знаковых систем. Для лингвистов репрезентация – это представление концептов в языковых образцах, причем не только в лексических элементах, но и в грамматических конструкциях, в структурных отношениях элементов моделей предложений. Вследствие этого задача исследователя – выявление всех способов репрезентации концепта в языке.

Параметр «конвенция»

Конвенция в эпистемологии понимается как обязательное событие коммуникативной по природе деятельности субъекта познания. В языкознании «конвенция» – это основа современной теории культуры речи, которая проявляется в действии законов ортологии и функциональной стилистики. Это значит, что при анализе всех языковых единиц исследователь должен постулировать присутствие коллективного говорящего.

II. Способы представления в русском языке мыслительной категории «Множество» не были предметом специального изучения. Задача исследования – выявить средства репрезентации данной категории. По семантическим характеристикам языковых средств мы сможем сделать вывод о структуре концепта «Множество» и описать свойства морфологической категории числа имени существительного.

Для языковедов представляет интерес математическая теория множества-континуума. Ее автор Н. Н. Лузин в начале прошлого века выдвинул континуум-гипотезу, которая вскоре стала аксиомой: **множество точек представляет некую единую реальность**. Следовательно, для мыслительной категории «Множество» могут быть выделены два типа оппозиций: «счетное множество» / «несчетное множество» и «дискретное множество» / «недискретное множество» («множество-континуум»).

Наиболее очевидным способом концепт «Множество» выражается на лексическом уровне: употребление форм единственного и множественного числа имен существительных, в отвлечении от их позиций в структуре предложения, представляет собой **эксплицитный способ** представления концепта.

Особо выделяется лексико-грамматический разряд собирательных существительных: обозначая множество предметов или лиц, такого рода имена являются названием несчитаемой совокупности, например: *зверьё, духовенство, ивняк, электорат*. Наиболее частотны собирательные существительные женского рода, например: *живность, малышня, профессура*. Их характеристики – «несчитаемость» и «дискретность», поскольку они обозначают неопределенное количество элементов множества, состоящего из отдельных сущностей.

Значения форм категории числа связаны с такой смысловой категорией, как «определенность/неопределенность», причем форма единственного числа существительного, называющего единичный предмет, может соответствовать как названию определенного предмета, так и неопределенного; ср.: *Собака спит на коврике (наша, соседская, эта, та, которую я вижу); Лосось оказался большим и Собака может спать на коврике (любая, каждая); Медведь ловит лосося.*

Если существительное в единственном числе обозначает класс предметов, то оно имеет признак «неопределенность»; ср.: *Собака – друг человека; В это время года лосось идет.*

Множество как нерасчлененная масса каких-либо элементов, массив, континуум представляют существительные, называющие несчитаемые предметы: отвлеченные, собирательные и вещественные существительные, значение которых уже является результатом проделанных человеческим сознанием мыслительных операций обобщения. Некоторые из них могут иметь формы ед. и мн. ч., обозначая совокупность, массу, непрерывный временной или пространственный континуум, действие, событие, имеющее начальную и заключительную фазы, т. е. нерасчлененное (недискретное) множество; ср.: *Поиск убежавшей белки не дал никаких результатов и Поиски убежавшей белки не дали никаких результатов.*

Выявление имплицитных способов репрезентации концепта, скрытых в семантико-синтаксической организации высказываний, строится на понятиях «модель предложения» и «синтаксическая позиция формы слова» (слово в определенной форме и его структурные связи с другими членами предложения). Синтаксическая позиция – главная единица смысловой организации предложения, поскольку она делает очевидным сходство содержательных признаков слов, имеющих не только разные лексические значения, но и входящих в разные семантические классы.

Модели двусоставных предложений с количественно-именными словосочетаниями в позиции подлежащего, имеющими **значение приблизительного количества**, показывают, что множества предметов могут быть осмыслены говорящим как **целостные совокупности** (тогда предцизируемый компонент имеет значение недискретного множества) или как **некоторое количество однородных предметов** (тогда предцизируемый компонент обозначает дискретное множество), что определяет единственное или множественное число глагола-предиката; ср.: *Большинство ученых придерживается мнения, что вряд ли когда-нибудь удастся создать единую общегосударственную эколого-геоморфологическую карту, так как соединить все сюжеты на единой комплексной карте не предоставляется возможным* (Геоинформатика, 2003); *Большинство государственных унитарных предприятий (ГУП) заявили о своем намерении передать в распоряжение Министерства имущественных отношений принадлежащие им пакеты акций коммерческих банков.*

Обозначение дискретного множества формами мн. ч. глагола преобладает в текстах таких коммуникативно-смысловых типов речи, как динамическое описание и повествование. Одушевленное существительное в количественно-именной группе, а также акциональный предикат способствуют представлению о множестве как о дискретном.

Значение недискретного множества свойственно подлежащему, включающему в свой состав неодушевленное существительное. Это значение частотно в предложениях бытийной семантики, в пассивных конструкциях с результативным значением, например: *Сегодня в России имеется уже три таких завода.*

Следующее направление поиска способов представления концепта «Множество» в синтаксических конструкциях – анализ соотносительных по семантике синтаксических позиций в деривационно связанных предложениях. Так, в модели-деривате с одновалентными глаголами локально направленного действия типа *Отряд занял высоту* синтаксическая позиция субъекта имеет особые содержательные характеристики: «определенность», «множественность», – соединяет в себе и значение субъекта действия, и значение средства воздействия, – и представляет концепт «Множество» как континуум, т. е. множество, осознаваемое как единое целое. Этой спецификацией компенсируется отсутствие в предложении словоформы со значением средства воздействия в творительном падеже (ср. исходную конструкцию с двухвалентным глаголом: *Ветер закрывал солнце облаками*) и достигается необходимое значение полноты охвата объекта.

Таким образом, синтаксическая позиция субъекта является способом репрезентации концепта «недискретное множество». Материальные носители концептуального значения – существительные пропозитивной семантики, т. е. вещественные, отвлеченные или конкретные существительные в форме именительного падежа. Исследованный материал показывает, что лексические разряды и грамматические категории числа и падежа существительных выступают как ансамбли взаимодействия для представления концепта. Концепт «Множество» имеет один обязательный семантический признак – «неединичность».

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье освещаются основные положения лингводидактической функционально-коммуникативной модели русского языка, которая получила воплощение в учебной дисциплине «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного». Подробнее характеризуется грамматика русского языка как иностранного (РКИ) и ее связь с теоретической, академической грамматикой.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, грамматика, иностранные учащиеся, обучение языку.

Velichko Alla Vasilievna, Lomonosov Moscow State University, Russia

all_velichko@mail.ru

Linguodidactic functional-communicative grammar as a special direction of modern linguistics

Russian The article highlights the main provisions of the linguodidactic functional and communicative model of the Russian language, which has been embodied in the academic discipline "Theory and practice of teaching Russian as a foreign language". The grammar of the Russian language as a foreign language (RCT) and its connection with theoretical, academic grammar are described in more detail.

Keywords: Russian as a foreign language, grammar, foreign students, language teaching.

Лингвистическая наука развивается, возникают новые подходы, новые направления в изучении языковых явлений. Это обусловлено рядом причин.

– Язык развивается, меняется, в нем появляются новые явления, которые необходимо исследовать.

– У исследователей возникает новое осмысление тех явлений языка, которые уже описаны, что побуждает глубже, по-иному интерпретировать их.

– Расширяется круг пользователей языка, в том числе тех, которые являются носителями других языков. Так произошло с теоретической русской лингвистикой в 50-е гг. XX в., когда значительно увеличился интерес к изучению практического русского языка в разных странах мира.

Далее речь пойдет о формировании нового направления в русской лингвистике, обусловленном третьей причиной. Известно, что в 1951 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова была основана первая в вузах СССР кафедра преподавания русского языка иностранным учащимся.

Практическая деятельность по обучению иностранных учащихся практическому владению русским языком очень скоро показала, что это новый, совсем не разработанный вид преподавательской деятельности. Появилась потребность в ином описании языка.

Так, параллельно с теоретико-описательным, академическим направлением исследования русского языка стал развиваться другой, лингводидактический подход к исследованию русского языка. В основе этого направления были работы И. М. Пулькиной, Г. И. Рожковой, С. А. Хаврониной, Е. И. Мотиной, О. Д. Митрофановой, Г. А. Битехтиной, Н. А. Лобановой, М. В. Всеволодовой и др. См., в частности: [1; 4; 5; 6].

Постепенно, в течение десятилетий сформировалась особая, самостоятельная дисциплина «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного (РКИ)». Была разработана лингводидактическая функционально-коммуникативная модель языка, суть и основные концептуальные положения которой заключаются в следующем.

Основной частью лингводидактического описания русского языка, его центром, лингвистическим стержнем является грамматика русского языка как иностранного (грамматика РКИ).

Безусловно, теоретическая грамматика русского языка всегда была и остается теоретической основой для теории и практики преподавания РКИ. Грамматика РКИ опирается на идеи теоретической лингвистики, использует ее достижения и результаты. Однако между двумя грамматиками имеются существенные различия.

Для теоретической, академической грамматики русский язык является предметом изучения с целью постижения его устройства, т. е. он интересен сам по себе. Можно сказать, что ученые описывают язык для себя, друг для друга, как бы отвечая на вопрос: «Что собой представляет и как устроен язык, который мы знаем, которым пользуемся?» По такой грамматике обучать русскому языку как иностранному трудно.

Грамматика РКИ тесно связана с практикой, направлена на обучение владению языком и начинается там, где язык описывается для того, чтобы дать в руки преподавателю сведения, позволяющие обучить иностранного учащегося владению русской речью. Цель этой грамматики – описание языка в ином ключе, описание для носителей языка, желающих стать его пользователями.

Академическая грамматика представляет язык изнутри, с точки зрения его устройства. Практическая грамматика описывает язык извне, как бы глазами иностранца, чтобы показать, как строить русскую речь. Академическая грамматика является познавательной, это книга о языке, книга теории или теорий. Грамматика РКИ – обучающая, это книга технологии порождения речи.

Отношения между двумя типами грамматик – это взаимоотношения, основанные на принципах пересечения, дополнения. В академической грамматике могут рассматриваться вопросы, представляющие чисто теоретический интерес и не имеющие прямого выхода в практику преподавания. В грамматику же РКИ входит круг фактов, которые в академической грамматике не рассматриваются или находятся на периферии ее интересов. Так, именно практика преподавания выявила глаголы движения как особую лексико-грамматическую группу. Именно в иностранной аудитории определились актуальность и необходимость определить правила функционирования глаголов совершенного и несовершенного вида в речи. Лингводидактика ввела понятие лексико-семантической группы (ЛСГ) как одного из принципов изучения лексического состава языка, ср.: *учить, изучать, заниматься; пользоваться, использовать, воспользоваться, употреблять* и т. д.

Сущностные признаки грамматики РКИ обусловили основные принципы изучения и организации в ней языкового материала. Концепция этой грамматики строится на основе принципа единства структурно-семантического и функционально-коммуникативного подходов.

Структурно-семантический подход описывает грамматический строй русского языка как систему элементов с их значениями. Необходимо представить образование морфологических форм, грамматические особенности разных частей речи, способы словообразования, закономерности построения предложения, высказывания. В то же время необходимо показать значения языковых единиц и построений, так как описание ведется для обучения способности передачи определенной мысли на русском языке. Таким образом, в лингводидактической грамматике широко используется семасиологический подход, изучение языковых единиц «от формы к значению». Наряду с ним используется ономазиологический принцип изучения языковых единиц «от значения к форме».

Смыслы, смысловые отношения как понятийные категории во многом универсальны. Языковые же средства их выражения национально-специфичны, и задача преподавателя – адекватно представить эти разнообразные (как правило, разноуровневые) языковые средства, предназначенные в русском языке для выражения общего смысла. В результате сложился такой принцип грамматики РКИ, как синтетизм.

В основе грамматики РКИ лежит твердое осознание того, что язык описывается как средство общения, коммуникации. Это определяет важность **функционально-коммуникативного аспекта**.

Необходимо акцентировать, что значение языковой единицы и ее функционирование – это не одно и то же. Значение языковой единицы относится к содержательной стороне языка и связано с понятием «язык». Функционирование же связано с выходом в речь, и здесь учитывается предназначение языковых явлений в конкретном процессе коммуникации, т. е. учитываются все создающие его факторы: субъект речи (говорящий), адресат, взаимоотношения между ними, а также ситуация общения. Таким образом, грамматика РКИ описывает и язык, и речь, если речь понимать как практическое воплощение, языка, жизнь языка.

Функционально-коммуникативный аспект практической грамматики в качестве основной единицы анализа определяет высказывание, понимаемое как речевая реализация предложения. Однако нередко приходится учитывать более широкую внешнюю связь, т. е. текст. В лингводидактике текст – не только объект изучения и анализа, но и средство обучения, его цель. Одним из воплощений этого принципа в практике преподавания РКИ является описание и подача языковых средств «на синтаксической основе», т. е. все языковые средства изучаются не изолированно, а в составе словосочетания и предложения.

Еще одна особенность грамматики РКИ – концентричность представления материала: одна и та же языковая единица нередко рассматривается несколько раз, но каждый раз в составе другой группировки, при обращении к другой теме. Отличительной чертой грамматики РКИ является также детальность изучения и описания языкового материала, т. е. он описывается с той степенью полноты, которая необходима для аудиторной фазы учебной работы.

В дисциплине РКИ закрепился взгляд на иностранного учащегося не только как на объект, но и как на субъект обучения, поэтому следует учитывать, что иностранный учащийся, чье языковое сознание обусловлено той языковой картиной мира, которую он воспринял в процессе социализации как носитель другого менталитета, с трудом воспринимает многие языковые факты и явления русского языка. Поэтому лингводидактика использует положения когнитивной лингвистики, что позволяет учитывать специфику когнитивного опыта учащихся при объяснении трудных языковых явлений русского языка; более подробно см.: [2, с. 127–130; 3, с. 56–62].

Процесс обучения использует элементы сопоставления языков. Даже если таких данных нет в грамматике, учащийся тем не менее сам сопоставляет языки. Как отмечал Л. В. Щерба, «родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка. А потому мы должны из врага превратить его в друга» [6, с. 338–343].

В грамматике РКИ большое значение придается анализу ошибок в речи иностранных учащихся, так называемому отрицательному языковому материалу. Это позволяет понять лингвистическую суть ошибки, исходя из когнитивных особенностей учащихся.

Подводя итог, отметим следующее. В современный период описанное направление «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного» активно развивается, совершенствуется, в нем выделяются новые аспекты исследования и обучения.

Сейчас на кафедры РКИ МГУ им. Ломоносова, а также на аналогичные кафедры других вузов России приезжают стажеры из разных стран для повышения квалификации в области практического владения русским языком и для изучения русской культуры. На многих кафедрах этого профиля иностранные обучающиеся занимаются исследовательской работой в области лингвистики, литературоведения и методики. В магистратуре они за два года могут уточнить, углубить свое филологическое образование и получить степень магистра.

Кроме того, в Учебном центре русского языка МГУ открыты курсы методики преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

1. *Амиантова Э. И.* Функционально-коммуникативная лингвистическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») / Э. И. Амиантова, Г. А. Битехтина, М. В. Всеволодова, Л. П. Клобукова // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2001. № 6.
2. *Величко А. В.* Когнитивный подход к языку и практика преподавания русского языка как иностранного // Язык и социум : материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Л. Н. Чумак. Минск, 2007. С. 127–130.
3. *Величко А. В.* Использование когнитивного подхода в теории и практике РКИ // Русский язык за рубежом. 2015. № 6. С. 56–62.
4. *Рожкова Г. И.* Вопросы практической грамматики в преподавании русского языка как иностранного. Москва : Изд-во МГУ, 1978.
5. *Хавронина С. А.* Русский язык : лексико-грамматический курс для начинающих / С. А. Хавронина, Л. А. Харламова. Москва : Русский язык, 1996.
6. *Щерба Л. В.* О взаимоотношениях родного и иностранного языков // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974. С. 338–343.

А. Ю. СОКОЛОВА©

Тверской государственный медицинский университет, Россия
alinasokolova.tver@yandex.ru

ПРОПРИОЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Грамматика современного английского языка традиционно описывается с точки зрения универсальности грамматики не только германских, но и даже индоевропейских языков. При таком описании наблюдается значительное расхождение между традиционными терминами морфологии и синтаксиса (свойственными грамматикам всех германских языков) и реальным функционированием грамматических форм в английском языке. Подобные факты отмечаются практически на

любом отрезке грамматики английского языка. Описать грамматику современного английского языка как явление вполне самостоятельное – это назревшая необходимость. Именно это и является основной задачей проприолингвоцентрической грамматики.

Ключевые слова: грамматический строй современного английского языка, германские языки, проприолингвоцентрическая грамматика.

Sokolova Alina Yurievna, Tver State Medical University, Russia

alinasokolova.tver@yandex.ru

Propriolingocentric grammar of English

The grammar of modern English is traditionally described from the point of view of the universality of the grammar of not only Germanic, but even Indo-European languages. With such a description, there is a significant discrepancy between the traditional terms of morphology and syntax (used in the grammars of all Germanic languages) and the actual functioning of grammatical forms in English. Similar facts are noted in almost any segment of the grammar of the English language. To describe the grammar of modern English as a completely independent phenomenon is an urgent need. This is the main task of propriolingocentric grammar.

Keywords: grammatical structure of modern English, Germanic languages, propriolingocentric grammar.

Описание грамматического строя современного английского языка, несмотря на солидную историю исследований, до настоящего времени связано с целым рядом спорных вопросов, ответы на которые трудно, а часто и невозможно найти в рамках традиционных подходов. Преобразования, произошедшие в грамматике английского языка после норманнского завоевания 1066 г., очевидны и многократно исследованы. Однако до настоящего момента не существует единого мнения среди лингвистов относительно причин этих преобразований. Многие ученые, особенно европейские, главенствующую роль приписывают социолингвистическим факторам. Как известно, несколько веков английский язык сосуществовал, будучи низведенным практически до уровня устного языка обиходно-бытового общения, с нормандским диалектом французского языка, который использовался в официальных сферах общения [3; 4; 5]. Диахроническое исследование множества грамматических явлений английского языка не может не учитывать иноязычного влияния, хотя установить иноязычный источник тех или иных грамматических изменений значительно сложнее, нежели выяснить объем иноязычного воздействия в лексике. Однако подсчеты лексических заимствований из романских языков (от 60 до 80 % лексического состава) поневоле заставляют задуматься о сохранении германской аутентичности английского языка.

Другие ученые, в том числе и автор данной статьи, не столь категоричны в своих суждениях относительно влияния исключительно внешних факторов. В диссертационном исследовании автором статьи на примере развития нефинитной парадигмы глагола в истории английского языка было доказано, что существенные системные изменения в языке были вызваны внутренними преобразованиями, к ускорению и катализу которых привели внешние события [2]. При этом под системными преобразованиями имеются в виду изменения, приводящие к смене типологического статуса (строя) языка.

Вопрос о причинах коренных типологических изменений в истории английского языка вряд ли будет решен единообразно, однако суть произошедших изменений и их наличие не опровергается в лингвистическом мире.

Попытки рассматривать грамматический строй современного английского языка как языка германского и, соответственно, стремление трактовать изменения грамматического строя как эволюцию англосаксонской грамматики скорее множат проблемы в современной лингвистической науке, а не предлагают их разрешения. Современный английский язык описывается традиционной лингвистической терминологией, сформировавшейся большей частью при описании греческого и латинского языков в грамматиках Доната и Присциана, а его грамматический строй уподобляется грамматическому строю прочих германских языков. Конечно, нельзя недооценивать нормализующую роль грамматических описаний, которые могли изменять язык, а не отображать его состояние. Тем не менее нормализующее воздействие грамматической традиции в большинстве случаев оказывается недостаточным, чтобы изменить существующий грамматический строй, и становится одной из причин неадекватного описания грамматики современного английского языка.

Грамматика современного английского языка традиционно описывается с точки зрения универсальности грамматики не только германских, но и даже индоевропейских языков. При таком описании наблюдается значительное расхождение между традиционными терминами морфологии и синтаксиса (свойственными грамматикам всех германских языков) и реальным функционированием грамматических форм. Подобные факты отмечаются практически на любом отрезке грамматики английского языка. Приведем лишь основные, самые заметные примеры.

1. Категории повелительного и сослагательного наклонения. В традиционном описании данные категории используются для выражения повеления (приказов, просьб, советов). В английском языке так называемая форма повелительного наклонения (форма инфинитива без частицы *to*) используется в основном для выражения того, что и как следует делать (инструкции), а вот просьбы и советы выражаются иными грамматическими средствами, чаще всего модальными глаголами в форме сослагательного наклонения (*would, could, should*)¹.

2. Настоящее завершённое время. Название данной грамматической формы, обозначающей действие произошедшее в прошлом, но связанное с настоящим результативной или временной связью, обусловлено традиционной терминологией и формальными признаками, когда грамматическая единица состоит из формы настоящего времени и причастия прошедшего времени с окончанием *-ed*, для которого характерно значение завершенности и результативности. Однако для формы настоящего завершённого значение завершенности вовсе не обязательно.

3. Категория числа имени существительного. Традиционно в германских языках выделяют единственное и множественное число (один предмет – много предметов). Однако в английском языке при трактовке категории числа в традиционных терминах возникает ряд сложностей, например с разным образованием форм единственного числа у неисчисляемых и исчисляемых существительных. Как было доказано в диссертационном исследовании [1], категория числа существительного в английском языке состоит из трех оппозиций: 1) множественность/немножественность, 2) единичность/неединичность, 3) континуум/неконтинуум. Сильный член каждой оппозиции является маркированным и реализуется формантом *-s, a(an), Ø* соответственно. Слабый член каждой оппозиции включает в себя сильные члены двух других оппозиций.

4. Категория артиклевой детерминации. Традиционная оппозиция так называемых определенного и неопределенного артиклей в современном английском языке держится на целом ряде условных допущений. Так, значение неопределенного артикля, прописываемое в грамматиках как 'генерализация', является явным противовесом значению 'индивидуализации' у определенного артикля, тогда как в значении 'генерализации' могут использоваться оба артикля. Оппозиция определенного и неопределенного артиклей, основанная на их функционировании, также оказывается сомнительной, поскольку определенный артикль может сочетаться со всеми классами существительных, тогда как неопределенный артикль сочетается только с исчисляемыми существительными в единственном числе. Эти и прочие проблемы снимаются, если отказаться от традиционной оппозиции определенного и неопределенного артиклей. Так называемый определенный артикль входит в обширную группу детерминативов, тогда как так называемый неопределенный артикль, как было отмечено выше, участвует в формировании категории числа.

5. Категория нефинитных форм глагола. Традиционно выделяют следующие нефинитные формы: инфинитив, герундий, причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени. Однако функциональный анализ заставляет отказаться от данных терминов. В практических целях выделяют два инфинитива – с частицей *to*, без частицы (полуинфинитив), участвующей только в образовании аналитических форм глагола; форму с окончанием *-ing*, функционирующую субстантивно (традиционно называемую отглагольным существительным), адъективно, адвербиально и предикативно; форму с окончанием *-ed*. При подобной трактовке снимается целый ряд вопросов по функционированию неличных форм глагола, например: избыточность семантики инфинитива и герундия, отсутствие парадигматической корреляции причастий, разделение герундия и отглагольного существительного, причастия и прилагательного. Исключается употребление таких терминов, как *half-gerund* или *fused participle* («полугерундий» и «сплавленное причастие»).

Это лишь малый ряд проблем и вопросов, возникающих при описании грамматики английского языка в терминах традиционной универсальной грамматики.

Подобные факты затрудняют не только реальное описание грамматики английского языка, но и, понятным образом, ее изучение.

Описать грамматику современного английского языка как явление вполне самостоятельное – назревшая необходимость. Именно это и является основной задачей проприолингвоцентрической грамматики. Подобное направление является практико-ориентированным, наглядно описывает все явления языка на основании их функций, что значительно облегчает восприятие грамматических единиц и их сочетаний носителями языка. Данное направление, например, исключает использование в грамматике английского языка традиционных терминов типа падеж, лицо, род, так как данные категории абсолютно не релевантны для английского языка. Учитывать специфику грамматического строя современного английского языка, впрочем, не означает полного

отказа от использования при описании вполне традиционных принципов грамматического описания, в частности морфологических категорий и категориальных форм.

Принципы проприолингвоцентрической грамматики английского языка могут быть сформулированы следующим образом:

1. Грамматический строй английского языка следует рассматривать как самодостаточное явление, которое фактически явилось результатом изменения типологических характеристик английского языка.

2. Описание категорий современного английского языка должно основываться на диахроническом исследовании особенностей грамматического строя английского языка с ранних периодов его истории (с англосаксонского периода) до настоящего времени с учетом резкого изменения способа существования языка в конце англосаксонского периода.

3. Развитие грамматического строя английского языка необходимо описывать на основе анализа собственных грамматических категорий и форм, а не путем преимущественного сопоставления английского языка с прочими германскими языками.

4. Описание любого грамматического явления должно основываться на учете его функций в языке, должно соответствовать контекстам его реального употребления.

Проприолингвоцентрическая грамматика – направление, которое активно используется в практических пособиях по грамматике английского языка, выпускаемых за рубежом. Подобный подход позволяет адекватно описать грамматику языка с учетом реального функционирования языковых единиц. Это позволяет выстроить четкую грамматическую структуру английского языка, в которой исключения не только не преобладают численно, а в единичном количестве лишь подтверждают правила, но и снимают многочисленные сложности, связанные с методическими аспектами преподавания грамматики. Вполне вероятно, что данный подход может быть применим и к описанию грамматических структур других языков.

Примечание

¹ Или модальными глаголами, если не утверждать, что указанные формы являются формами сослагательного наклонения модальных глаголов *will, can, shall*. Данный вопрос является спорным исходя из принятого в европейской лингвистике утверждения о том, что наклонение (*mood*) – это категория глагола, связанная с выражением модальности.

Список литературы

1. *Соколова А. Ю.* Развитие семантики единичности у неопределенного артикля в истории английского языка : специальность 10.02.04 : дис. ... канд. филол. наук / Алина Юрьевна Соколова ; Московский педагогический государственный университет. Москва, 2006. 215 с.
2. *Соколова А. Ю.* Системоцентрическое описание нефинитных форм английского глагола : опыт диахронического исследования : специальность 10.02.04 : дис. ... д-ра филол. наук / Алина Юрьевна Соколова ; Московский государственный областной университет. Москва, 2021. 450 с.
3. *Bailey Charles J.* The French lineage of English. *Langues en contact – Pidgins – Creoles* / Charles J. Bailey, K. Maroldt ; ed. by Jürgen M. Meisel. Tübingen : Narr, 1977. P. 21–53.
4. *Danchev A.* The middle English Creolization Hypothesis revisited // *Studies in Middle English Linguistics* / ed. by Jasek Fisiak. Berlin ; New York, 1997. P. 79–109.
5. *Poussa P.* The Evolution of Early Standard English : The Creolization Hypothesis // *Studia Anglica Posnaniensia*. № 14. Poznan, 1982. P. 69–85.

СИНТАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЦВЕТА)

Под синтагматически обусловленной вариантностью понимается варьирование языкового знака, проявляющееся при определенных условиях (синтаксическая конструкция, словесное окружение). На материале составных колоронимов рассматриваются грамматические варианты, различающиеся наличием/отсутствием словоизменения зависимого компонента при одном и том же главном слове. Анализируются причины такого варьирования; отмечаются факторы, поддерживающие отсутствие словоизменения зависимого слова в составе колоронима.

Ключевые слова: составной колороним, грамматическое варьирование, отсутствие словоизменения, синтагматика, жанровая специфика.

Marinova Elena Vyacheslavovna, Linguistic University of Nizhny Novgorod, Russia
marinova@list.ru

Syntagmatically Determined Grammatical Variation in the Russian Language (Based on the Material of Composite Color Names)

Syntagmatically conditioned variation refers to the variation of a linguistic sign that manifests itself under certain conditions (syntactic construction, verbal environment). Grammatical variants differing in the presence/absence of inflection of the dependent component with the same main word are considered on the material of compound coloronyms. The reasons for this variation are analyzed; the factors supporting the absence of inflection of the dependent word in the composition of the coloronym are noted.

Keywords: compound coloronym, grammatical variation, lack of inflection, syntagmatics, genre specificity.

Изучение различных аспектов грамматической вариантности (типы грамматических вариантов в русском языке, причины варьирования, конкуренция вариантов и т. п.) давно уже вышло за пределы проблематики культуры речи и ортологии. Теоретическое осмысление и описание грамматической вариантности (как в диахроническом, так и в синхроническом плане) расширяет представления об устройстве и, главное, функционировании языка, в особенности на так называемых слабых участках (М. Я. Гловинская). Неслучайно вопросам варьирования языковых единиц в современной речевой практике отводится значительное место. Например, в «Русской корпусной грамматике» (проект, над которым работает в настоящее время Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), в разделе, посвященном грамматической категории рода, дается развернутая информация (более полная, чем в предшествующих грамматиках) о родовых вариантах имен существительных.

Внимания заслуживают и более частные случаи грамматической вариантности, которые в силу своей специфики (о чем будет сказано ниже) представляются, возможно, периферийными, не входящими пока еще в зону академического интереса. К таким случаям относится неоднозначный выбор падежной формы (при сохранении грамматического значения) имени существительного, являющегося компонентом составного наименования цвета. Например: *иномарка цвета баклажана – иномарка цвета баклажан*. Наше исследование мы посвятили именно таким случаям, обратив внимание на то, что в настоящее время заметна активизация употреблений составных обозначений цвета с **нулевым** словоизменением зависимого компонента.

За материалом мы обратились к Национальному корпусу русского языка, в котором было обнаружено 30 атрибутивных словосочетаний с опорным компонентом *цвѣта* и зависимым словом, выраженным именем существительным с нулевым словоизменением (поиск осуществлялся по основному и газетным подкорпусам). Кроме того, нашу картотеку дополнили многочисленные примеры, извлеченные из текстов, как правило рекламного характера, различных глянцевого журналов и некоторых других источников, откуда были извлечены такие колоронимы, как *X цвета вишня <жандарм, лосось, малахит, орех, персик, сталь>*.

В ходе исследования необходимо было выявить случаи варьирования падежной формы для каждого составного наименования цвета. Проще всего это можно было сделать по корпусным данным, так как при обнаружении в поисковой системе случаев типа *цвета баклажан* мы фиксировали и нормативные случаи (если они находились). Таким образом была получена следующая картина соотношения грамматических вариантов (цифрами отмечено число употреблений).

А. Преобладают составные наименования с сущ. в Род. пад., т. е. нормативные варианты: *цвета песок* 1 – *цвета песка* 4; *цвета шоколад* 1 – *цвета шоколада* 8; *цвета снег* 1 – *цвета снега* 11. Примеры с ненормативными вариантами см.: *Пол у меня на кухне ламинат, цвета шоколад...* (Форум: Апгрейд дачной кухни. 2011–2013); *Внешняя панель новых холодильников бывает цвета «снег», «песок» («Домовой». 2002.02.04).*

Б. Количество вариантов, одинаковое для каждого составного наименования: *цвета баклажан* 1 – *цвета баклажана* 1; *цвета сапфир* 1 – *цвета сапфира* 1. Примеры ненормативных вариантов: *...Стильный холодильник с дверями необычного цвета «баклажан» прекрасно впишется в современный интерьер кухни...* (МаркаКачества – рейтинги лучших товаров и услуг. 2022.01.09); *Это длинные шубы (есть модели с объемными воротниками) цвета сапфир, черного и всех оттенков коричневого* (С. Сметанина. Shopping. 1996).

В. Преобладают составные наименования с существительным в Им. пад.: *цвета аквамарин* 6 – *цвета аквамарина* 3. См.: *Однажды в наших краях появилась прекрасная девушка с глазами цвета аквамарин, её звали Амели* (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки». 2007).

Г. Отмечены цветообозначения, не имеющие грамматических вариантов. См.: *цвета гудрон* 1; *цвета дипломат* 6; *цвета кардинал* 1; *цвета космос* 1; *цвета крем* 6; *цвета металл* 1; *цвета рубин* 1. Вот несколько иллюстраций: *И сам Георгий Максимович выглядел торжественно: в широкой, из черного вельвета, художнической куртке... в брюках модного серого цвета «гудрон»...* (Ю. Трифонов. Другая жизнь. 1975); *Вернулся через две недели с новой машиной приличной немецкой марки. Цвета «дипломат»* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или Комедия женских положений. 2010); *Камзолы, более светлые на снимке, действительно, оказались красными, цвета «кардинал»...* (Д. Шашурин. Псовая охота // «Техника – молодежи». 1974); *«Жигули», «трешка» синего цвета, или, как поправлял все время Вовка, цвета «космос»* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова. 2013); *И вот я подъезжаю на своих «Жигулях» модели 2305, цвета «рубин» к высокому, красивому и знакомому дому...* (С. Юрский. Вспышки. 2001).

На наш взгляд, новая модель цветообозначения (*цвѣта + сущ. в Им. пад.*) встраивается в один ряд с весьма частотными в современной речи синтагмами с опорными словами *стиль, режим, жанр* и под., как то: *в режиме онлайн, в режиме офлайн, в режиме нон-стоп; в стиле фьюжн, в стиле фолк, в стиле фанк; в жанре экшн; дизайн хай-тек* и т. п. Зависимый компонент здесь проявляет, по-видимому, семантику разных частей речи, поскольку выступает в разных морфологических функциях. С одной стороны, это семантика прилагательного (атрибутивная функция); с другой – семантика существительного (атрибутивное значение формы Род. пад. – ср.: *в жанре мюзикла, система банкинга* и т. п.). Такие словоупотребления синкретичны, поскольку морфологическое выражение предмета и его признака не дифференцировано из-за отсутствия словоизменения. Общее в них заключается еще и в том, что лексические значения главного и зависимого компонентов соотносятся как **род и вид**.

В сочетаниях типа *цвѣта баклажан* смысловые отношения также **родовидовые**. Зависимый компонент здесь может интерпретироваться как неизменяемое прилагательное, особенно в тех случаях, когда у составных наименований цвета, включающих существительное в форме Им. пад. вместо Род. пад., нет грамматических вариантов (группа Г). Возможно, на распространение в современной речи новой модели цветообозначения повлияли и устойчивые для русского языка составные колоронимы с тем же опорным словом и неизменяемыми прилагательными типа *беж, хаки, металл, первани, шампань, электрик* и др., что наглядно иллюстрирует следующий пример, в котором для названия цвета объединены в одну конструкцию и существительное (традиционно склоняемое), и аналитическое прилагательное: *В качестве «подопытного кролика» позаимствовала у приятеля вполне «народный» автомобиль: «девятку» 2000 года рождения, цвета «баклажан-не-металлик», успеваю пробежать около 80 тыс. км* (И. Романчева. «Купи-продай» в одном стакане // «За рулем». 2004.02.15). Сходство указанных моделей отмечается также в [1, с. 115].

Кроме того, как показывает материал исследования, в текстах предшествующих столетий для обозначения определенных цветовых оттенков использовались словосочетания с неизменяемым вторым компонентом, омонимически совпадающим с существительным (*цвѣта крем, цвета маррон, цвета шатен, цвета гелиотрон*). Такая особенность возникла под влиянием французского языка, см. дискурс моды того времени: *Для petites réunions цвета marron, feuilletmorte, pain brûlé, mousse u bronze с добавлением шерстяных кружев crête, очень нарядны; отделка на них loutre, chinchilla считается самой модной* («Новь», 1885). Очевидно, традиция пустила корни и модель составного наименования аналитического типа дошла до нашего времени. Дальнейшее изучение таких колоронимов позволит окончательно решить вопрос об их нормативности с точки зрения грамма-

тики. Однако можно констатировать, что модель сформировалась и, по-видимому, стилистически маркирована (тяготеет к отдельным речевым жанрам, например рекламному тексту, и дискурсам).

Сама же грамматическая вариантность, проявляющаяся в этой группе номинаций по отношению к традиционно склоняемым субстантивам, представляется нам синтагматически обусловленной, «привязанной» к определенным лексико-семантическим и морфологическим средствам.

Список литературы

Крылосова С. Г. Синкретические колористические неологизмы в русском языке / С. Г. Крылосова, В. И. Томашпольский // *Rossica Olomucensia LIII : Sborník příspěvků z mazinárodní conference XXII. Olomoucké dny rusistů* (04–06.09.2013). Olomouc, 2014. P. 113–117.

И. И. БАКЛАНОВА ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия

ii-baklanova@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЧЛЕНИМОСТИ В ГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА ХОДИТЬ)

В статье описываются особенности сочетаемости глагола *ходить* в газетных текстах. Отмечается, что семантико-грамматические особенности анализируемого глагола движения определяют свободное и фразеологически связанное значения. Дается анализ категории членимости названных сочетаний, определивший ядерные единицы (как членимые, так и нечленимые) и периферийные, членимость которых неоднозначна.

Ключевые слова: глагол движения, сочетаемость, категория членимости, лексическое значение.

Baklanova Irina Ivanovna, Perm State University of Humanities and Pedagogy, Russia

ii-baklanova@mail.ru

Manifestation of dividedness category in verb combinations (according to the example of the verb 'to walk')

Peculiarities of compatibility of the verb 'to walk' in newspaper texts are described in the article. It is noted that semantic and grammatical peculiarities of the analyzed verb of motion determine free and phraseologically related meanings. The analysis of dividedness category of the named combinations is given, which determines nuclear units (both dividedness and indivisible) and peripheral ones, the dividedness of which is ambiguous.

Keywords: verb of motion, compatibility, dividedness category, lexical meaning.

В данной статье мы рассмотрим особенности сочетаемости глагола *ходить*, для этого определим его семантико-грамматические характеристики как глагола движения. Лингвисты неоднократно обращались к изучению глаголов движения, рассматривали их грамматические особенности в тесной взаимосвязи с категорией вида. В основе современного понимания глаголов движения лежит теория А. А. Шахматова, который применил к семантике глаголов движения термины «кратность»/«некратность». Глаголы типа *идти* относились к «моторно-некратному» подвиду, а глаголы типа *ходить* – к «моторно-кратному», т. е. группы глаголов движения типа *идти* и типа *ходить* противопоставляются друг другу по видовому признаку кратности/некратности [9, с. 89]. Эта точка зрения А. А. Шахматова сохраняется в «Русской грамматике»: «Глаголы движения являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов несов. вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разнокорневых в паре *идти* – *ходить*). Эти слова противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности/неоднонаправленности, а также по некратности/кратности» [1, с. 590–591].

Глагол *ходить* является полисемантом. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова у глагола *ходить* семь значений [7, с. 865], в Словаре русского языка – 17 [5, с. 611–612], в словаре под редакцией Л. С. Ковтуна и В. П. Петушкова – 14 значений [6, с. 272–290]. Многозначный глагол обладает большими возможностями сочетаемости: к нему присоединяются слова с пространственной семантикой, с указанием адресата и пр. Определяя степень свободы сочетаемости глагола *ходить* с формами, выражающими направление движения, отметим, что он может обозначать движение или перемещение объекта безотносительно к его конкретному направлению (*ходит по двору*); относительно конкретного предмета (*ходил к Ивану*); перемещение из одного пункта

в другой (*ходил из комнаты в комнату*) и т. д. Во всех случаях управляемая форма избирается в зависимости от характера соотношения с предметом. Наличие этих связей, скорее всего, факультативно, потому что бесприставочный глагол *ходить* априори будет глаголом со слабым управлением (ср.: *ходить в школу – входить в школу*) [4, с. 63].

Являясь ядерным глаголом в ряду глаголов движения, слово *ходить* широко употребляется в текстах всех функциональных стилей.

Сегодня мы продолжаем исследование сочетаемости глагола *ходить*, выполненное выпускницей филологического факультета ПГГПУ М. Н. Сандраковой на материале художественного и речевого (диалектного) дискурсов под руководством автора настоящей статьи [3]. В данной статье проанализировано 330 предложений из Национального корпуса русского языка (газетного подкорпуса). Выбор текстов другого стиля обусловлен необходимостью подтвердить на новом материале членимость/нечленимость сочетаний с глаголом *ходить*.

Членимость/нечленимость мы рассматриваем как категорию, присущую единицам языка на уровне сочетаний слов. Сочетания с глаголом *ходить*, как и другие глагольные сочетания, могут представлять собой *свободные* словосочетания (ядерные), *фразеологически связанные* сочетания слов и *переходные* единицы (периферийные), чей статус невозможно однозначно квалифицировать. В основе членимости/нечленимости лежит несколько оснований: свободное или связанное лексическое значение многозначного глагола, семантическая структура простого предложения, связанная с целеустановкой говорящего.

Обозначим все перечисленные единицы.

Свободные словосочетания представлены глаголами с прямым значением. Например, глагол, выражающий оттенок 2-го значения [5] «двигаться в определенном направлении, по определенному маршруту; ехать, плыть, лететь (о средствах передвижения)»: *Из Москвы в некоторые даты поезда перестанут ходить до Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Волгограда, Мурманска, Нижневартовска и Челябинска*. Или глагол в 3-м значении [5] «обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время»: *Предполагается, что с 1 февраля можно будет посещать массовые мероприятия, ходить в учреждения культуры, кафе и магазины; По его словам, во время январских каникул люди не будут ходить на работу, а дети – в школы и детские сады*. В газетных текстах глагол *ходить* в 1-м значении «обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)» употребляется редко: *...обеспечить удобное голосование тем, кто не может ходить, видеть или слышать*. Свободно сочетается глагол *ходить*, имеющий оттенок 5-го значения «распространяться, становиться известным многим»: глагол *ходить* используется с существительными *слухи, рассказы, версии, мнения* и под.: *Версии ходят разные; По-прежнему в публике ходят мнения, что нам нужна «сильная рука»; Споры о статусе игроков в сборных ходят на всех уровнях*. Наиболее частотно используется существительное *слухи*: *А то ходят слухи, что любой генерал РВСН может запустить ракету нечаянно; Ходят слухи и про пенсионный возраст*. Во всех, в том числе и последних, примерах семантическая структура предложений такова, что глагол движения обозначает самостоятельное действие: *ходят слухи* – семантическая структура «субъект – его процессуальное состояние» [2, с. 254].

Синтаксически обусловленными значениями являются: «быть кем-л., состоять в каком-л. звании, должности» (12-е знач.) и «носить что-л., быть одетым во что-л.» (13-е знач.) [5]: *...но пока еще они [режиссеры] ходят в новичках; ... в вояках ходят; Volkswagen Tiguan, Kia Sportage и Skoda Yeti; У меня из ЛДПР в поклонниках ходят; Европейский опыт не кажется депутату применимым в нашей стране: «Это похоже на попытку заставить всех ходить голыми, так как кто-то может прятать под одеждой оружие», – пояснил Горелкин*. Их синтаксическая нечленимость обусловлена недостаточной самостоятельностью глагола, выступающего в качестве вспомогательного в составном именном сказуемом.

В текстах газетного стиля зафиксированы и фразеологически связанные значения глагола *ходить*: *С учетом опыта холодной войны многие решения можно было бы найти быстро, а не ходить по кругу, сожалеет эксперт; Здесь за примером далеко ходить не надо: тарифы на платных трассах регулярно повышаются по экономическим обоснованиям; Ходить к спонсорам с протянутой рукой – не считаю это конструктивным* [8, с. 509].

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, вызывают сочетания слов, занимающие промежуточное положение по отношению к категории членимости – *ходить по кабинетам, ходить по инстанциям, ходить в суды (по судам)*: *С переходом на электронный документооборот будущие мамы будут избавлены от необходимости ходить по кабинетам; Это должна быть понятная книга, которая четко описывает подход*

к решению проблем, а не заставляет селянина **ходить по кабинетам** и собирать справки; С 1 января 2022 года инвалидам не нужно будет **ходить по инстанциям**, чтобы оформить пенсию; В случае принятия законопроекта, который 16 февраля прошел первое чтение в Госдуме, людям не нужно будет **ходить по инстанциям**, собирать справки и подавать заявления с просьбой оформить соцподдержку; Границы у них не оформлены, и людям приходится **ходить в суды** и доказывать, что они в течение 15 лет владеют землей в существующих границах. Эти и подобные им сочетания слов не отмечены в словарях как связанные единицы, однако их воспроизводимость (в нашем материале *ходить по инстанциям* – 8 употреблений; *ходить по кабинетам* – 3 употребления) и десемантизация имени существительного способствуют их фразеологизации. Сравним: *ходила в 105-й кабинет* (однонаправленное движение / некратное, есть конкретность/определенность) – *целый день ходила по кабинетам* (разнонаправленное/кратное, нет определенности); *ходила в суд на Екатерининской* – *ходила по судам* (ходить по судам – «судиться»). Полагаем, что аналогично может развиваться нечленимость в сочетаниях *ходить по магазинам* – «делать покупки»; *ходить по ресторанам* – «вести праздный образ жизни». Важно отметить, что форма множественного числа имен существительных также способствует десемантизации лексемы: *ходила к врачу* (действие, направленное к конкретному адресату) – *ходила по врачам* (действие обобщенное – обозначает «обследовалась/лечилась»).

Таким образом, **тенденции** для членимости /нечленимости сочетаний с глаголом *ходить* в газетном стиле те же, что и в художественном стиле, разговорной речи. Категория членимости/нечленимости, примененная к сочетаниям с глаголом движения *ходить*, опирается как на грамматические, так и семантические основания. Только в этом материале мы наблюдаем фразеологизацию единиц новой группы: *ходить по кабинетам / по инстанциям / по врачам / по судам* и под. В основе новой единицы глагол в 3-м значении Словаря русского языка и существительное пространственного значения с предлогом **по**. В случае фразеологизации значения семантическая структура этих предложений, в отличие от формальной, не предусматривает объектного или обстоятельственного распространителя.

Список литературы

1. *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой : в 2 т. Т. 1. Москва : Наука, 1980. 784 с.
2. *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой : в 2 т. Т. 2. Москва : Наука, 1980. 710 с.
3. *Сандракова М. Н.* Особенности сочетаемости глагола «ходить» (на материале диалектной и художественной речи) // Молодая филология – 2015 : языки и литература: прошлое и настоящее : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-метод. конф. молодых ученых (Пермь, 28 мая 2015г.) / отв. ред. С. С. Иванова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2015. С. 191–196.
4. *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. Москва : Просвещение, 1971. 239 с.
5. *Словарь русского языка* / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. Москва : Русский язык, 1984. 794 с.
6. *Словарь современного русского литературного языка* / под ред. Л. С. Ковтуна и В. П. Петушкова : в 17 т. Т. 17. Москва ; Ленинград : Наука, 1965. 2127 с.
7. *Толковый словарь русского языка* / под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Москва : А ТЕМП, 2004. 944 с.
8. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. Москва : Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
9. *Шахматов А. А.* Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. Москва : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1952. 684 с.

ОТНОШЕНИЯ ОБРАТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ОБНАРУЖЕНИЯ

В статье рассматриваются конструкции обратного подчинения, выражающие отношения обратной обусловленности, анализируются средства их выражения в структуре сложноподчиненных предложений. Среди таких средств выделяются лексические – союзы и соотносительные слова, структурно-грамматические – порядок и временное соотношение предикативных частей, а также контекстуальные.

Ключевые слова: условие, причина, умозаключение, обоснование, сложноподчиненное предложение, коммуникативная установка.

Galkina Natalia Pavlovna, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma, Russia
gnpav@mail.ru

Relations of inverse conditioning: means of expression and detection methods

The article deals with the constructions of inverse subordination, expressing the relations of inverse conditionality, analyzes the means of their expression in the structure of complex sentences. Among these means are lexical – conjunctions and relative words, structural and grammatical – order and temporal relation of predicate parts, as well as contextual.

Keywords: condition, reason, conclusion, argumentation, complex sentence, communicative objection.

Язык – это не только орудие общения, но также орудие формирования и эксплицирования мысли [9, с. 97]

Язык – это своего рода «оболочка», в которой отражающая деятельность познающего субъекта получает формальное выражение. Характеристики мыслительного процесса позволяют посмотреть на внутреннюю взаимосвязь отношений причины, следствия, условия, цели, уступки в едином комплексе общего понятия обусловленности. В «Теории функциональной грамматики» (т. 6) подчеркивается несимметричность, иерархическая зависимость компонентов, составляющих отношения обусловленности: одна ситуация является обуславливающей, а другая – обусловленной, причем смысл всей структуры интегративен и не сводится к простому соединению смыслов составляющих ее компонентов [13, с. 140–141]. Многие лингвисты сходятся во мнении, что условные, причинные, следственные, целевые, уступительные отношения находят свое наиболее полное грамматическое выражение в структуре сложноподчиненного предложения (далее – СПП). Мы также рассматриваем обозначенную проблему на уровне СПП.

Выражение отношений обусловленности должно строиться с учетом двух уровней познания объективной действительности: эмпирического и теоретического. На эмпирическом уровне объектом фиксирования связи является зависимость между предметами и явлениями объективной действительности, отношения, которые существуют вне сознания познающего их субъекта. На теоретическом уровне познания задачей автора высказывания является не обозначение взаимосвязи как таковой, а оформление ментальной операции по установлению этой зависимости, логическое обоснование вывода.

Разграничение смыслов приводит к тому, что при характеристике конструкций со значением обусловленности выделяют две сферы: отношения прямой и обратной обусловленности. Как указывает А. К. Фёдоров, который вместе с учениками разработал эту проблему, «обратноподчиненные – это придаточные, которые только грамматически зависят от главного предложения, так как всегда имеют в своем составе подчинительный союз или союзное слово, по смыслу же они поясняются, определяются главным. Прямоподчиненные – это придаточные, которые и по смыслу, и грамматически зависят от главного предложения, поясняют его» [14, с. 75–79]. В «Русской грамматике» для характеристики данного явления используется термин «отношение обратной обусловленности» [10, с. 563].

Типичным квалификатором отношений внутри СПП являются союзы или их аналоги. Это могут быть союзы, обозначающие тип взаимосвязи в самом общем виде, либо специализированные, конкретизирующие оттен-

ки значений. При неоднозначности союзной скрепы характер отношения обычно уточняется лексическим средством, поддерживающими тот или иной семантический компонент. Предложения с инверсивным направлением обусловленности часто маркируются специализированными актуализаторами (*значит, очевидно, следовательно, по-видимому* и т. п.). См. примеры: 1. **Если** сериалы снимают, **значит** это кому-то нужно [15]. 2. **Если** данное средство помогает, **значит** больной болен такою-то болезнью [3, с. 24]. Ситуация, описанная в придаточной части СПП, служит не условием, а лишь внешним поводом для заключения вывода, содержащегося в главной части. И слово *значит* помогает формально обозначить факт (или процесс) установления данной взаимосвязи субъектом высказывания. Прямые отношения между ситуациями, существующие вне сознания говорящего, обнаруживаются при трансформации в реально-условное СПП, когда придаточная и главная части меняются ролями. Ср.: 1. *Сериалы будут снимать, если это кому-то нужно.* 2. *Если* больной болен такою-то болезнью, *данное средство поможет.*

Рассмотрим пример оформления отношений обратной обусловленности парой *раз ... , значит*. Вообще говоря, союз *раз* используется для описания ситуаций, в которых условно-следственные отношения тесно переплетаются с причинно-следственными. См. пример: (...) *раз* картины представлены на государственной выставке – **значит** их не скрывают [1, с. 193]. Ситуация, описанная в придаточной части, является лишь внешним поводом для установления вывода о том, что сообщается в главной части. Собственно причинные (или условные) отношения проявляются при инверсии: *Картины представлены на государственной выставке, потому что их не скрывают. Если картины не скрывают, они представлены на государственной выставке.*

Среди причинных СПП также встречаются предложения логического обоснования с обратной обусловленностью. Представленная в них аргументация построена таким образом, что придаточная часть фактически содержит информацию о реальном следствии, а главная – о реальной причине. Квалификаторами обратнo-аргументирующего значения могут служить союзы *поскольку, так как*, а также модально-оценочные слова в главной части: *очевидно, по-видимому, вероятно, значит, следовательно* и т. п. См., например: *Поскольку при этом мембраны сохраняются, то размер липидных пор в них не превышает, очевидно, этого нижнего предела* [2, с. 62]. На самом деле *размер липидных пор, не превышающий нижнего предела*, является причиной того, что *мембраны сохраняются*. Для наблюдателя же, выстраивающего умозаключение, последний факт служит наглядным свидетельством, позволяющим сделать вывод о *размере липидных пор*. В семантическом плане налицо отношения обратной обусловленности.

Встречаются случаи оформления отношений обратной каузальной зависимости союзом *потому что*: 1. *КФУ, видимо, самый честный вуз, потому что платит за публикацию научных статей через систему госзакупок* [6]. 2. *Нева вышла из берегов, потому что наступила угроза наводнения* [11]. В первом из приведенных примеров модальное слово *видимо* свидетельствует об аргументирующей позиции автора. Представленные ситуации получают статус «причины» и «следствия» в субъективной интерпретации автора высказывания, который таким образом выражает иронию в отношении вузов, стремящихся повысить свой рейтинг за счет увеличения количества публикаций, не заботясь об их качестве. Во втором примере в рамках самого СПП, помимо союза *потому что*, нет маркеров, позволяющих определить направление причинной зависимости. Но логика описываемых событий указывает на характер обратного подчинения.

Отметим, что при оформлении отношений логического обоснования невозможно использование расчлененной формы (*потому, что*), которая прямо указывает на причину, актуализирует ее. Примечательно, что структура и семантика некоторых средств связи СПП предполагает их предпочтительное использование для оформления отношений прямой обусловленности или прямой аргументации вывода. Таков, например, союз *ибо*. По А. Н. Стеценко, основное значение данного союза – это значение логического обоснования, что, по мнению исследователя, является причиной его «достаточной употребительности в публицистической и научной литературе» [12, с. 249]. По нашим наблюдениям, в оформлении предложений обратной обусловленности союз *ибо* не участвует [4, с. 32–35]. Также и союзные сочетания суженной семантики – *в случае если, при условии если, при условии что, по причине того что, вследствие того что, ввиду того что* и т. п. – оформляют отношения прямой обусловленности / прямого логического обоснования.

Итак, средством выражения отношений обратной обусловленности служат семантические союзы, часто в сочетании с лексическими компонентами. С. Г. Ильенко называет их функциональными, подчеркивая, что они способны не просто закреплять те или иные отношения, а как бы создавать их [8, с. 6].

Еще одно, грамматическое, средство, сигнализирующее об обратном характере обусловленности, – «перевернутые» временные отношения, когда грамматическое время обуславливаемого предшествует времени обу-

словливающего. Иными словами, сказуемое главной части выражено в прошедшем времени, а сказуемое придаточной – в настоящем. См., например: *В прошлом значение p во Вселенной было выше, поскольку величина H уменьшается со временем* [5, с. 124]. Здесь имеет место смысловая инверсия: главная часть фактически представляет информацию о реальной причине, а придаточная – о реальном следствии. Восстановление грамматически правильных временных отношений и перемещение союза из придаточной части в главную способствует обнаружению объективных причинно-следственных отношений, существующих вне говорящего субъекта. Ср.: *Поскольку в прошлом значение p во Вселенной было выше, величина H уменьшается со временем.*

Структурный признак конструкций оформления обратного подчинения проявляется в порядке расположения предикативных частей СПП. Высказывания данного вида ориентированы на формулировку вывода, поэтому используются, главным образом, предложения с препозитивной придаточной частью. Информация в таком построении воспринимается как цепочка рассуждений, в которой из одной ситуации следует другая.

Выше мы упоминали роль контекста в квалификации отношений обратной зависимости. Встречаются случаи, когда в рамках предложения направление обусловленности не маркируется ни лексически, ни грамматически, и коммуникативная установка говорящего/пишущего определяется лишь из контекста, например: *Но если человек днями валяется на диване и не может подняться, то это уже не лень, а клиническая депрессия* [7]. Здесь также имеет место обратное обоснование: на самом деле условие заключается в главной части, а следствие, предполагаемое при выполнении этого условия, – в придаточной. Так, при трансформации наблюдаем более ясную, прямую взаимосвязь: *Если у человека клиническая депрессия, он днями валяется на диване и не может подняться.* Обратное построение оригинального высказывания обусловлено интенцией говорящего/пишущего выразить оценочное умозаключение, сделанное на основе проявления следствия из предполагаемого условия.

Таким образом, отношения обратного подчинения обнаруживаются по средствам их выражения: лексическим – союзы и соотносительные слова, структурно-грамматическим – порядок и временное соотношение предикативных частей, а также контекстуально. Конструкции обратной обусловленности являются иллюстрацией и подтверждением того, что язык служит не только для передачи мыслей, но и для их возникновения и формирования.

Список литературы

1. Андроников И. О собирателях редкостей // Новый мир. 1960. № 11. С. 193.
2. Антонов В. Ф. Биофизика : учебник для студентов высших учебных заведений / В. Ф. Антонов, А. М. Черныш. Москва : ВЛАДОС, 1999. 288 с.
3. Вересаев В. В. Записки врача. Москва : Эксмо, 2010. 320 с.
4. Галкина Н. П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2021. Т. 43, № 3. С. 32–35.
5. Гинзбург В. Л. О физике и астрофизике : ст. и выступления. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1992. 528 с.
6. Заякин А. Пиши, Емеля / А. Заякин, А. Шмагин // Новая газета : сайт. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/20/80297-pishi-emelya> (дата обращения: 20.05.2019). Текст : электронный.
7. Зубов М. Мифы и правда о русской лени : наши мужчины работают, как американцы, а отдыхают, как итальянцы. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26978/4037905/> (дата обращения: 20.05.2022). Текст : электронный.
8. Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке : типология сложноподчиненного предложения. Ленинград, 1976. 32 с.
9. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Ленинград : Наука, 1972. 216 с.
10. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2: Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан [и др.]; гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Наука, 1980. 714 с.
11. Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения: 10.05.2019). Текст : электронный.
12. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка : учебное пособие для пед. ин-тов и филол. фак-в ун-тов. Изд-е 2-е, испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1977. 352 с.
13. Теория функциональной грамматики : локативность, бытийность, посессивность, обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 230 с.

14. Фёдоров А. К. Об обратном подчинении в современном русском языке // Русский язык в школе. 2003. № 4. С. 75–79.
15. Шульга Н. Иностранцы изучают советский патриотизм по сериалу «Чернобыль». URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26981.7/4040315/> (дата обращения: 20.04.2020). Текст : электронный.

ЧЖАН СЮАНЬ ©

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

fangxiatui@gmail.com

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВЕЙШЕЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

Предлагается авторский подход к интерпретации феномена *наукометрия*, устанавливаются аксиологические признаки новейшей лингвистики. Иллюстрируются способы реализации ключевой функции современной лингвистики – функции воззвания к научному поиску за счет наукоцентричного видения объекта анализа. Доказывается роль синергии языкового и педагогического образования как стимулирующего фактора развития науки.

Ключевые слова: новейшая лингвистика, наукометрия, исследовательская деятельность, языковое образование, педагогическое образование.

Zhang Xuan, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

fangxiatui@gmail.com

Scientometric potential of the latest linguistics

The author's approach to the interpretation of the phenomenon of scientometry is proposed, axiological signs of the latest linguistics are established. The ways of implementing the key function of modern linguistics – the function of appealing to scientific search due to the sciencentric vision of the object of analysis are illustrated. The role of synergy of language and pedagogical education as a stimulating factor of science development is proved.

Keywords: modern linguistics, scientometrics, research activity, language education, pedagogical education.

В основу данной работы положена гипотеза о том, что посредством языка следует не только обучать языковым явлениям, приобщать к культурному наследию, но и мотивировать учащихся к исследовательской работе. Актуальность данного подхода не вызывает сомнений, поскольку «исследование в современном мире позиционируется не столько как специфическая деятельность научных работников, сколько как составляющая любой деятельности, как стиль жизни современного человека» [1, с. 18].

Остановимся на ключевых понятиях предпринятого исследования: *новейшая лингвистика* и *наукометрия*.

В конце XX в. были обозначены такие основные доминанты научной парадигмы лингвистического знания, как антропоцентризм, функционализм, экспланаторность, экспансионизм.

На современном этапе, по мнению А. П. Седых, мы являемся свидетелями «бабелизации» интернета и завершения эпохи универсализации английского языка [2, с. 5]. Ключевой аксиологической характеристикой новейшей лингвистики, на наш взгляд, становится ее приоритетная роль в продвижении науки. Таким образом, в основе новейшей лингвистики лежит комплексный междисциплинарный подход, результаты которого отличаются терапевтическим воздействием на культурную и научную жизнь общества, стимулируя прогресс последней.

Наукометрия, согласно общеизвестному определению, – это область науковедения, занимающаяся статистическими исследованиями структуры и динамики научной информации. В нашем исследовании под наукометрическим потенциалом лингвистики понимаются ресурсы языка и культуры, которые при определенных условиях активизируют интерес к исследовательской деятельности и стимулируют развитие науки.

Раскрытие наукометрического потенциала лингвистики возможно благодаря синергии языкового и педагогического образования. Не случайно И. В. Щеглова рассматривает «языковое образование» как синергический концепт, объединяющий «образование», «воспитание», «развитие» [3, с. 362].

Итак, детерминирующей функцией новейшей лингвистики нам видится функция воззвания к научному поиску за счет наукоцентричного видения объекта анализа. Это достигается благодаря акцентированию внимания на отдельных феноменах науки (изучение ценностных доминант научной коммуникации, концепта «наука»

в синхронии и диахронии», ключевых характеристик типажа «ученый» (выделение его классификации и подробное изучение каждой разновидности), совершенствование коммуникативных умений и навыков для создания и продвижения продуктов исследовательской деятельности, грамотный подбор текстов для включения в учебники и учебные пособия на всех ступенях образования (школа – вуз), качественное изучение научного стиля языка. Грамотная совместная работа лингвистов и педагогов, разделяющих позицию Г. Спенсера о том, что «наука – это организованное знание», позволит решить поставленную задачу.

Примечание

¹ Данное научное исследование было проведено в рамках грантовой программы поддержки лучших проектов иностранных аспирантур BIG PhD в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого.

Список литературы

1. *Забелина С. Б.* Формирование инновационной практико-ориентированной образовательной среды для развития исследовательских умений магистрантов // Проблемы теории и практики инновационного развития и интеграции современной науки и образования : материалы II Междунар. междисциплинар. конф. (19 февраля 2020, Москва). Москва, 2021. С. 18–22.
2. *Седых А. П.* Лингвистика и новейшая эпистемология // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VII : сб. науч. ст. VII частной науч. конф. (03 ноября 2021, Могилев). Могилев, 2022. С. 3–6.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ЛЕКСИКОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ. СЕМАНТИКА И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Е. Ю. ВАУЛИНА ©

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
miauling@yandex.ru

МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ПОЛНОГО ТИПА КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

Современный толковый словарь полного типа ставит своей задачей описание модели языковой картины мира как вербализованного упорядочения знаний. Лексико-семантические единицы в этой модели объединяются на основе концептуального содержания, репрезентируя результаты лингвистической категоризации действительности различных типов. Для анализа лексических средств выражения категорий важны как обобщающий характер такой модели, так и особенности ее представления в словаре.

Ключевые слова: толковый словарь, языковая картина мира, модель, лингвистическая категоризация.

Vaulina Ekaterina Yurievna, The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
miauling@yandex.ru

A model of the linguistic picture of the world in a full-type explanatory dictionary as a reflection of the cognitive categorization

The modern explanatory dictionary of the full type has its task of describing the model of the linguistic picture of the world as a verbalized ordered knowledge. Lexico-semantic units in this model are grouped on the basis of conceptual meaning, representing the results of linguistic categorization of various types. To analyze the lexical means of expressing categories, it is important to take into account both the generalizing nature of such a model and the specific features of its representation in the dictionary.

Keywords: explanatory dictionary, linguistic picture of the world, model, linguistic categorization.

Современная толковая лексикография рассматривает результаты лингвокогнитивной категоризации [5, с. 21], исследуя вербализованное упорядочение знаний. «Информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка» [4, с. 400], составляет языковую картину мира. Формой организации единиц в словаре служат представляющие результаты естественной категоризации действительности семантическое поле, тематическая и лексико-семантическая группа, синонимический и антонимический ряд, родо-видовая группа, таксономическая иерархия. Но для выстраивания «формально-семантических объединений по общности категориальных сем» [7, с. 131] на основе материалов толковых словарей важно учитывать, что «языковая картина мира постоянно претерпевает трансформации» [8, с. 351], а «принципы организации категорий, их основные параметры и статус могут меняться, как меняется с ходом времени и вся система коллективных и индивидуальных знаний человека» [3, с. 8]. Временная направленность, объем словника, глубина разработки семантики, показ связей между единицами в том или ином толковом словаре оказываются и параметрами задаваемой его описанием модели языковой картины мира; вернее, двумерной проекции такой модели, разворачивающейся в пространстве и во времени. Составляемый в РГПУ им. А. И. Герцена под редакцией Г. Н. Складневской «Словарь русского языка XXI века» рассчитан на представление более 220 тыс. вокабул, подробную семантическую разработку каждой представляемой единицы с учетом тематических и лексико-семантических групп, родо-видовых отношений и таксономических иерархий.

Рассматривая вопрос о типах языковых картин мира, Н. Н. Гончарова противопоставляет наивную и научную «по качеству отображаемого объекта», при этом наивная – «это знание “обычного” человека о мире, в котором он живет и действует» [4, с. 403]. Современный словарь составляется в эпоху все возрастающей роли науки и технологий в жизни человека, когда рядовой носитель языка «является “пользователем” науки, потребителем ее продуктов и результатов» [10, с. 8]. Е. В. Дзюба относит лексикографическую картину мира к профессиональной, понимая под ней «процесс членения онтологического пространства, учитывающий научное знание, но также адаптирующий, опосредующий научные представления о мире к условиям наивного восприя-

тия» [6, с. 44]. А. А. Яковлев разграничивает научную и наивную картины мира так: «первая реализуется в “ученых” словах, в так называемом языке науки, вторая – в “обиходных” словах, в том языке, который используется человеком повседневно» [10, с. 12].

Объединение черт принятого в ботанической классификации и направленного на обыденное восприятие описания отмечается и в «Словаре русского языка XXI века» в названиях растений: *валериана* – «**1. Бот.** (в ботанике) Многолетнее травянистое лекарственное растение семейства валериановых с белыми или розовыми мелкими цветками, собранными в соцветия»; *витания* – «**1. Бот.** Многолетнее вечнозеленое кустарниковое растение семейства пасленовых с овальными листьями, желтыми цветками и спрятанными в чехлик оранжевыми ягодами, содержащее в корнях алкалоиды и свободные аминокислоты»; *вишня* – «**1. Бот.** Плодовое дерево или кустарник семейства розоцветных с белыми цветками и сочными съедобными темно-красными ягодами с косточкой». При этом в таких толкованиях могут обнаруживаться филиации, отсылающие к только обыденному практическому опыту человека: *ванда* – «**Бот.** Многолетнее травянистое растение семейства орхидных с мясистыми продолговатыми листьями, воздушными корнями и яркими, иногда ароматными цветками; *такое растение как комнатное*»; *веерник* – «**2. Бот.** Травянистое растение семейства злаковых с веерообразными метелками, образующее крупные рыхлые дерновины с ползучими корневищами; *такое растение, используемое в ландшафтном дизайне*».

Следующими при линейном разворачивании структуры статьи показываются значения, представляющие практическое знакомство человека с растениями в обыденной жизни: *валериана* – «**2. Собр.** Корни одного из видов этого растения, используемые в медицине»; *вишня* – «**2. Ягода** такого дерева или кустарника».

Если практическое использование каких-либо частей растения становится распространенным в определенной области деятельности человека, возникает еще одна лексико-семантическая единица, которая может репрезентировать как обыденное, так и специальное знание: *валериана* – «**3. Фарм.** (в фармацевтике) Лекарственное средство, изготовленное из корней такого растения, обладающее успокоительным действием»; *витания* – «**3. Фарм.** Биологически активная добавка или лекарственное средство, изготовленные из плодов или корней такого растения, обладающее общеукрепляющим, иммуностимулирующим, успокаивающим и одновременно тонизирующим действием»; *вишня* – «**3. Древесина** такого дерева или кустарника».

Н. Н. Болдырев как специфический процесс познания окружающего мира рассматривает его «оценочное картирование» [2, с. 104]; лексико-семантические единицы не только фиксируют результаты концептуализации физической картины мира, но и формируют различного рода оценочные категории: *ваниль* – «**3. Жарг.** Что-л. излишне сентиментальное»; *дуб* – «**1. Бот.** <...> | *Разг.* Перен. О глупом, тупом, нечутком человеке».

Научная категоризация, соотносимая с теоретическим знанием и основанная на логической дифференциации понятий, должна, по мнению Е. В. Дзюбы, быть строго определенной границами отдельной науки, хотя в ее исследовании встречаются и упоминания о разных вариациях научной картины мира. Н. Н. Гончарова полагает, что могут быть выделены «частнонаучные картины мира» [4, с. 403]. Современное научное знание характеризуется междисциплинарностью и трансдисциплинарностью, и словарь фиксирует единицы, входящие сразу в несколько терминсистем. Да и в общенаучной лексике (в «Словаре русского языка XXI века» снабжаемой пометой «*Научн.*») выделяются единицы, репрезентирующие категориальные узлы, без которых невозможно моделирование сразу нескольких научных областей, что свидетельствует о «непрерывности научного континуума» [9, с. 57] (*агрегат, бюджет, диссипация* и т. п.).

Таким образом, толковый словарь моделирует целостную языковую картину мира, которая на разных своих участках в большей или меньшей степени обнаруживает черты и обыденной, и научной категоризации, и адаптацию научных представлений к категоризации обыденных знаний. Благодаря маркированию тематическими пометами и указанию связей между лексико-семантическими единицами она может быть использована для конструирования языковых картин мира отдельных научных областей и техносферы, а также виртуального мира, религий, диалектов и т. п., но содержит и узлы «межкатегориальных связей» [1, с. 144].

Список литературы

1. *Бирюкова М. А.* Структурно-семантические модели как основа объединения смежных категорий (на материале функционально-семантической категории количественности) / М. А. Бирюкова, С. Я. Гехтляр // Модели в современной науке: единство и многообразие. Калининград, 2010. С. 138–144.
2. *Болдырев Н. Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку : сб. науч. трудов, посв. Е. С. Кубряковой. Москва ; Воронеж, 2002. С. 103–114.

3. *Болдырев Н. Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
4. *Гончарова Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула, 2012. № 2. С. 396–405.
5. *Дзюба Е. В.* О видах и структуре категорий // Вестник НГЛУ. 2012. Вып. 19. С. 20–33.
6. *Дзюба Е. В.* Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 54 с.
7. *Порядина Р. Н.* Скрытые семантические категории : история и методология исследования // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 6 (15). С. 130–131.
8. *Финикова И. В.* Содержательный и функциональный потенциал понятия «языковая картина мира» в современных лингвистических исследованиях // Вестник МГЛУ. 2019. Вып. 1 (817). С. 342–356.
9. *Хижняк С. П.* Общенаучные концепты и термины и их роль в формировании научной картины мира // Язык в различных сферах коммуникации : материалы II Междунар. науч. конф. Чита, 2016. С. 55–57.
10. *Яковлев А. А.* Языковая картина мира как лингвистическое понятие : обзор российских публикаций последних лет // Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 2. С. 5–20.

А. С. КУЛЕВА ©

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
an.kuleva@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается проблема описания фитонимической лексики в толковых словарях русского языка. Трудности лексикографирования названий растений во многом связаны с непоследовательностью в их оценке. Если они признаются подсистемой терминологического характера, за ее пределами оказываются стилистически окрашенные, устаревшие, варианты и т. п. единицы, что обедняет языковую картину мира. С другой стороны, задачи толковой лексикографии и естественных наук по отношению к названиям растений заметно расходятся.

Ключевые слова: фитонимы, лексикология, лексикография.

Kuleva Anna Sergeevna, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
an_kuleva@mail.ru

On plant names through modern explanatory dictionaries description

The article discusses the difficulties encountered in the dictionary description of plant names. Botanical and lexicographical approaches to the description of plant names differs.

Keywords: phytonyms, lexicology, lexicography.

Работа над толковыми словарями русского языка, отражающими его современное состояние, заставляет по-новому ставить и решать теоретические проблемы лексикографии. Очевидно, что просто дополнять уже описанный массив лексики отдельными новыми единицами – путь малопродуктивный. Работа с опорой на уже существующие словари позволяет подходить к словарной работе более системно: предварительно анализировать целые лексические группы, оценивать взаимосвязи лексических единиц в ряду им подобных, комплексно определять необходимость исключения одних и добавления других лексем. Таким образом, составители имеют возможность разрабатывать типизированные словарные описания для лексем одного ряда, более объективно выбирать стилистические пометы и т. п.

«Академический толковый словарь русского языка» (АТос) [1], работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, призван стать новым толковым словарем среднего объема, т. е. описывать значительный объем лексики в ее актуальном состоянии. Системная проработка различных лексических пластов позволяет предлагать новые подходы в словарной работе (см., например, статью [2]). Анализ лексики в ее динамике в настоящее время немислим без обращения к обширному корпусному материалу (прежде всего [7]).

Однако есть лексические группы, требующие особого подхода. Одной из таких групп можно назвать названия растений (фитонимы). С одной стороны, это преимущественно общеупотребительная лексика (ср.: *берёза, бузина, ива, подорожник, ромашка*), с другой – такие единицы нередко рассматривают как номенклатуру терминологического характера. Развитие этого подхода можно проследить по толковым словарям.

Так, в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова (СУш) [8]: **ВАСИЛЁК** *Светло-синий полевой цветок, сорняк, растущий во ржи и других злаках*, тогда как в Малом академическом словаре (МАС) [6]: **ВАСИЛЁК** *Травянистое растение сем. сложноцветных, с синими цветками, встречающееся преимущественно среди посевов озимых хлебов*. Отметим, что наивное описание *полевой цветков* меняется на формулировку, приближенную к естественнонаучному дискурсу, однако в словарной статье по-прежнему описывается элемент наивной картины мира, поскольку с ботанической точки зрения род *Василёк* объединяет несколько видов с различной окраской цветков, помимо синей. Более того, ориентация на типизированное научное описание в ряде случаев делает словарное описание малоинформативным, ср. в МАС:

АСТРА *Травянистое декоративное растение сем. сложноцветных, с цветками различной окраски без запаха;*

ДЕВЯСИЛ *Травянистое растение или кустарник сем. сложноцветных;*

ЗОЛОТАРНИК *Травянистое растение сем. сложноцветных, с желтыми цветками, собранными в соцветия;*

ЦИНЕРАРИЯ *Декоративное травянистое растение сем. сложноцветных, с яркими соцветиями;*

ЦИННИЯ *Травянистое декоративное растение сем. сложноцветных.*

В ряде случаев выбранный подход нарушается; так, в МАС:

ПОДОРОЖНИК *Луговая трава с широкими листьями и мелкими цветками в соцветиях в виде колоса, растущая преимущественно около дорог* (в интересах системности следовало бы ожидать формулировки *подорожник – растение сем. подорожниковых*).

Обращение к естественнонаучным источникам показывает, что формулировки такого рода, уходящие от наивного подхода, тем не менее не являются собственно научными с точки зрения ботаники, ср. в [5]:

ПОДОРОЖНИК (*Plantago*) *род растений сем. подорожниковых порядка норичниковых. Травы, обычно с прикорневой розеткой листьев, иногда – полукустарники. Цветки в колосьях, иногда головчатых.*

Явное противоречие между наивной и научной картиной мира можно обнаружить и в других элементах словарного описания. Показательно, что в СУш и в первых томах Большого академического словаря (БАС-1) [3] при лексемах, называющих растения, использовалась помета *Бот.*, но более поздние лексикографические проекты (МАС, БАС-3 [4] и др.) от нее отказались: эта помета выглядела неуместно по отношению к обиходным, стилистически окрашенным и т. п. единицам, ср. в СУш:

БЕССМЕРТНИК (*бот.*) *Растение с сухими невянущими цветами. Златоцвет – один из бессмертников;*

ГОЛУБОК, чаще *мн. (бот.)*. *Вид полевых и садовых цветonoсных трав, из семейства лютиковых; то же, что водосбор* (сейчас это растение чаще называют *аквилегией*, название *голубки* современному носителю языка едва ли известно).

Но и при отказе от пометы, относившей фитонимы к специальной лексике, ориентация на естественнонаучный подход привела к тому, что от словаря к словарю из словника последовательно исключаются единицы, недостаточно терминологичные: устаревшие, областные, сниженные, обобщенные и пр. (ср.: *бурак, волчец, дalia, желтоцвет, конопель, сморода*). С другой стороны, словари, ориентированные на описание наиболее актуальной лексики, не включают названия не общеизвестных растений, в том числе удовлетворяющие наукоцентричному подходу: так, однотомный словарь под ред. Н. Ю. Шведовой (СШв) [9] не содержит многих названий, включенных в МАС, например: *амариллис, аралия, бадан, белозор, бересклет, вероника, глоксиния, гравилят, драцена, золотарник, ипомея* и др., хотя соответствующие растения объективно существуют в окружающей нас действительности. К сожалению, при исключении недостаточно употребительных лексем пополнение словника более актуальными единицами происходит очень медленно (ср. в АТoS: *борщевик, брокколи* и др.).

Если сравнить основные толковые словари, можно заметить, что рассматриваемая лексическая группа постепенно сокращается: так, СУ (85 тыс. слов) содержит 581 словарную статью, где описываются названия растений, МАС (90 тыс. слов) – 616, СШв (82 тыс. слов) – 391.

Таким образом, лексическая группа названий растений в современных толковых словарях описывается недостаточно адекватно, что обедняет языковую картину мира. Как представляется, эта группа слов заслуживает более пристального внимания и пересмотра принципов ее лексикографического описания.

Список литературы

1. *АТОС* – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1 : А – Вилять; Т. 2 : Вина – Гяур / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва, 2016.
2. *Базаров Е. Э.* Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре : изменения в употреблении просторечной лексики / Е. Э. Базаров, А. С. Кулева, А. Р. Пестова, Л. Л. Шестакова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 1. С. 42–61.
3. *БАС-1* – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. Москва ; Ленинград, 1948–1965.
4. *БАС-3* – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. Москва ; Санкт-Петербург, 2004–.
5. *Биологический* энциклопедический словарь / Гиляров М. С. (гл. ред.). Москва : Сов. энциклопедия, 1986.
6. *МАС* – Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Москва, 1981–1984.
7. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.10.2022). Текст : электронный.
8. *СУи* – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940.
9. *СШв* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Азбуковник, 2007.

Т. Н. БУЦЕВА ©

*НИИ прикладной русистики Российского государственного университета им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
taisbut@gmail.com*

А. В. ЗЕЛЕНИН ©

aleksandr.zelenin@tuni.fi

НЕОЛОГИЗМЫ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ОБЩЕГО ТИПА¹

Статья посвящена некоторым проблемам отбора неологизмов в толковый словарь общего типа (ТСОТ). В первую очередь это касается новейших неологизмов, являющихся одним из объектов описания «Словаря русского языка XXI века» (СРЯ-XXI) (гл. ред. Г. Н. Складарская). Цель работы – выявить проблемные моменты в оценке, отборе и презентации неологизмов в толковом словаре большого объема. В задачи исследования входят следующие вопросы: рассмотрение трактовки термина *неологизм* в толковой лексикографии, стадийность узуализации неологизмов и ее признаки, авторские неологизмы как объект описания в толковом словаре, некоторые особенности неологизации лексического состава русского языка новейшего времени и их отражение в СРЯ-XXI. Используемые методы: обзорный, критико-аналитический, дедуктивный, индуктивный, дескриптивный.

Ключевые слова: толковый словарь общего типа, неологизм, авторский неологизм, узуализация, лексикография, неография, вариативность, графические гибриды.

Butseva Taisya Nikolaevna, The Institute of Applied Russian Studies, *Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.*

taisbut@gmail.com

Zelenin Aleksandr Vasilyevich

aleksandr.zelenin@tuni.fi

Some problems of selection of neologisms in an explanatory dictionary are discussed in the article. First of all, this concerns the newest neologisms, which are one of the objects of description in *The Dictionary of the Russian Language of the 21st century*, DRL-21 (Chief editor G. N. Sklyarevskaya). The purpose of this article is to identify problematic points in evaluation, selection and presentation of neologisms in a multi-volume explanatory dictionary. The proposed research objectives include the following issues: interpretation of the term *neologism* in explanatory lexicography, stadiality of the usualization of neologisms and its signs, author's neologisms as an object of description in an explanatory dictionary, some features of the neologization of the lexical composition of the modern Russian language and their reflection in the DRL-21. The methods are used: review, critical and analytical, deductive, inductive, descriptive.

Keywords: explanatory dictionary, neologism, author's neologism, usualization, lexicography, neography, variability, graphic hybrids.

Каждый заново создаваемый или переиздаваемый толковый словарь общего типа (ТСОТ; словарь, в котором с разной степенью полноты описывается лексика, бытующая в общелитературном языке) стремится отразить лексические инновации, вошедшие в лексический состав языка в период со времени его предшествующего издания или последнего издания словаря данного типа. Объем и характер включаемого в ТСОТ нового лексического материала определяется общим состоянием лексикографии на данный момент, включая имеющуюся эмпирическую базу, используемые при отборе лексического материала методы работы, наличие опубликованных специализированных словарей, разрабатывающих современную неологию, теоретическими наработками лексикологии и лексикографии, типом составляемого словаря (большого, среднего, малого объема [10, с. 91–92]), а также установками конкретного словаря.

1. Понимание неологизма, которым оперируют лексикографы, является концептуально важным. Н. З. Котелова предложила следующее определение неологизмов: «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определ.[енный] период в к.[аком]-л. языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в к.[аком]-л. тексте или акте речи. Принадлежность слов к Н.[еологизмам]... является свойством относительным и историчным» [7, с. 331]. В Проекте СРЯ-XXI неологизмы определяются таким образом: это «слова, еще не зафиксированные в толковой лексикографии, либо представленные в специальных словарях новых слов», в том числе «абсолютно новые слова» [12, с. 146]. В данном определении не учитываются другие виды неологизмов: новые словосочетания, новые значения ранее зафиксированных слов, актуализированные лексемы. Кроме того, установление новизны лексем на основе только словарей и словарных картотек характерно для лексикографии докомпьютерной эпохи. Сейчас для этого используются также текстовые базы данных, доступные через интернет, что значительно повысило точность работы с неологией.

2. Стадиальность узуализации неологизма хорошо описана на материале разных языков; количество стадий у исследователей может варьироваться, покажем стандартную схему: 1) предфаза (появление «потенциального слова» [3, с. 59–60]; 2) нулевая стадия или формирование номинативного значения (иллюстративный характер, заимствование, использование в цитате и т. д.); 3) речевая реализация (использование лексемы в ограниченных контекстах, ограниченным социолингвистическим коллективом); 4) начало узуализации (расширение социолингвистической зоны использования лексемы, изменение стилистического статуса, семантическая трансформация); 5) перемещение слова с периферии языка ближе к центру; 6) закрепление неологизма как узуальной лексемы [2; 6; 8; 15; 17; 18 и др.].

3. Признаки узуализации неологизмов сформулированы Н. З. Котеловой, ими являются: количество регистраций, характер источников, независимость языковой реализации, санкционированность номинации, наличие словообразовательных дериватов и разного рода переносных употреблений, формы речевой реализации (в авторской, неавторской речи и т. п.), социальная значимость реалии, корректность внутренней формы наименования, продолжительность существования в языке [3, с. 57]. Эти признаки неравноценны, и решающее значение имеют оценки на основании ряда критериев [Там же]. В эпоху глобализации социальная значимость слова обуславливает его интернационализацию. Например, интернационализм *брекзит* (англ. *brexit*) ('прекращение членства Великобритании в Европейском союзе и связанная с ним процедура') стал употребляться в русском языке с 2015 г., породив ряд словообразовательных дериватов: *брекзитть*, *брекзитировать*, *побрекзитть*, *брекзитёр* и др. После активного использования в 2016–2020 гг. (по материалам Интегрума) в последующие годы его употребительность снизилась, однако вряд ли это слово уйдет из лексикона совсем, скорее всего оно приобретет статус историзма. Наличие ряда признаков узуализации этого неологизма 2020-х гг. позволяет включить его в ТСОТ, но во втором томе СРЯ-XXI он отсутствует.

4. Какое же время требуется для освоения новой лексики? Б. Н. Головин считал, что это происходит на памяти одного поколения (20–30 лет) [1, с. 91]. Эту же позицию занял «Словарь новых слов русского языка сер. 50-х – сер. 80-х годов XX века», обобщивший процессы неологизации русского языка за 30 лет. Временной интервал включения неологизма в оксфордский «Словарь английского языка» ранее составлял 10 лет [19], в последнее же время он пересматривается в сторону сокращения. Заметим, однако, что бурные процессы неологизации последнего времени характеризуются не только быстрой узуализацией неолексем, но и быстрым забвением многих из них. Напомним предупреждение Н. З. Котеловой: «[н]ужно... опасаться... искусственной узуализации слов кратковременного существования» [4, с. 256, 258].

5. СРЯ-XXI относится к типу больших словарей, его запланированный словник – ок. 200 тыс. вокабул, т. е. возможность насыщения его неолексемами достаточно высока. Центром словника (ядром) являются «основные категории жизни человека и общества, понятия культуры, экономики, политики, быта, элементы живой приро-

ды и т. д.», а периферией – «подвижные разряды лексики, отражающие динамику языковой эволюции» [12, с. 141]. В лексическую группу «периферии» органично входит неологическая лексика.

В Проекте СРЯ-XXI заявлено, что «словарь смелее, чем предшествующие лексикографические издания, включает в свой состав неологизмы, в том числе **абсолютно новые слова** (выделено нами. – Т. Б., А. З.)» [12, с. 146]. Очевидно, речь идет о неологизмах, появившихся в 2000–2020-е гг. Они представляют собой огромный пласт (исходя из объема НСЗ-90, можно предположить, что это не менее 30 тыс. новообразований), поэтому выявление их, отбор для СРЯ-XXI и описание – весьма трудоемкий процесс. Целенаправленный отказ от пометы «нов.»(ое) в СРЯ-XXI говорит о том, что включаемые в данный словарь неолексемы авторы считают уже устоявшимися, прижившимися в языке. Однако всегда ли это так?

На хронологический диапазон СРЯ-XXI пришелся период гиперинтенсивного порождения неологизмов, связанный с коронавирусной пандемией. Лавинообразный неологический поток 2019–2021 гг. зафиксирован в ряде лексикографических и монографических изданий ИЛИ РАН [9; 11; 14]. Отражение основных результатов этого процесса ставит для СРЯ-XXI непростую задачу.

6. При кодификации неолексем в ТСОТ возникает вопрос об авторских неологизмах, получивших широкое признание, или неологизмов, характерных для определенного периода. СРЯ-XXI включает новые высокоупотребительные авторские неологизмы, но, как представляется, не всегда последовательно. Так, в первый том СРЯ-XXI включен авторский неологизм Ю. Полякова *апофигей* ('высшая степень проявления абсурда, нелепости, разг. шутил.'), послуживший производящей базой слов *апофигейный*, *апофигейщина* (в данный словарь не включены), но отсутствует достаточно употребительный неологизм А. Зиновьева *катастройка* (от *ката*(строфа) + (пере)*стройка*) и его производные: *катастроечный*, *катастроичик/катастроичица*. В данный словарь не попал и другой неологизм 1990-х гг., достаточно часто употреблявшийся в текстах массмедиа и в последующее двадцатилетие: *прихватизация* («У слова “прихватизация” имеется номинальный автор, но он никому не известен, и данная лексема воспринимается как результат народного творчества» [16, с. 212]) и его производные: *прихватизатор*, *прихватизаторский*, *прихватизационный*, *прихватизировать*, *прихватизироваться*. Мнение других авторов: «...слово “прихватизация” прочно вошло в российское сознание и в русский язык. Его давно пора включать в толковые словари, но лексикографы не спешат это делать. Отставание от жизни тем более характерно для словарей, отличающихся известной консервативностью» [16, с. 214–215].

7. Ориентируясь на показ лексической динамики, СРЯ-XXI отражает такое новое (с 1990-х гг.) явление в письменной форме русского языка, как гибридное графическое написание заимствований (совмещение латинской и кириллической графики в одном сложном слове), являющееся, на наш взгляд, в русском языке даже не периферией, а периферией периферии. Это: 1) фиксация в смешанной графике слов, не имеющих полностью кириллического варианта: *ATL-реклама*; *CD-чейнджер/CD-ченджер/CD-чейнджер*; 2) графические гибриды, имеющие полностью кириллический вариант: *beauty-блог/бьюти-блог*; *beauty-блогинг/бьюти-блоггинг/бьюти-блогинг*, *bluetooth/блютуз*, *call-центр/колл-центр*; *face-контроль/фэйс-контроль*.

Сложения с кириллической первой частью попадают в основной корпус текста, при толковании дается отсылка на латино-кириллический вариант (б'юти-бл'огинг... *Космет.* Ведение бьюти-блога; **beauty-блогинг**). Слова, полностью написанные в графике языка-донора или с первым компонентом в латинице, помещаются в специальное приложение (**beauty-бл'огинг**... *Космет.* = Бьюти-блогинг).

Кроме графических кентавров, в СРЯ-XXI фиксируются заимствования, встречающиеся в русскоязычных массмедиа целиком как в своей исконной латинской графике (с учетом их вариантов написания), так и в кириллическом написании: **art rock и art-rock**... *Муз.* = Арт-рок; арт-р'ок... *Муз.* Жанр рок-музыки, характеризующийся...; **art rock**) и др.

Неологизмы с гибридной графической вариантностью написания спорны в отношении их настоящей и последующей узуализации в русском языке и помещения их в ТСОТ (в НСЗ-90 гибридные варианты даются в конце заголовка статьи и показываются в цитатах). Некоторые исследователи, например Л. П. Крысин [5], справедливо считают, что такие варианты написания должны фиксироваться и описываться в специальных словарных изданиях, а не в толковых словарях.

8. В неологическом потоке большой массив составляют новые сложные слова с новыми (*интернет*-..., *медиа*..., *нано*-..., *фито*... и др.) и старыми (*бизнес*-..., *VELO*... и др.) начальными компонентами. СРЯ-XXI подробнейшим образом описывает их. Иногда ряды слов с такими производными весьма обширны. Например, ряд слов с начальным компонентом *бизнес*-... здесь насчитывает около 200 лексем, являющихся преимущественно неологизмами 1990-х гг. Такая подробность в описании таких рядов необычна для ТСОТ, и в этом

отношении СРЯ-XXI сближается с описанием их в академической неографии (см. НСЗ-90). Величина этих рядов может отчасти регулироваться, в частности, необходимостью раскрыть все значения начальных компонентов, для чего должны быть достаточно полно представлены семантические группы, сложившиеся в этой группе номинаций. Например, выделение значения «предназначенный для езды на велосипеде» возможно при предъявлении слов *велобельё, велоботинки, велобрюки, велоджерси, велокепка* и др.

Выводы

1. Чем ближе к настоящему моменту время возникновения неологизма, тем труднее задача его представления в ТСОТе вследствие целого комплекса причин: а) отсутствия в настоящее время публикаций неографических изданий десятилетнего среза за 2000–2020 гг., а также комплексного описания процессов узуализации неологизмов на материале неографических (НРЛ, НСЗ) изданий; б) стихийного, отчасти хаотичного «бруновского движения» в свежем неологическом потоке; в) появления новых языковых тенденций, требующих времени на их осмысление; г) недостаточной изученности современной нормы и ее «свободы».

2. Наблюдения за фиксацией новейшей лексики в СРЯ-XXI приводят нас к выводу о том, что там она нередко фиксируется на стадии ее освоения языком, а не в момент стабилизации в русском языке и что отбор ее происходит в определенной степени стихийно. В стремлении зафиксировать варианты написания с элементами латинской графики, в подробном описании рядов сложений с продуктивными компонентами СРЯ-XXI сближается с неологическим десятилетником НСЗ-90, а этот тип неологического издания фиксирует новую лексику именно на стадии ее вхождения в русский язык.

3. К теории и практике фиксации неологизмов новейшего времени в словарях все-таки уместно выражение, что «большое видится на расстоянии». Принцип «сегодня в жизни – завтра в словаре» скорее применим для неологических изданий типа «Новое в русской лексике. Словарные материалы» или для онлайн-словаря тезаурусного типа. В бумажной версии толкового словаря, который долго не будет переиздаваться, к отбору неологизмов нужен очень осторожный, взвешенный подход.

Примечание

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-012-00122 (тема проекта: «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований») под руководством Г. Н. Складневской.

Список литературы

1. Головин Б. Н. Общее языкознание. Москва, 1966.
2. Избицкая М. В. Современные тенденции в неологии : типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2020.
3. Котелова Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. Москва, 1988. С. 46–63.
4. Котелова Н. З. Избранные работы / Рос. акад. наук; Ин-т лингв. исследований. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015.
5. Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
6. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). Москва : Высшая школа, 1976.
7. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. Москва : Сов. энциклопедия, 1990.
8. Никитина О. А. О способах дискурсивной индикации неологизмов на стадии узуализации (на материале немецкого языка) // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Буцева; Ин-т лингв. исслед. РАН. Санкт-Петербург, 2016. С. 163–167.
9. НРЛ-2020 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исследований РАН, 2021.

10. *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.
11. *Проект «Словаря русского языка XXI века» : образцы словарных статей / Г. Н. Складарская, И. О. Ткачова, М. Л. Сергеев и др.* // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. № 1 (1). С. 136–311. URL: <https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2019-1-1>.
12. *РЯКЭ – Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемьшева.* Санкт-Петербург : Ин-т лингв. Исследований РАН, 2021.
13. *СРЯ-XXI – Словарь русского языка XXI века // гл. ред. Г. Н. Складарская.* Т. 1, 2. Санкт-Петербург, 2019.
14. *СРЯКЭ – Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М. Н. Приемьшева (отв. ред.).* Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исследований РАН, 2021.
15. *Тогоева С. И.* Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека : коллективная монография / под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь, 1999. С. 75–101.
16. *Флоря А. В.* Концепт «прихватизация» в российских СМИ // Иностранные языки в контексте культуры : межвуз. сб. ст. по материалам конф. / отв. ред. Н. В. Шутёмова. Пермь, 2011. С. 211–215.
17. *Kerremans D.* A Web of New Words. A Corpus-Based Study of the Conventionalization Process of English Neologisms. Frankfurtam Main : Lang, 2015.
18. *Ološtiak M.* A Dictionary of Slovak neologisms (A Project Description) / M. Ološtiak , S. Rešovská // International Journal of Lexicography. Vol. 34. Is. 3. Sept. 2021. P. 302–314. URL: <https://doi.org/10.1093/ijl/ecaa029>.
19. *OED 2012 – The job : Dictionary editor.* URL: <https://www.ft.com/content/8862f7d2-13b2-11e2-9ac6-00144feabdc0>'.
20. *OED 2015 – ‘Frequently asked questions.’* URL: <https://www.oed.com/page/faqs/Frequently+asked+questions>'.

Н. В. КРИВОШАПОВА ©

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,

Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика

krivoshapova2022@gmail.com

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

В статье приводится обзор новейших антропонимических словарей в контексте соблюдения в них лексикографических традиций первых составителей словарей имен. Автором предпринимается попытка обозначить динамику развития антропонимики с опорой на словари.

Ключевые слова: антропонимические словари, имена собственные, этимология, азбукovníк, антропоним, лексикография.

Krivoshapova Natalia Viktorovna, Pridnestrovian State University "T. G. Shevchenko", Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian republic

krivoshapova2022@gmail.com

ANTHROPONYMIC DICTIONARIES: A BRIEF HISTORY

The article provides an overview of the latest anthroponymic dictionaries in the context of their observance of the lexicographic traditions of the first compilers of dictionaries of names. The author attempts to identify the dynamics of the development of anthroponymy based on dictionaries.

Keywords: anthroponymic dictionaries, proper names, etymology, azbukovník, anthroponym, lexicography.

Интерес к системе имен собственных, в частности к антропонимам, обуславливается их необычным положением в качестве слов, которые развиваются по законам языка. Но помимо лексической части, которая включает в себя социальный, этнографический, культурологический, исторический аспекты информативности личных имен, отчествов, фамилий людей, вне всяких сомнений, они представляют собой часть лексико-семантической системы, действуют не выходя за ее границы и также резко отзываются на любые общественные изменения.

Антропонимика (от греч. *antropos* – человек и *онима* – имя) – раздел ономастики, который изучает антропонимы, т. е. собственные имена людей. Антропонимические словари являются одним из самых интересных типов словарей. Само слово «антропоним» в переводе с древнегреческого языка означает «имя человека». Отсюда можно сформулировать предмет описания таких словарей:

- 1) имена собственные;
- 2) фамилии;
- 3) иноязычные собственные имена;
- 4) псевдонимы и т. д.

История

Рассмотрим основные вехи истории антропонимических словарей на Руси и в дальнейшем – в России.

Первыми подобиями словарей собственных имен в истории лексикографии считаются *миней* – своеобразные перечни имен, необходимые в сфере церковной деятельности для проведения служб по поминовению (XI в.).

С XIII в. на Руси появляется собственно антропонимическая лексикография (*азбуковники* – перечни имен собственных и одновременно маленькие «толковые словари» в алфавитном порядке). Отсюда и названия – азбуковники.

В XVI в. религиозный писатель Максим Грек издает *словарь «Толкования именам по алфавиту»*, где объясняет этимологию греческих, латинских, древнееврейских, арабских и сирийских имен. По примеру труда Грека было создано большинство азбуковников.

Виды антропонимических словарей

Современные антропонимические словари составляются в исторических, этимологических и грамматических аспектах. Они углубляются в происхождение имени и его «путешествие» по историческим этапам.

Словари собственных имен

Словари собственных имен komponуются на основе их списка с добавлением информации об этимологии имени, его уменьшительно-ласкательных формах, орфографии и орфоэпии. Факультативно добавляются сведения об известных личностях с такими именами.

Наиболее объемным считается «*Словарь русских личных имен: сравнение, происхождение, написание*» советского и российского лингвиста Александры Васильевны Суперанской [7]. На его страницах зафиксировано более 7500 русских имен и проиллюстрировано их развитие в историческом аспекте. Представлены древнерусские, общеславянские, православно-христианские и появившиеся в XX в. имена.

«Велислав слав. [от основ «Велий» большой + слава]».

«Елена рус. [из греч. *Helene* солнечная, *hele* солнечный свет; лат. *Helena*]».

Автор поясняет, какую значительную роль играет имя в нашей жизни. Ему присущи не только номинативные («назывные») признаки, но и юридические. Иногда от правильного написания имени зависит, к примеру, судьба права на наследование, оформление пенсии, недвижимости. К сожалению, в истории юридической практики немало историй о том, как имя, принадлежащее одному человеку, в нескольких документах фиксировалось в различных вариациях. По этой причине юридически его личность воспринималась как личность двух человек. Это подтверждает важность правильного написания имени.

Сравнительная функция словаря предполагает описание одного имени в контексте его развития у разных народов. Можно увидеть интерпретацию русского имени в англоязычном обществе и т. п.:

«Юлия рус. ... церк. *Иулия*; англ. *Julia Джулия*, нем. *Julia, Julie Юлия, Юлие*, фр. *Julie Жюли*...».

Наиболее полный «*Словарь русских личных имен*» Никандра Александровича Петровского содержит около 3 тыс. русских личных имен [4]. В словаре представлены имена как уже почти вышедшие из употребления, так и широко бытующие среди русских и русскоговорящих: старорусские, христианские, созданные в советскую эпоху, заимствованные из разных языков.

Книжная версия словаря состоит из двух частей: перечень русских имен (с соответствующими словарными статьями) и указателя к уменьшительным формам.

«Словарь русских личных имен» будет интересен студентам-филологам для понимания системы персонажей произведений русской литературы (Родион Раскольников, Акакий Башмачкин, Лев Мышкин – неслучайны), а также будет полезен иностранцам благодаря наличию уменьшительных форм имени (от нейтрально-неформальных до грубо-фамильярных).

«Словарь собственных имен русского языка» Флоренции Леонидовны Агеенко – это уникальный словарь, в который по принципу трудности в постановке ударения, произношении и склонении включено более 38 тыс. собственных имен русского языка: географические названия, фамилии и имена политиков, деятелей науки и культуры, названия СМИ, политических партий, литературных и музыкальных произведений и т. д. Приводится признанный правильный вариант ударения, произношения и склонения в словах и их формах [1].

Все географические названия, а также значительное количество фамилий и имен снабжены различного рода пояснениями. Во всех словарных статьях дается информация о словоизменении собственных имен. В словаре зафиксированы все переименования географических объектов последних лет как у нас в стране, так и за рубежом, а также значительное число названий улиц, переулков, проспектов, площадей Москвы и других столиц зарубежных государств, вызывающих трудности в ударении, произношении и склонении.

Издание адресовано самым широким читательским кругам. И прежде всего лицам, связанным с публичной устной речью: работникам телевидения и радио (в их числе журналисты, ведущие передач, обозреватели, корреспонденты), представителям других средств массовой информации (газет, журналов, агентств), а также актеров, лекторам, издательским работникам, педагогам, студентам, политическим деятелям. Словарь представляет интерес для всех, кто заботится о грамотности своей речи.

Словари фамилий

В подобных словарях дается подробное описание фамилий и их происхождение, например:

«Баранов – *происходит от отчества, “Баран” – нецерковное мужское имя, такие имена русские часто носили в XVI–XVII вв.*».

Данный пример описан в «Словаре русских фамилий» Владимира Андреевича Никонова, советского и российского историка, писателя.

В указанном словаре также описываются связи между схожими экземплярами, в частности касающиеся структуры слова так, как это происходит у однокоренных, родственных слов:

«Киреев – *произв. от “Гиреев” (отчество от “Гирей” – имя крымских татар)*...» [3].

Словари передачи иностранных собственных имен

Это транскрипционные словари, их задача заключается в изучении правильного написания и произношения иноязычных имен.

Советский ученый-филолог Анатолий Иванович Рыбакин составил «Словарь английских личных имен». В предисловии он описывает исторические и этимологические особенности мужских и женских имен английского языка.

«CHRISTIE [ˈkristi] ж Кристи, см. CHRISTIANA, CHRISTINA... [krisˈti:na] ж. Кристина, ранее Христина...» [5].

Словари прозвищ

Харри Вальтер и Валерий Михайлович Мокиенко в 2007 г. опубликовали не менее интересный «Большой словарь русских прозвищ». В нем зафиксированы прозвища и клички от XIX в. до наших времен.

«Пиццамен – *презр., шутл., ирон.* Михаил Сергеевич Горбачев (Веч. Москва. 19.07.1999). ЖРП. 162. Образовано по типу слов в английском языке: “конгрессмен”, “спортсмен”, “бизнесмен”. Аллюзия на участие Горбачева в рекламе пиццы» [2].

Антропонимы в контексте лексикографии играют значительную роль, так как они являются частью необъятного языкового полотна. В этом плане данные языковые единицы и их заключение в антропонимические словари способствуют становлению, развитию и сохранению исторических и культурных ценностей народа.

«Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» подготовлен в Институте лингвистических исследований РАН. На материале торжественных од и стихов В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Н. Н. Поповского, М. М. Хераскова, А. А. Ржевского, Г. Р. Державина, Е. И. Кострова и других поэтов эпохи описывается функционирование в русском поэтическом языке XVIII в. мифологических, библейских и исторических имен. Издание (124 словарные статьи) адресовано лингвистам, литературоведам, студентам-филологам, а также всем интересующимся проблемами истории русского языка и литературы XVIII в. [6].

Происхождению имен, фамилий и отчеств посвящено большое количество словарей, статей, публикаций. На наш взгляд, говоря о перспективах создания антропонимических словарей или справочников, можно отметить что в будущем списки словарей и исследований могли бы пополниться новыми разработками в пределах данной темы. К примеру, можно рассмотреть вопрос о проведении исследования имен, фамилий нашего Приднепровского края с учетом его многонационального характера. А если говорить о практическом применении результатов такого исследования, то оно было бы актуальным:

- 1) для работников ЗАГСов (как называли детей в разные периоды времени);
- 2) работников паспортных столов;
- 3) лингвистических исследований по вопросам идентичности разных вариантов имен (например, *Наталья – Наталия, София – Софья, Иван – Ион* и т. п.) или фамилий с буквами Е и Ё (например, *Неелова – Неёлова*).

Список литературы

1. *Агеенко Ф.* Словарь собственных имен русского языка. URL: <https://www.labirint.ru/books/264254/>. Текст : электронный.
2. *Вальтер Х.* Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 704 с.
3. *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий. Москва : Школа-пресс, 1993. 222 с.
4. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. 2-е изд. Москва : Сов. энциклопедия, 1966; 6-е изд. Москва : Астрель, 2000. URL: <https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/>. Текст : электронный.
5. *Рыбакин А. И.* Словарь английских фамилий: 22 700 фамилий. Москва : АСТ, 2000. 576 с.
6. *Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / С. С. Волков, С. С. Дубова, Н. В. Карева и др. / науч. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина.* Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2022. 352 с.
7. *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: сравнение, происхождение, написание. Москва : Айрис-пресс, 2005. 384 с.

А. Р. ПЕСТОВА ©

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
pestova2012@gmail.com

ДИНАМИКА СТИЛИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА ФЕМИНИТИВОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

В статье сравниваются стилистические пометы при словах, которые обозначают женщин, в академических толковых словарях (начиная с «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и заканчивая «Академическим толковым словарем русского языка» под ред. Л. П. Крысина); анализируется динамика изменения этих помет. Отмечается, в частности, такой процесс, как стилистическая нейтрализация феминитивов, которая происходит в разных направлениях: от высокого к нейтральному и от сниженного к нейтральному.

Ключевые слова: лексикография, стилистика, стилистические пометы, толковый словарь, феминитивы.

Pestova Anna Razifovna, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
pestova2012@gmail.com

Dynamics of the stylistic status of feminine words in explanatory dictionaries

This paper deals with stylistic marks for words denoting women in academic explanatory dictionaries (from "Explanatory Dictionary of the Russian Language" ed. by D. N. Ushakov to "Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language" ed. by L. P. Krysin); changes of these stylistic marks are analysed. Such process as stylistic neutralization (in both directions: from high to neutral and from low to neutral) has been noted.

Keywords: lexicography, stylistics, stylistic marks, explanatory dictionary, feminine words.

Тема феминитивов в последние десятилетия чрезвычайно актуализировалась. Эта лексико-семантическая группа активно пополняется и весьма эмоционально обсуждается как в лингвистическом сообществе, так и в публичном пространстве (см., например: [4; 6; 9; 10]). В статье мы обратимся к феминитивам с точки зрения

лексикографов, которым необходимо дать адекватную стилистическую характеристику при помощи имеющегося в их распоряжении набора стилистических помет.

Под феминитивами в рамках данной работы мы будем понимать существительные женского рода, которые обозначают женщин и которые образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин. В лексикографическом приближении это слова, которые в словарях толкуются при помощи краткой условной формулы *женск. к* (такому-то слову мужского рода)¹.

Мы сделали выборку из трех толковых словарей среднего типа: из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (далее – СУш), из второго издания «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее – МАС) и из нового «Академического толкового словаря русского языка» под ред. Л. П. Крысина (далее – АТоС). По этим выборкам видно, что словник АТоСа содержит больше феминитивов, чем его предшественники, даже с учетом того, что в СУш формулой *женск. к* описаны представители различных наций, этносов (*австрийка, баширка, венгерка* и т. п.) и носители различных титулов, званий (*аббатиса, баронесса, герцогиня* и т. п.). В МАСе и АТоСе эти слова толкуются без отсылок. Кроме того, из словников МАСа и АТоСа исключены неактуальные устаревшие феминитивы, такие как *артельщица, блинница, белогвардейка, внешкольница, бумагомарательница, балетоманка, басонщица* и многие другие).

Словник АТоСа пополнен как объективно новыми лексическими единицами, которые появились лишь в последние десятилетия (*бюджетница, визажистка, бобслеистка, барменша* и др.), так и словами, которые были в языке и раньше, но по каким-то причинам игнорировались лексикографами (*адвокатша, виртуозка, военно-служащая* и др.).

Что касается различий в стилистическом маркировании феминитивов, то они наблюдаются как при сопоставлении разных словарей, так и в пределах каждого из них в отдельности. Это обусловлено рядом факторов, в частности: 1) семантическое и словообразовательное разнообразие феминитивов; 2) объективное изменение стилистического статуса феминитивов; 3) недостаточная теоретическая разработанность критериев стилистической дифференциации слов; 4) авторская субъективность при постановке нормативно-стилистических помет.

Приведем несколько примеров. Слово *актёрка* ‘актриса’ в СУш и в БАС-1 маркируется как просторечное, в МАСе к *прост.* добавляется помета *устар.*, которая сохраняется в АТоСе. В БАСе-3 при этом слове стоит только помета *устар.* Однако уже после выхода в свет первых томов АТоСа и БАСа в свет тема феминитивов стала особенно острой. По этой причине, связанной в значительной мере с экстралингвистическими обстоятельствами, слово *актёрка* (как и ряд других феминитивов) постепенно активизируется, несмотря на некоторую его искусственность:

На одну из главных ролей [Вера] приглашает свою сестру, популярную актёрку Татьяну (Аргументы Недели, 15.02.2022).

Актёрка Николь Кидман пожертвовала деньги на борьбу с пожарами в Австралии (Новостной сайт, 06.01.2022).

Еще один интересный пример – феминитив от слова *агент*. Словари дают разные варианты: *агентша, агентесса* и *агентка*, снабжая пометой *разг.*, а некоторые вообще отказывают этому феминитиву в существовании (в частности, МАС, БТС и АТоС). Отметим здесь, что опрос носителей языка показывает их солидарность скорее с последними: большинство участников опроса ответили, что женщину-агента следует называть агентом. При этом носители языка тонко чувствуют стилистическую *н е н е й т р а л ь н о с т ь* всех предложенных феминитивов, что видно из комментариев типа: «Если она не слышит, то агентша. Если при ней – агент. Если потроллить – агентесса. Если она бесит – агентка».

Если же обратиться к общим тенденциям в стилистической квалификации феминитивов, то самой яркой является их **нейтрализация**: стилистические пометы, которые есть при слове в ранних словарях, в последующих уже отсутствуют. При этом нейтрализация происходит в разных направлениях: как по стилистической лестнице вниз (от высокого к нейтральному: например, *альтруистка, благотворительница, благожелательница, выразительница* в СУш маркировались пометой *книжн.*, а в МАСе и АТоСе даются без стилистических помет), так и вверх (от сниженного к нейтральному: при слове *аспирантка* в МАСе стоит помета *разг.*, а в АТоСе при нем нет помет², *гурманка* в СУш маркируется *разг.*, а в МАСе и АТоСе стилистические пометы при этом слове отсутствуют). Кроме того, нейтрализация происходит и там, где раньше при феминитивах стояли различные **специальные** стилистические пометы: *спец.* (*гардеробщица*), *с.-х.* (*веяльщица*), *тип.* (*брошюровщица*), *муз.* (*арфистка*), *мед.* (*альбиноска*) и др. В ряде случаев отсутствуют и **хронологические** пометы, которые стояли в СУш (например, помета *дореволюц.* при слове *государыня* и *нов.* при слове *горянка*).

Следует отметить, что в СУш в принципе представлен гораздо более широкий арсенал помет при феминитивах. К ним относятся **собственно нормативно-стилистические** (*разг., разг. фам., прост., обл., книжн., книжн. газет., книжн. офиц., поэт., нар.-поэт.*), **экспрессивно-оценочные** (*неодобр., ирон., торж., пренебр., укор.*), **хронологические** (*дореволюц., ист., нов., устар.*), **специальные** (*лит., мед., муз., религ., церк., с.-х., спец., спорт., театр., тип.*), а также помета *загр.*, «т. е. за границей, указывает, что слово обозначает предмет или явление, относящиеся только к заграничной жизни, к общественно-бытовому обиходу западноевропейских государств» [8, с. XXVIII]. В МАСе и АТоСе арсенал помет для феминитивов значительно уже. Так, среди них нет специальных, а собственно нормативно-стилистических, хронологических и экспрессивно-оценочных меньше, чем в СУш. Представляется, что сужение набора помет для определенной лексико-семантической группы также свидетельствует о ее постепенной стилистической нейтрализации.

Что касается обратного процесса – появления в АТоСе стилистических помет у слов, которые в СУш и МАСе ими не маркировались, – то он наблюдается значительно реже. Приведем несколько примеров. Слово *благодетельница* в СУш давалось без пометы, в МАСе оно сопровождается пометой *устар.*, а в АТоСе – *книжн.* и *ирон.* Слова *великаниша* и *брезгливица* согласно СУш являются стилистически нейтральными, а в АТоСе при них появляется помета *разг.*

Резюмируем наши наблюдения над динамикой стилистического статуса феминитивов в толковых словарях. Во-первых, феминитивы получают в АТоСе более последовательное и системное отражение. При этом в АТоСе представлен менее широкий арсенал стилистических помет при данной лексико-семантической группе, чем в СУш. Основная тенденция динамики стилистического статуса феминитивов при наблюдении от СУш к АТоСу – их стилистическая нейтрализация.

Примечания

¹ Ср. в МАСе:

Некоторые группы производных имен существительных определяются при помощи краткой условной формулы:

а) существительные женского рода, образованные от названий лиц мужского пола и соотносительные с ними, определяются по формуле: *Женск. к* (такому-то слову мужского рода); например:

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА, -ы, *ж.* *Женск. к* воспитатель.

ДЕЛЕГАТКА, -и, *род. мн.* -ток, *дат.* -ткам, *ж.* *Женск. к* делегат» [4, с. 11].

² В СУш отсутствует словарная статья *аспирантка*.

Список литературы

1. *АТоС* – Академический толковый словарь русского языка / под ред. Л. П. Крысина. Москва : ЯСК, 2016. Т. 1–2.
2. *БАС-1* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Москва ; Ленинград, 1948–1965.
3. *БАС-3* – Большой академический словарь русского языка. Москва ; Санкт-Петербург, 2004–. Т. 1–.
4. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
5. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 1998.
6. Занадворова А. В. Диабетичка vs. Идиотка : феминитивы от названия человека по болезни: особенности семантики и прагматики // Русская речь. 2021. № 3. С. 31–46.
7. *МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Москва : Русский язык, 1981–1984.
8. *СУш* – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Сов. энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.
9. Фуфаева И. В. Как называются женщины : феминитивы: история, устройство, конкуренция. Москва : Corpus, 2020.
10. Челак Е. А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Филологические науки. 2018. Вып. № 12 (78). URL: <https://research-journal.org/languages/feminitivy-v-diskurse-internet-kommunikacii/> (дата обращения: 23.08.2022). Текст : электронный.

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВАРНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОТПРИЧАСТНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (на материале «Большого толкового словаря русских прилагательных и наречий»)¹

Основной задачей исследования стало описание проблем, встающих перед лексикографами при разграничении отглагольных прилагательных и причастий. Работа выполнена на материале «Большого толкового словаря русских прилагательных и наречий». В статье приводится описание групп прилагательных, причастных по своей природе, но уже оторвавшихся от глагола как части речи. Также дается обзор исторических процессов, продолжающих происходить в современном русском языке, которые непосредственно влияют на лексикографическое представление словарных единиц.

Ключевые слова: отглагольные прилагательные, причастия, лексикология, лексикография, историческая грамматика.

Ekaterina Andreevna Smirnova, Vinogradov Institute for Russian Language of RAS, Moscow, Russia
katarzina@yandex.ru

Treating deverbal adjectives in a dictionary: The case of the *Big Explanatory Dictionary of Russian Adjectives and Adverbs*

The study on *Dictionary* presents both lexicographical and grammatical issues. The paper deals with several groups of adjectives that historically were formed as participles, but have lost their connection with the respective verbs. We overview historical processes, both finished and ongoing, in Modern Russian that directly affect the lexicographic presentation of the material. Derivation of adverbs from participles is still a fairly productive in Russian, therefore any such lexeme requires careful analysis.

Keywords: deverbal adjectives, participles, lexicology, lexicography, historical grammar.

1. Введение

«Большой толковый словарь русских прилагательных и наречий» (далее – Словарь) является естественным продолжением коллективного труда «Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» и представляет собой синтез двух словарей: семантического словаря [РСС]² и толкового алфавитного словаря³. В ходе работы над Словарем перед коллективом авторов встают не только лексикографические, но и исследовательские задачи. Одной из проблем является определение частеречной принадлежности словарных единиц, в частности разграничение отглагольных прилагательных и причастий, а также их системное описание.

Проблема частеречного определения причастия до сих пор не имеет окончательного решения, существует несколько точек зрения на этот вопрос. М. В. Ломоносов в «Русской грамматике» 1755 г. описывает причастие в ряду восьми частей речи [17]. А. Х. Востоков рассматривает причастие как разновидность прилагательных («прилагательные действительные») [7]. Большинство исследователей определяет причастие как часть системы глагола (В. В. Виноградов [6], АГ-80 [1], Кр. АГ-89 [16]). Некоторые ученые описывают причастие как самостоятельную часть речи (А. М. Пешковский (причастие – «смешанная категория») [19], В. В. Бабайцева [3], Ю. Д. Каражаев, рассматривающий причастие как «эмерджентную морфологическую единицу» [13]). В настоящее время и в ряде школьных учебников причастие определяется как самостоятельная часть речи (см., например, [20]).

Ученые указывают на общие грамматические свойства причастий и прилагательных. В исследованиях часто поднимается проблема адъективации причастий: [15; 2; 18; 12; 4; 21; 5; 14; 8; 9 и др.].

И. В. Замятина рассматривает причастие как «совокупность гибридных разнородных форм, в части которых происходит ослабление глагольных признаков» [8, с. 4]. Переход причастной формы в систему прилагательного происходит только в том случае, если причастная форма теряет все связи с исходным глаголом, включая и управление, характерное для исходного глагола [8, с. 7]. Синтаксическая позиция акцентирует «глагольную» или «прилагательную» составляющие причастия. Также важную роль играет контекст: например, для страдательных форм, как полных, так и кратких, важным оказывается «замещение/незамещение облигаторной позиции творительного падежа со значением агенса» [8, с. 11–12]. По наблюдениям исследователя, страдательные причастия в большей степени проявляют значения качества, чему способствует регулярное незамещение позиции активного субъекта. Действительные причастия, напротив, в большей мере, чем страдательные, проявляют морфологические свойства и семантику глагола.

Не все ученые сходятся в вопросе словарного представления причастия. Так, И. К. Сазонова в своем словаре [22] выделяет наряду с глагольными причастными значениями также стативные и адъективные лексические значения (в словаре с пометами *статив. знач.* и *в знач. прил.*). «В адъективных значениях причастие обозначает действие или состояние как признак, свойство в их отвлечении от временной приуроченности: *блуждающая улыбка, документированный вывод, думающий инженер*» [22, с. 16]. Эти значения, как и стативные, свойственные только страдательным причастиям прош. вр. сов. вида и выражающие непроцессуальный признак (значение состояния, результата действия), не могут быть отнесены к прилагательным, поскольку они обозначают свойства или состояния, которые связаны с процессом действия или его результатом. Сочетаемость причастий в этих значениях совпадает с кругом существительных, которыми управляет глагол (*взволновать человека* → *взволнованный человек*), или с существительными, называющими семантический и грамматический субъект действия (*думающий инженер*).

В нашем Словаре мы рассматриваем причастие как форму глагола и, следовательно, не описываем, но берем в качестве самостоятельного объекта описания отпричастные прилагательные. Это лексемы, в значениях которых действие или состояние представлено как качественный или окачествляющийся признак и, по определению И. К. Сазоновой, «в их отвлечении от временной приуроченности». Значение процессуальности в таких единицах приглушено или нивелировано; кроме того, в них обычно развиваются дополнительные семантические компоненты, отсутствующие в причастной форме глагола.

В отличие от БАСа⁴, где причастные образования, перешедшие в прилагательные или существительные (*блестящий, слабое, ученый*), приводятся при основном слове-глаголе, в нашем Словаре отпричастные прилагательные даются как отдельные вокабулы. Процесс адвербиализации причастий в русском языке до настоящего времени достаточно активный, поэтому каждая такая единица, формирующаяся в современном русском языке, требует тщательного анализа.

2. Ниже будут проанализированы представленные в Словаре группы прилагательных, причастных по своей природе, но уже оторвавшихся от глагола как части речи. Прежде всего, это единицы, функционирующие только в составе идиоматических единиц, в том числе как элементы составных названий:

БЛУЖДАЮЩИЙ, -ая, -ее: 1) **блуждающие токи** (спец.) – электрические токи, протекающие в земле; 2) **блуждающая почка** (спец.) – ненормально подвижная или сместившаяся с обычного места почка; 3) **блуждающие огни** – появляющиеся и исчезающие болотные огоньки.

3. Отдельный лексикографический класс в Словаре представляют бывшие полные причастия на *-л*⁵, которые, утратив связь с глаголами, существуют и теперь в русском языке как прилагательные [10, с. 352]. Эти «образования с суффиксом *-л*, функционировавшие как прилагательные и располагавшие именными и членными формами» [11, с. 324], следует отделять от бывших несклоняемых причастий прош. вр. на *-л*⁶. Ср.: *лежалый, бывалый, пришлый, прошлый, впалый, усталый, устарелый*. В Словаре они представлены так:

ДОЗРЕЛЫЙ, -ая, -ое; -ел (редко), -елы. Дозревший, зрелый, ставший спелым. *Д. плод. Дозрелые хлеба*.

Краткие формы ед. ч. не характерны для этого класса слов и обычно избегаются в употреблении из-за совпадения с формами прош. вр. соответствующего глагола (ср. *бывал, бывала; возмужал, возмужала; устарел, устарела*). «При отсутствии такого совпадения краткие формы образуются более свободно, например краткие формы мотивированных глаголами прилагательных *талый, унылый, беглый, дряблый, оседлый, тусклый, тухлый, чахлый, хриплый* и немотивированного прилагательного *затхлый*; краткие формы муж. р. и мн. ч. прилагательных *гиблый, зяблый, облезлый, обрюзглый, обвислый, прокислый, усохлый* редки (краткие формы жен. и сред. р. таких прилагательных в силу их совпадения с формами прош. вр. мотивирующего глагола неупотребительны)» [1, с. 558–559]. Данная грамматическая особенность отмечена в Словаре пометой *редко*.

4. Действительные причастия наст. и прош. вр. в отдельных случаях также могли переходить в разряд прилагательных. В др.-рус. языке, подобно прилагательным, они могли образовывать членные формы, выступавшие в роли определения. «Обобщение парадигмы по основе косвенных падежей привело к установлению им. п. новых форм типа *несучиши, бывъшиши*. <...> Широко используя в книжной письменности (в наст. вр. – с ц.-слав. огласовкой суффикса *-уц/-ац-*), эти причастия в разговорном языке уже в др.-рус. период становились прилагательными (*могучий, лежащий*) либо, в редких случаях, существительными (*негодяй*; ср. прост. *негодящий*)» [11, с. 323]. Ср. совр. словарное описание:

НЕГОДЯЩИЙ, -ая, -ее (устар. и прост.). То же, что негодный. *Н. человек. Н. товар. Негодящее зерно.*

5. Страдательные причастия наст. вр. в современном русском языке свойственны высокому стилю и являются заимствованиями из ст.-слав. языка: *искомый, несомый, знаемый, ведомый*. Суффикс *-м-*, помимо причастных форм, также «служил для образования прилагательных, омонимичных страд. прич. наст. вр.: *любимый* и прил. с приставкой *не*⁷, обозначающих невозможность, неосуществимость действия, выраженного мотивирующим глаголом» [11, с. 325]: *неведомый, несгораемый*. Количество значений у пары прилагательных с *не-* и без предлога может различаться, ср.:

ВЕДОМЫЙ, -ая, -ое; -ом (устар.). Известный (в 1 и 2 знач.), знакомый. *Он в. плут! Ведомые таёжникам тропы. Герою не ведом страх* (высок.).

НЕВЕДОМЫЙ, -ая, -ое; -ом. 1. Незвестный (в 1 знач.), незнакомый (устар. и книжн.). *Н. мир океанских глубин. Неведомые края. Неведомые планеты. Страх неведом кому-н.* 2. Таинственный, непонятный (книжн.). *Неведомая сила. Наука открывает дверь в неведомое* (сущ.).

Страдательные причастия прош. вр. исторически образуются в русском языке с помощью двух суффиксов: *-н-* и *-т-* (в основном от глаголов с инфинитивом, оканчивающимся на гласный). Процессы смешения этих суффиксов продолжаются на протяжении истории русского языка, с тенденцией к распространению суффикса *-т-* за счет *-н-/-ен-*, ср.: *одетый, тертый, колотый, мытый, забытый, битый*. Исконные формы страдательных причастий прош. вр. с суффиксом *-н-* «нередко сохраняются в мотивированных ими существительных на *-ие* (*трение, откровение, забвение, вдохновение, свержение*)... и в отпричастных прилагательных (*откровенный, согбенный, надменный*)» [11, с. 326].

Уже с др.-рус. периода происходило смешение членных форм страдательных причастий прош. вр. с адъективными образованиями на *-ьн-* (*указный (срок), приятный, известный*). Следствием этого процесса стало появление в суффиксе страдательного причастия прош. вр. удвоенного *-н-* (*посланный, сработанный, купленный, сделанный*). По происхождению это результат влияния отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-*. В языке «выработалось новое средство отличия причастий от прилагательных – этим средством явился вторичный суффикс *-ьн-* > *-н-* в причастных формах: *повелъньная, неписаньный* > *повеленная, неписанный*» [10, с. 365]. При утрате соотносительности причастия с глаголом образовывалось прилагательное (ср. *наигранный*):

НАИГРАННЫЙ, -ая, -ое; -ан. Напускной, притворный, неискренний. *Наигранная весёлость*.

Заключение

Таким образом, в русском языке существует целая группа отпричастных прилагательных, не всегда имеющих омонимичную причастную пару и требующих соответствующего словарного описания. Именно балансирование причастия на стыке частей речи ставит перед учеными и авторами словарей наиболее интересные и сложные задачи: частеречная характеристика слов в зависимости от функционирования в языке – исходя из синтаксических особенностей (наличия валентностей), контекста употребления и наличия/отсутствия связи с процессом действия или его результатом.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 1729-09131 (офи_м).

² РСС – Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Т. 1–4. Москва, 1998–2007.

³ Шведова 2007 – Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва, 2007.

⁴ БАС – Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Москва ; Ленинград, 1948–1965.

⁵ В БАСе отглагольные прилагательные с суффиксами *-л-ый* и *-ч-ий* помещаются при основном слове-глаголе: *лялялый* при *лялять*, *бывалый* при *бывать*, *лежащий* при *лежать* и др.

⁶ В др.-рус. языке несклоняемые формы употреблялись в составе аналитических глагольных форм и выполняли роль именной части сказуемого: перфект (*несль есмь*), плюсквамперф. (*несль быль есмь*), буд. сложное II (*несль буду*), сослагательное наклонение (*несль быхъ*).

⁷ Прилагательные с приставкой *не-* представлены в русском языке исключительно классом качественных прилагательных, которые пишутся слитно (и фиксируются в Словаре) в двух случаях: 1) если слово без приставки не употребляется (*небрежный, невзрачный, неугомонный*); 2) если слово с *не-* можно заменить синонимом без *не-* или близким по смыслу выражением (*За селом был неглубокий (= мелкий) пруд*).

Список литературы

1. *АГ-80* – Русская грамматика. Москва : Наука, 1980. Т. 1.
2. Антонова Т. Н. О признаках перехода причастий в прилагательные в современном русском литературном языке // Ученые записки Магнитогорского пед. ин-та. 1958. Вып. 7. С. 280–292.
3. Бабайцева В. В. Русский язык : теория (для 5–9 кл.) / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. Москва : Дрофа, 2003. 396 с.
4. Бахарев А. И. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1972. 19 с.
5. Боровлев А. А. Процесс адъективации в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 23 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык : (грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. Москва : Русский язык, 2001.
7. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная. Санкт-Петербург : Тип. Глазунова, 1831.
8. Замятина И. В. Грамматика русского причастия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010. 49 с.
9. Замятина И. В. Адъективация и субстантивация причастных форм: проблемы процесса и вопросы терминологии / И. В. Замятина, Г. Ю. Сызранова // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 23–28.
10. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник для студентов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Просвещение, 1983. 399 с.
11. Историческая грамматика русского языка : энцикл. словарь / под ред. В. Б. Крысько. Москва : Азбуковник, 2020. 520 с.
12. Калауцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском языке. Москва : Наука, 1971. 227 с.
13. Каражаев Ю. Д. Двуприродность причастий и проблема их морфологического статуса / Ю. Д. Каражаев, Е. С. Качмазова // История и философия культуры. Актуальные проблемы : сб. науч. трудов / под ред. С. В. Архипова. Владикавказ, 2005. Вып. 8. URL: <http://svarkhipov.narod.ru/pup/yurii.htm>. Текст : электронный.
14. Карпенко Е. Ю. Функционально-семантический потенциал полного причастия в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 15 с.
15. Краснов И. А. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1955. 16 с.
16. *Кр. АГ-89* – Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др. ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Москва : Русский язык, 1989. 639 с.
17. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 7 : Труды по филологии (1739–1758). Москва ; Ленинград, 1952.
18. Лукин М. Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1965. 18 с.
19. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. Москва : Языки слав. культур, 2001. 544 с.
20. Русский язык. 7 класс / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова и др. Москва : Просвещение, 2012. 223 с.
21. Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1975. 21 с.
22. Сазонова И. К. Толково-грамматический словарь русского языка : глагол и его причастные формы : 2500 глаголов, 7500 причастий. Москва : Астрель, 2002. 648, [3] с.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ЭКСПРЕССИВНО-ОБРАЗНЫХ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТАХ

Статья посвящена изучению особенности экспрессивно-образных описательных предикатов (далее – экспрессивно-образных ОП) с позиции когнитивного подхода. Описаны способы выражения образности и экспрессивности с помощью экспрессивно-образных ОП. Представлен анализ функционирования метафоры в предложениях-высказываниях с экспрессивно-образными ОП. Выявлена роль метафоры в образовании экспрессивно-образных ОП.

Ключевые слова: метафора, экспрессивно-образные ОП, концептуализация, образность, экспрессивность.

Yu Lu, postgraduate Lomonosov Moscow State University, Russia
yulu3170@163.com

The role of metaphor in expressive-figurative descriptive predicates

This article is devoted to the study of the features of expressive-figurative descriptive predicates (hereinafter referred to as expressive-figurative OP) from the standpoint of a cognitive approach. The ways of expressing figurativeness and expressiveness with the help of expressive-figurative OP are described. An analysis of the functioning of metaphor in sentences-statements with expressive-figurative OP is presented. The role of metaphor in the formation of expressive-figurative OP is revealed.

Keywords: metaphor, expressive-figurative OP, conceptualization, figurativeness, expressiveness.

В русском языке в широком смысле ОП определяется как «единица “косвенной номинации”, которая состоит из глагольного компонента с переосмысленным исходным значением и именного компонента; она обладает семантической целостностью и выполняет синтаксическую функцию простого глагольного сказуемого (ОП-1) или сочетания подлежащего и сказуемого (ОП-2)» [2, с. 13], например: *принимать участие – участвовать, заливаться слезами – плакать, охватила радость – обрадоваться* и т. д.

Впервые поле описательных предикатов выделено и описано в диссертации В. А. Кузьменковой «Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке». По мнению диссертанта, в поле ОП функционируют пять групп: «ядерная группа, группа в ближайшей к ядру периферии, фазисная группа, каузативная группа, группа экспрессивных (изобразительных) ОП» [2, с. 46]. Экспрессивно-образные ОП находятся на периферии поля ОП и до сих пор не подвергались детальному исследованию.

Особенность ОП экспрессивной группы в том, что «глагольный компонент в подобной группе ОП экспрессивно окрашен и привносит дополнительное значение “интенсивности”, “полноты и глубины действия или состояния”. <...> Экспрессивные ОП, образованные по способу метафоризации, особенно часто употребляются в художественных текстах и в повседневной речи» [2, с. 54–57]. Нам кажется, исследование особенностей экспрессивно-образных ОП может быть более детально разработано и дополнено с точки зрения когнитивной лингвистики. Развивая идеи В. А. Кузьменковой, мы употребляем термин «экспрессивно-образные ОП» для обозначения особенностей группы экспрессивных ОП.

Далее будем рассматривать метафору и ее роль в образовании экспрессивно-образных ОП.

Что касается метафоры, С. Л. Рубинштейн отмечает, что «метафоры... образные выражения, имеющие переносный смысл, это не просто украшение, а очень существенное и специфическое средство выражения такого смыслового содержания, которое только таким образом и может быть вполне адекватно передано» [4, с. 15].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в труде «Метафоры, которыми мы живем» подчеркивают когнитивную функцию метафоры и считают, что метафора коренится в концептуальной структуре человека и представляет собой метод мышления о вещах. По их мнению, сущность метафоры состоит в осмыслении некоторых аспектов одного понятия в терминах другого понятия. Человек не только выражает свои мысли с помощью метафор, но и мыслит метафорами. Метафора дает человеку возможность познать тот мир, в котором он живет [3].

С точки зрения когнитивной лингвистики антропометричность рассматривается как «продуктивный механизм формирования языковой картины мира» [5, с. 42], благодаря использованию метафоры может быть образована парадигма связанных значений слов в языковой картине мира человека. Иначе говоря, человек может понять и описать абстрактные непредметные сущности типа мысль, чувство, событие, состояние, действительность и т. д. путем понятной предметной сущности, поскольку человек ассоциирует образ предмета с непредметными сущностями, например парадигмы метафоры *пламя чувств радости: радость загорелась, польхаться*

радостью и т. п. Как пишет А. К. Жоль, «человек всегда стремится абстрактное интерпретировать в терминах чувственного опыта, соотнося трансцендентное со своим жизненным опытом посредством аналогии, сопровождая ее (при наличии критического подхода) использованием “принципа фиктивности” (als ob “как если бы”). Особенно полон косвенными изображениями по аналогии наш обычный разговорный язык» [1, с. 127].

На основе вышеуказанных теорий проанализируем функционирование метафоры в предложениях-высказываниях с экспрессивно-образными ОП. Приведем примеры:

1. «*Найдя в толпе жениха, глаза девушки загораются радостью*» (В. В. Овчинников. Вознесение в Шамбалу (2006)).

Глаза девушки **загораются радостью** – она (**начинает**) радоваться

2. «*Душа его зажеглась радостью*» (РР).

Душа его **зажеглась радостью** – он (**начал**) радоваться

3. «*Лицо Кирилла озарилось радостью, он хлопнул в ладоши и прошептал: “Ура, ура!”*» (Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)).

Лицо Кирилла **озарилось радостью** – Кирилл (**начал**) радоваться

4. «*И вот уже Анче стоит по колено в волнах, уцепившись руками за борт чужой лодки, лицо светится изумлением и радостью, губы то смеются, то кричат чужаку – что-то торопливое, страстное*» (Гузель Яхина. Дети мои (2018)).

Лицо **светится радостью** – Анче **радуется**

В приведенных примерах (1–4) экспрессивно-образные ОП семантически близки однословному предикату *радоваться*. В качестве семантической парадигмы глагола-коррелята *радоваться* эти ОП отличаются дополнительной семантикой благодаря сохранению собственного словесного значения глагольного компонента. Так как глагольные компоненты приведенных ОП здесь имеют общее переносное значение: «появиться, проявляться о каких-либо чувствах или состояниях», т. е. различные фазы какого-либо состояния или чувства.

Рассмотрим приведенные примеры с экспрессивно-образными ОП, семантически близкими глаголу-корреляту «радоваться» с позиций когнитивной лингвистики. В экспрессивно-образных ОП *загораться радостью*, *зажечься радостью*, *озариться радостью*, *светиться радостью* эмоциональное состояние *радость* как абстрактная эмоция может быть связана со знакомыми конкретными сущностями «огонь/свет», которые рассматриваются как исходная область для метафоризации эмоциональной радости. «Огонь/свет» – природное явление. Наши предки накопили богатый опыт и уникальное восприятие, используя «огонь» и смотря на «свет». «Огонь/свет» постепенно стали одними из самых основных концептов для понимания мира. Итак, описывая эмоциональное состояние *радость* с помощью экспрессивно-образных ОП, мы обычно ассоциируем природное явление – *огонь и свет*, т. е. как если бы радость являлась огнем или светом, она бы загоралась или светила.

Приведем еще примеры с экспрессивно-образными ОП, семантически близкими однословному предикату «*мыслить/думать*»:

5. «*В голове у меня мелькнула мысль, что дело заходит далеко, но моя хозяйка прошла прямоком в ванную, и облако духов увлекло меня следом*» (Александр Снегирев. Как же ее звали?.. // «Знамя». 2013).

В голове у меня **мелькнула мысль** – я (**быстро**) подумал

6. «– Так, а я почему не обездвижилась? – мои **мысли скакали** зайцами, и я спрашивала всё подряд, не задумываясь о важности и последовательности вопросов» (Галина Осень. Илия : диалогия. (2018)).

Мои **мысли скакали** – я (**интенсивно, скачкообразно**) **мыслила/думала**

7. «*Но она гнала эти мысли, как гонит теплый ветерок набегающие на светлый горизонт маленькие тучки*» (Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)).

Она **гнала эти мысли** – она (**быстро переставала**) **мыслить / думать**

Как видим, в предложениях (5–7) от однословного предиката «мыслить/думать» экспрессивно-образные ОП отличаются дополнительной семантикой «фазисность и интенсивность». Экспрессивно-образные ОП выразительно описывают динамику ментального действия по способу метафоризации: *мелькнула мысль* – мысль, как мелькнувшая звезда, быстро появилась. *Мысли скакали* – мысли, как скачущие зайцы, интенсивно и скачкообразно появились. *Гнать мысли* – угнанные мысли, как тучки, которые гонимы ветерком, исчезали. Это потому, что глагольные компоненты в составе экспрессивно-образных ОП не полностью десемантизировались, а сохранили свое значение, обычно метафорическое переносное значение.

Таким образом, в образовании экспрессивно-образных ОП метафора играет важную роль, особенно когнитивная и образная метафоры. В языковой картине мира человека ассоциируют различные эмоциональные состояния или действия с субстанцией (например, одушевленные: природные явления типа огонь, свет, жидкость и т. д.) с помощью метафоризации, что придает ОП экспрессивность или образность. Кроме того, использование экспрессивно-образных ОП позволяет воссоздать динамику ситуаций или событий, разный ракурс подачи информации, а также придает предложению-высказыванию образность, экспрессивность, украшает письменный или устный текст.

Список литературы

1. Жоль К. К. Мысль, слово, метафора. Киев : Наукова думка, 1984. 304 с.
2. Кузьменкова В. А. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2000. 202 с.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Рубинштейн С. Л. К психологии речи // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. 1941. Т. 35.
5. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. Москва : Наука, 1988. 176 с.

Е. А. ФИВЕЙСКАЯ ©

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
alfiveisk@gmail.com*

О ПРОБЛЕМАХ СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при выявлении и представлении лексических конверсивов в толковом словаре, приводятся примеры словарных статей на основе материалов готовящегося к печати «Словаря русского языка XXI века». Уделяется особое внимание семантико-синтаксическим различиям между лексической конверсией, с одной стороны, и синонимией и антонимией – с другой.

Ключевые слова: лексические конверсивы, толковый словарь, лексико-семантический анализ, лексикография.

Fiveiskaya Elena Aleksandrovna, Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia
alfiveisk@gmail.com

On the problems of dictionary interpretation of lexical conversives (lexical-semantic aspect)

The article deals with the problems that arise when identifying and presenting lexical conversives in the explanatory dictionary, provides examples of dictionary entries based on the materials of the forthcoming "Dictionary of the Russian Language of the 21st Century". Particular attention is paid to the semantic-syntactic differences between lexical conversion, on the one hand, and synonymy and antonymy, on the other hand.

Keywords: lexical conversives, general-purpose dictionary, lexical-semantic analysis, lexicography.

Лексической конверсии уделено немало исследований отечественных и зарубежных лингвистов, однако вопросы семантического представления конверсных отношений в толковом словаре не получили достаточного теоретического освещения (в отличие, например, от вопросов лексикографического представления синонимии, антонимии, многозначности).

Лексическая конверсия понимается нами как способ выражения лексико-семантических отношений в эквивалентных по смыслу высказываниях с прямой и обращенной актантной структурой при помощи лексем, передающих двусторонние субъектно-объектные отношения (*Лена – сестра Димы <=> Дима – брат Лены*). Связанные такими отношениями лексемы образуют конверсную пару, причем они должны быть единицами одного лексико-грамматического класса и содержать в смысловой структуре «лексико-семантические варианты, способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений», в которых они реализуются [5, с. 4]. В русском языке лексические конверсивы в основном представлены отдельными группами глаголов

(*купить* <=> *продать*, *содержать* <=> *иметься*, *следовать* <=> *предшествовать*) и существительных (*муж* <=> *жена*, *учитель* <=> *ученик*, *причина* <=> *следствие*).

Конверсивы следует отличать от синонимов и антонимов, несмотря на то что они имеют общие черты и с теми, и с другими лексическими классами: конверсивы и синонимы являются средствами перефразирования; конверсивы, так же как и антонимы, характеризуются семантикой обратности; в отличие от синонимов и антонимов, конверсивы имеют обратные ролевые структуры и должны быть не менее чем двухвалентны [2, с. 261–262]. Основная трудность словарной репрезентации конверсивов нам видится именно в их ошибочном отнесении к синонимам или антонимам, которое основывается на теоретических изысканиях в отечественной лингвистике второй половины XX – начала XXI в., отраженных в научных работах Л. А. Новикова [8], Ф. В. Степановой [9], В. Т. Титова [10] и других авторов. Как следствие, конверсивные пары представлены в синонимических и антонимических словарях (см., например, как разработаны пары *Купить* – *Продать*, *Сдавать* – *Принимать* в словаре М. Р. Львова [7]; *Входить* – *Вмещать* – *Содержаться* в словаре Н. Абрамова [1]), а также часто встречаются в виде антонимов или синонимов в общих толковых и специальных словарях (см.: «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (2010); «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» в шести томах под ред. Н. Ю. Шведовой (1998–2007) и др.). Материалы «Краткого словаря русских конверсивов» А. М. Гильбурда [6] лишь отчасти облегчают работу по отбору исследуемой лексики, поскольку в нем допускается смешение лексических и грамматических конверсивов, так же как и в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяна [3], в котором конверсивная лексика выделена в отдельный класс, но представлена выборочно.

Конверсивные отношения исследуются на уровне лексико-семантических вариантов на материале «Словаря русского языка XXI века» под редакцией Г. Н. Складневской² (далее – Словарь). Выявление конверсивных пар является довольно непростой задачей еще и по той причине, что в Словаре (так же как и в других толковых словарях общего типа) не применяются какие-либо формальные отсылочные инструменты – пометы, комментарии в составе толкований и т. п., соотносящие конверсивы друг с другом.

Приведем несколько **примеров** разработанных в Словаре конверсивов, относящихся к различным семантическим группам. В конверсивных парах с семантикой *отношений родства, близости* (*муж* <=> *жена*, *сестра* <=> *брат*, *мать* <=> *сын*, *предок* <=> *потомок*, *возлюбленный* <=> *возлюбленная* и т. д.) значение обратности достаточно легко выявляется и наглядно демонстрируется в толкованиях при помощи общих сем «родственник», «лицо по отношению к другому лицу» и т. д.:

внук, а, м.

1. Сын сына или дочери. *Нянчить, воспитывать внука. Души не чаю во внуке. <...>*

бабушка, и, мн. род. шек, ж.

1. Мать отца или матери по отношению к своим внукам. *Навещать бабушку. Воспитываться у бабушки. С нежностью вспоминаю бабушку. Отдыхали в деревне у бабушки. <...>*

Достаточно прозрачно также представлены соотношения некоторых глаголов и существительных семантической группы *передачи, получения* (*купить* <=> *продать*, *квартиросдатчик* <=> *квартиросъемщик*, *импортировать* <=> *экспортировать* и т. д.):

куп'ить, купл'ю, к'упишь, прич. страд. прои. к'упленный, ая, ое, к'уплен, а, о, св.

1. кого, что. Приобрести за деньги. *К. в магазине хлеб, молоко. К. билеты в театр. К. квартиру. Дешево купила шубу. Составь список, что к. на рынке. Здоровье не купишь. <...>*

прод'ать, д'ам, д'ашь, д'аст <...>, св; продав'ать, а'ю, аёшь, повел. продав'ай, деепр. продав'ая, нсв; кого, что.

1. Отдать за определенную плату. *П. картошку, хлеб. П. мебель, телевизор, пылесос. П. акции. П. рекламное время. П. дом в кредит, в рассрочку. <...>*

В некоторых случаях словарная репрезентация конверсивов осложнена фактом семантической неполноты; семантика в толкованиях таких пар соотносится частично:

прин'ять, прим'у, пр'имешь, прои. пр'инял, принял'а, пр'иняло, св; приним'ать, 'аю, 'аешь и (книжн.) при'емлю, при'емлешь, нсв.

<...> 3. что. Получить для исполнения, в свое распоряжение, пользование и т. п.; допустить (к изданию, постановке). *П. телеграмму, бандероль, денежный перевод. П. одежду в химчистку. П. справку, заявление, документацию. Официант принял заказ. < П. пьесу к постановке. Принятые к публикации статьи. <...>*

перед'ать, д'ам, д'ашь, д'аст, <...> *св*; передав'ать, да'ю, даёшь, *нсв*.

<...> 2. *кого, что кому, куда*. Отдать в чье-л. распоряжение, владение. *П. коллекцию музея. П. животных в зоопарк. В связи с отъездом мы передали в оранжерею все домашние растения. Заложников передали властям.* <...>

Также встречаются случаи частичного семантического дублирования, как, например, у следующих глаголов **заполнения объема**:

вмест'ить, вмещ'у, вмест'ишь, *св*; вмещ'ать, 'аю, 'аешь, *нсв*.

1. *что во что, на что*. Поместить (1 зн.) что-л. целиком внутрь, в пределы чего-л., обычно в большом количестве. *В. все книги в шкаф. С трудом вместил личные вещи на одну полку. Все произведения писателя издательствоместило в однотомник.* <...>

войт'и, войд'у, войд'ешь, *прош.* вошёл, вошл'а, *прич. действ. прош.* вош'едший, ая, ее, *деепр.* войд'я; *св*.

<...> 4. Вместиться во что-л., уместиться в чем-л. *Не все книги вошли на полку. Белье с трудом вошло в чемодан. В кастрюлю вошло два литра воды.*

вмест'иться, вмещ'усь, вмест'ишься, *св*; вмещ'аться, 'аюсь, 'аешься, *нсв*; *во что*.

Поместиться (1 зн.) внутри, в пределах чего-л. *Все его вещи вместились в один чемодан. Фотограф отошел на несколько шагов, чтобы все вместились в кадр. Музыка коллектива не вмещается в рамки одного направления.* <...>

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской)».

² Значительная часть Словаря на данный момент составлена, опубликован «Проект» [4], подготовлены к печати 1-й и 2-й тома.

Список литературы

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : около 5 000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов. 7-е изд., стереотип. Москва, 1999.
2. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1. Москва, 1995. С. 261–262.
3. *Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва, 2003.
4. *Иванова И. Е.* Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы ее лексикографирования : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016.
5. *Гильбурд А. М.* Краткий словарь русских конверсивов. Сургут, 2002.
6. *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. Москва, 1978.
7. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке : семантический анализ противоположности в лексике. Москва, 1973.
8. *Словарь русского языка XXI в. : проект / под ред. проф. Г. Н. Складневской ; авт.-сост.: Т. Н. Буцева, Е. Ю. Ваулина, Е. В. Генералова и др.* Санкт-Петербург, 2019.
9. *Степанова Ф. В.* Антонимия как семантическая противоположность слова // Современный русский язык : курс лекций / И. В. Евсева, Т. А. Лузгина, И. А. Славкина, Ф. В. Степанова. Красноярск, 2007. С. 97–102.
10. *Титов В. Т.* Лексико-семантическая парадигматика романских языков // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 3–9.

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ УНИВЕРБОВ В ТОЛКОВЫХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности лексикографической интерпретации производных существительных, образованных способом универбации. Анализируется состав словника и способы толкования универбов. Отмечается наличие лагун в представлении межстилевых универбов в толковых и толково-словообразовательных словарях.

Ключевые слова: универбация, универб, словарь, толкование, дериватология.

Batulina Anna Valerievna, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
b.av@bk.ru

On the question of the representation of the univerts in explanatory and word-formation dictionaries of the Russian language

The article deals with the peculiarities of lexicographic interpretation of derived nouns formed by the method of universalization. The composition of the dictionary and the ways of interpreting the univerts are analyzed. The presence of lacunae in the representation of interstitial univerts in Explanatory and Explanatory-word-formation dictionaries is noted.

Keywords: univertation, univert, dictionary, interpretation, derivatology.

Универбация относится к одному из самых продуктивных в современном русском языке способов словообразования [5, с. 59; 4, с. 19]. Образованные способом универбации неологизмы типа *гуманитарка, социалка, обменник*, составляющие активный слой номинаций современной городской речи, «легко и быстро популяризируются, многие из них имеют и реализуют шанс литературной нормализации» [8, с. 110]. Поэтому нельзя не согласиться с неоднократно высказывавшимся мнением о необходимости включения универбов в словник толковых словарей [2, с. 28].

Под универбацией в настоящей работе понимается преобразование устойчивых адъективно-субстантивных словосочетаний или многокомпонентных моделей в существительное посредством материально выраженной или нулевой суффиксации: *коммунальная квартира* → *коммунал-к-а*, *наличные денежные средства* → *нал*, *бюджетная форма обучения* → *бюджет*.

Объектом нашего внимания стали особенности описания универбов в Толковом словаре русского языка начала XXI века Г. Н. Складневской (далее – ТСРЯ), Большом толковом словаре С. А. Кузнецова (далее – БТС) и Толковом словообразовательном словаре И. А. Ширшова (далее – ТСС). При анализе учитывалось включение универбов в состав словника и способ толкования.

Образованные способом универбации производные в словнике каждого из анализируемых словарей подаются как самостоятельные лексемы, в отдельной словарной статье. В словник БТС и ТСС включены универбы, употребляющиеся в русском языке достаточно давно: *грузовик, легковушка, зачетка, дошкольник, пятиэтажка* и т. п. В ТСРЯ, отражающем актуальную лексику, представлены неологические единицы, появившиеся в последние пятнадцать – двадцать лет: *обменник, копир, социалка, эксклюзив, дочка* («дочернее предприятие»), которые отсутствуют в БТС и ТСС. Совпадающую зону словарей БТС и ТСС составили: *бюджетник, интим, эксклюзив, компромат, кредитка, интеллект, нелегал, учебка, криминал, неформал, маршрут, маргинал, незавершенка* и некоторые другие.

Во всех словарях встречаются примеры включения в словник лишь одной из составляющих ономастиологическую конкуренцию единиц, причем вышедшей из употребления. Так, в БТС описывается *бюджетник* – «...2. О недорогом автомобиле без дополнительных приспособлений, повышающих удобство пользования», *пуховка* – «...лёгкая спортивная куртка на пуховой прокладке» [1] (в ТСРЯ – *пуховик*). В словник ТСРЯ входит *корпоративка* [6, с. 503] (в БТС приведен *корпоратив*), *валютка* («валютная биржа») [6, с. 171]. Следует отметить непоследовательность отражения универбации в Толковом словообразовательном словаре И. А. Ширшова, в котором отсутствуют многие, в том числе общепотребительные, универбы, несмотря на наличие соответствующих гнезд, например: *бюджетник, обменник, передовица, персоналка, платёжка, пятиэтажка, заброшка, медляк, двушка* («двухкомнатная квартира»).

В ТСРЯ шире, чем в БТС и в ТСС, представлены производные сниженной стилистической окраски, например *групповуха, развлекуха*. Поскольку в БТС включаются некоторые скатологизмы, разговорно-сниженные

производные типа *балдеж, жратва, обдираловка*, применительно к универбам словарь обнаруживает некоторую непоследовательность в отборе производных единиц субстандарта.

Отметим, что во всех анализируемых словарях встречаются примеры неполного отражения парадигматических связей описываемых единиц. Так, в БТС отмечены *пятиэтажка, негатив*, но отсутствует *девятиэтажка, позитив* (описан только межгнездовой омоним), в ТСРЯ приведена *двушка* («двухкомнатная квартира»), однако не включены в словник *однушка, трёшка*. Следует отметить, что многие универбы, активно употребляющиеся в современном русском языке, не вошли в словник ни одного из описываемых толковых словарей: *молочка, девятиэтажка, уценка, личка, служебка, заброшка, бытовуха* («преступление, совершенное на бытовой почве»), *стиралка* и др.

Во всех трех словарях преобладает толкование, включающее в себя мотивирующее субстантивно-атрибутивное словосочетание: *платежка* – «...платежное поручение» [1], *столярка* – «...столярная мастерская» [1], *социалка* – «...социальная сфера» [6, с. 938], *гуманитарка* – «гуманитарная помощь» [6, с. 271]. В БТС встречаются примеры использования знака « \Rightarrow » перед формулой толкования, указывающего на близость значения производного и производящего: *зачетка* – «... = зачётная книжка». В ТСРЯ встречаются примеры семантизации сниженных универбов посредством их нейтральных или разговорных эквивалентов: *стольник* – «...сторублевка» [6, с. 953]. Таким образом, замечание А. И. Ширшова о том, что в толковых словарях так и не был реализован словообразовательный аспект [7, с. 4] по отношению к универбам, нельзя признать справедливым.

Формула толкования может включать в себя лишь один компонент производящей базы – субстантивный или атрибутивный – либо одноморфемное прилагательное или существительное: *обменник* – «...пункт обмена валюты» [1], *малолеток* – «...маленький мальчик или девочка» [1]. Примеры толкований, в которых мотивирующие морфемно не представлены, как уже отмечалось, встречаются значительно реже: *бытовка* – «...временка или подсобное помещение для переодевания и отдыха рабочих (на стройках, предприятиях и т. п.)» [1].

Большинство универбов в анализируемых словарях представлены как моносемичные лексемы. Однако образованные способом универбации производные могут развивать вторичные значения. Как показал наш анализ, количество ЛСВ для одних и тех же единиц не совпадает в разных словарях. Так, в БТС выделены два значения у ряда единиц, которые в ТСРЯ и в ТСС подаются как однозначные: *персоналка, незавершенка, бюджетник, интим*. Например: *незавершенка* – «...1. Незавершённое строительство. 2. собир. Совокупность незавершённых хозяйственных объектов, жилых строений и т. п.» [1]. Ср.: *незавершенка* – «...давно начатое и незаконченное строительство» [6, с. 648]. В то же время в ТСРЯ поданы как многозначные многие неологические универбы, прежде всего – со значением лица или совокупности лиц: *неформалы, коммунальщик, криминал, неликвид, федералы*, например: *неформалы* – «...1. Неформальные политические или общественные объединения; представители таких объединений. 2. Неформальные молодежные движения и группировки; представители таких движений и группировок» [6, с. 658]. Ср.: *неформал* – «...член неформальной, официально не утверждённой организации, группы» [1].

Как представляется, такое различие в семантизации производного связано с учетом/неучетом явления отраженной полисемии: мотивированные многозначными прилагательными универбы, к примеру *интим, позитив, индивидуал, коммунальщик, эксклюзив*, как правило, реализуют оба значения мотивирующего прилагательного, например:

А также читайте эксклюзив «Ведомостей»: гендиректор «Национальной медиагруппы» Ольга Параскина рассказала в интервью, как выживают медиахолдинги (Анонс «Ведомостей» на 19 апреля 2017 года // Ведомости, 2017.04);

До 1 апреля 2017 года у компании был эксклюзив на покупку от 49 до 50 % в НК «Новый поток», рассказывают два источника, близких к «Новому потоку» и одному из претендентов (РБК, 2017.07).

В первом приведенном примере *эксклюзив* употребляется в значении «нечто единственное в своём роде; неповторимое», во втором – реализуется значение «принадлежащий только одному лицу, коллективу; исключительный».

Однако отраженная многозначность универбов, подтвержденная контекстами НКРЯ, непоследовательно учитывается толковыми словарями. Например, как моносемичные лексемы в БТС подаются *интим, нелегал, эксклюзив, позитив, негатив*, в ТСРЯ – *незавершенка, пятерка*.

Подводя итог, следует отметить наличие лагун в представлении универбов, особенно межстилевых, в толковых словарях, а также необходимость устранения непоследовательности в отражении парадигматических связей между универбами.

Список литературы

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд. Санкт-Петербург, 1998. Авторская редакция 2014 г. URL: www.gramota.ru/. Текст : электронный.
2. Дозорова Д. В. Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 392–396.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>. Текст : электронный.
4. Ольховская А. И. Активные процессы в современном русском языке. Лондон, 2016. 41 с.
5. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. Санкт-Петербург, 2007. 355 с.
6. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. Москва, 2008. 1136 с.
7. ТСС – Ширинов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка : комплексное описание русской лексики и словообразования. Москва, 2004. 1022 с.
8. Химик В. В. Современная русская лексикография: норма, традиция и реальность живой речи // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Великий Новгород, 2004. С. 107–111.

З. И. МИНЕЕВА ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
zmineeva@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ: АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В статье рассматриваются неологизмы, пополнившие русский язык в течение последних лет. Объектом исследования выступают лексемы, образованные с помощью семантической деривации. Материалом выступают неографические и медийные источники. В результате исследования выявлены модели на основе генерализации и специализации семантики, а также случаи комплексного использования метафоры и метонимии.

Ключевые слова: семантическая деривация, метафора, метонимия, неологизм, модель.

Mineeva Zoya Ivanovna, Petrozavodsk State University, Russia

zmineeva@rambler.ru

Semantic derivation: active processes

The article deals with neologisms of the Russian language in recent years. The object of research is lexemes formed with the help of semantic derivation. The material is non-graphic and media sources. The study revealed models based on generalization and specialization of semantics, as well as cases of complex use of metaphor and metonymy

Keywords: semantic derivation, metaphor, metonymy, neologism, model.

За последние годы русский язык пополнился огромным количеством неологизмов, в образование которых существенный вклад внесли деривационные процессы, разные способы словообразования, аффиксальные и безаффиксные. В основном при рассмотрении активных процессов современного русского словообразования речь идет о суффиксации и сложении как о наиболее ярких и заметных явлениях, участвующих в неологизации словаря. Менее заметны процессы генерализации и специализации семантики, в результате которых существующий знак получает новое означаемое, а в языке появляется новый лексико-семантический вариант.

Актуальность исследования обусловлена тем, что семантическая деривация входит в активные процессы современного словообразования.

Словообразовательная и семантическая деривация – это процессы, в которых участвует производное слово, производящее мотивирующее слово и лингвистическое средство, с помощью которого осуществляется процесс «преобразования исходной (базовой) единицы во вторичный знак» [7].

Семантической деривации посвящен ряд работ, в которых выявляются словообразовательные модели, форманты, дериваты определенных семантических групп, соотношение с полисемией, роль в формировании языковой картины мира [1; 3; 7; 5].

Данное исследование имеет целью рассмотреть типологию моделей и формантов, участвующих в семантической деривации в русском языке новейшего времени. Материалом выступают семантические дериваты в неологических словарях 2021 г. – «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020» [8] и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [9], а также в печатных и электронных медиатекстах.

Результаты. В неографии зафиксировано описание семантики ряда слов, включающее некие приращения, которые по сути выступают в роли форманта.

В. В. Морковкин писал о том, что в процессе словообразовательной деривации принимает участие материально выраженный формант – префикс, суффикс, интерфикс и т. п., а «в случае семантической деривации ту же функцию выполняет семантический формант, не имеющий материального выражения» [7, с. 356].

Семантический формант обнаруживается при анализе семантической структуры прямого (первичного) и переносного (вторичного) ЛСВ в эпидигматическом гнезде. Материально не выраженные языковые и ментальные сущности чрезвычайно важны.

Модели, наиболее активно проявившие себя в течение исследуемого периода, включают в качестве семантического форманта специализацию и генерализацию значения и метафорический перенос.

1. Специализация (сужение) значения. Ряд семантических дериватов употребляется в течение пандемии коронавируса с конкретизирующей семой, в чем заключается «актуализация значения узуальной лексемы: «Важной особенностью русского языка пандемийной эпохи было использование таких широкоупотребительных слов» [9, с. 9].

В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» зафиксированы номинации *вакцина, вакцинный, вирус, вирусный, карантин, карантинный (карантинный), маска, масочный, пандемия, пандемийный* и др. *Вакцина* – вакцина от коронавирусной инфекции COVID-19; *вирус* – коронавирус SARS-CoV-2, коронавирусная инфекция COVID-19; *карантинный* – связанный с карантином по коронавирусной инфекции COVID-19, относящийся к нему; *маска* – медицинская маска как средство индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции COVID-19; *перчатки* – одноразовые перчатки как средство индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции COVID-19.

Аналогично обстоит дело с лексемами *карантин, пандемия, штамм, эпидемия* и некоторыми другими [9, с. 9].

НРЛ-2020 [8] указывает развитие более узкого значения для следующих единиц: *антиваксер, вакцина, дистант, дистантный, дистанционер, желтый, красный, вакцинироваться* и др.

Для этих и многих других лексических единиц существенным семантическим приращением, способствующим специализации семантики, является либо ‘в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19’, либо ‘коронавирусная инфекция COVID-19’. Приведем некоторые иллюстрации из словаря [8].

ДИСТА́НТ*, а, м.

Дистанционный формат обучения, профессиональной деятельности; дистанционка (разг.). *Такой резкий переход на «дистант» – была мера вынужденная и экстренная, не все были готовы к этой кардинальной перестройке учебного процесса, исходя из объективно разного уровня развитости информационной инфраструктуры, обеспеченности дисциплин электронными образовательными ресурсами и готовности преподавателей к использованию цифровых платформ и сервисов в образовательном процессе.* БезФормата.com Воронеж (voronej.bezformata.com) 18.05.2020. *В X5 Retail Group заявили о намерении перевести на «дистант» как минимум 30 % сотрудников.* БезФормата Сургут (surgut.bezformata.com) 28.05.2020. *В своем выступлении лидер Департамента образования города Екатеринбурга Екатерина Сибирцева отметила, что дистант дал важный социальный эффект: дети захотели вернуться в школу.* Компании Урала (ufirms.ru, 29.05.2020). *Дистант ударил не столько по образованию и знаниям детей, сколько по их социализации. У меня оба ребенка сидят на дистанте, и они лезут на стенку от отсутствия общения с друзьями.* 7 дней 14.12.2020 [8, с. 50–51].

Словарь НРЛ 2020 [8] содержит информацию о том, что слово уже употреблялось ранее, в 2010 г., однако активизировалось «в связи с широким использованием дистанционного (дистантного) обучения в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19» [8, с. 51].

Активизация коснулась других единиц словообразовательного гнезда: *дистанцирование, дистанцироваться* и прочих, вошедших, согласно толковым словарям, в современный узус. Некоторые лексемы, для которых [8] отмечает активизацию в связи с широким использованием видео-конференц-связи в учебе и работе или вакцинации в эпоху пандемии (*дистанционка, антиваксер*), не имеют широкого употребления и закрепления в узусе и воспринимаются носителями языка как аффиксальные неодериваты. К числу последних относится слово *дистанционка*, для которого авторы неологического словаря отмечают активизацию.

ДИСТАНЦИОНКА*, и, ж.

1. О дистанционном режиме обучения или проведения учебных мероприятий (разг.). *Несмотря на большой прогресс в данном направлении, «дистанционка» пока не может полностью заменить то, к чему привыкли ученики – стандартные уроки и пары.* bakalavrmagistr.ru 01.01.2020. *Иркутянка удивляется, что весь процесс до сих пор организован так, будто в школах «про дистанционку узнали вчера в 22:00», и все это ей напомнило внезапные просьбы детей подготовить экстравагантный набор материалов на уроки труда.* i38.ru 18.11.2020.

2. О дистанционном режиме работы; то же, что удаленка (разг.). *Сервис по поиску работы SuperJob на днях провел опрос и выяснил, что Москву считают лучшим городом для удаленной работы в стране. Такого мнения придерживается каждый второй москвич, работающий удаленно... Специально для «РГ» SuperJob подсчитал, что дистанционку сегодня предполагают 4,3 % вакансий в столице. Цифра высокая, и толчок ей дал именно коронавирус и вызванная им самоизоляция.* rg.ru 11.11.2020 [8, с. 51–52; 9, с. 45–46].

Не вызывает сомнений перенос (расширение) значения в случае с лексемой *жёлтый*.

ЖЁЛТЫЙ*, ая, ое.

Характеризующийся средним уровнем распространения заболеваемости коронавирусной инфекцией COVID-19 (о стране или регионе). *Роспотребнадзор разделил регионы на «зелёные», «жёлтые» и «красные» по распространению Covid-19...* [8, с. 57].

Специализация значения свойственна не только отдельным лексемам, но и словосочетаниям: так, *социальное дистанцирование*, включающее семантический компонент ‘пандемия коронавирусной инфекции COVID-19’, означает принятую в обществе дистанцию в полтора-два метра, которая нередко обозначается разноцветными красками или иными способами в торговых центрах, поликлиниках, банках и в иных учреждениях.

2. Генерализация значения. К частным случаям генерализации относится деонимизация – процесс, при котором имя собственное перестает номинировать конкретный объект, предмет или лицо, а обозначает качества, свойства, присущие данному и другим, многим референтам. В результате оним употребляется в форме множественного числа. К примерам реализации данной модели относится обозначение в СМИ руководителей европейских государств, проявляющих недружественное отношение к России.

На основе мотивирующих онимов образуются семантические неодериваты, включающие негативно-оценочный компонент семантики: *Макроны и Шольцы, Байдены и Джонсоны, Столтенберги, почему вы решили, что можете творить любой беспредел, а мы не можем обеспечить собственную безопасность* (Yandex.ru, 24.03.2022).

Другим случаем генерализации значения является образование ЛСВ на основе мотивирующих абстрактных имен.

Абстрактное существительное «каннибализм», имеющее значения ‘людоедство’ и ‘поедание животными особей своего вида’ [2, т. 7, с. 615], получило новую интерпретацию в связи с вынужденным использованием отслужившего оборудования и чипов из не востребовавшихся банковских карт в России в период санкций и стало обозначением процесса использования отслуживших вещей: «...в стране уже начался “авиационный каннибализм”: старые самолеты разбирают на детали и ставят их на более новые воздушные суда»; «“Близкое к гениальному” – так в Сбере назвали решение о “каннибализме” со старыми банковскими картами» (Собеседник, 10–16.08.2022, с. 9). Семантическое приращение можно сформулировать как ‘нарушение запрета’.

Кроме того, генерализация значения происходит на основе мотивирующих зоотропов. В политическом, медико-просветительском и информационном дискурсе наблюдается широкое использование ЛСВ с метафорическими и метонимическими сдвигами.

С помощью семантической деривации происходит образование новых ЛСВ у названий животных: *псы войны, ястребы, стервятники, кролики, таракан, скунс*.

Модель: название животного → номинация человека.

Так, кролик ‘небольшой родственник зайцу зверек из отряда грызунов’, который зафиксирован нами как зоотроп [6], используется в тексте «Собеседника» как гендерно неспецифицированный зоотроп, обозначающий женщин, которые обращаются на сайты знакомств для поиска семейной пары и становятся жертвами мужчин, в планы которых входит не создать семью, а провести досуг с новой сексуальной партнершей. Заголовок микротекста «Отлов кроликов»: *Сайты знакомств оказались прекрасной площадкой для разведения кроликов. Пойду поциплю травку*» (Одинокая женщина желает познакомиться // Собеседник, 31.08–06.09.2022). Девербатив *разведение*, синонимичный существительному *развод*, произведен от *развести*, *разводить* в значении ‘обмануть’.

Ономасиологический аспект: объекты номинации. С помощью семантических дериватов происходит именование отдельных общественных и политических деятелей и их групп, групп интернет-пользователей, отдельных людей по оценке их высказываний в период СВО.

Таракан. Глава Турецкой республики получил номинацию *таракан*: *Эрдоган – усатый таракан* (ТВ Россия-1, 19.08.2022).

Скунс. Уехавших из России и выступающих за рубежом против СВО называют *скунсами*: *Прибалтийские скунсы охамели* (ТВ Россия-1, 19.08.2022). Здесь скунс (от англ. skunk (skunks)) ‘небольшое хищное животное сем. куньих, выделяющее в качестве защиты зловонную жидкость; вонючка (обитает в лесах и прериях Северной Америки)’ (БТС 2014) → ‘человек, предпринимая осуждаемые действия’.

Особенно интересны случаи метафорических переносов, которые осложняются метонимическими процессами. Изначальный метонимический перенос: найденное в Африке животное назвали *Ausichricrinites zelenskyi* в честь В. Зеленского (РИА Новости, 21.07.2022); в российском дискурсе метонимическое значение осложняется метафорическим переосмыслением: *Несгибаемое беспозвоночное Зеленский* (<https://easaily.com/ru/news>, 22.07.2022); *Беспозвоночное* Зеленский; Владимир Зеленский силами польских ученых возведен в ранг ископаемых беспозвоночных Юрского периода (aif.ru, 21.07.2022).

Актуализировались метафорические номинации *жирные коты* (Радио FM, 16.08.2022); *крысы* (ТВ Россия-1, 15.08.2022), *таракан*, *моль*, *паразит* и др. Данные зоотропы приобрели новых референтов.

Трам – *моль*, а *Обама* – *паразит* /подзаголовок/ (aif.ru, 21.07.2022). Трамп и молевидная бабочка получили одно имя, вторая – за сходство чешуек с прической президента. Червя-паразита посчитали таким же «замечательным», как Обама. *И тут с ним согласен весь мир, также считающий Обаму тем еще паразитом* (aif.ru, 21.07.2022).

Не зафиксированы зоотропы женского рода, составляющие неотъемлемую часть метафорических обозначений женщин [4].

Комплексный метафорический и метонимический сдвиг отмечены в ЛСВ в печатных СМИ: «“Амазонки” из Дивного» (Собеседник. 2022. № 29. С. 10). *Амазонка* в академическом словаре определяется как ‘всадница’ и ‘костюм для верховой езды’ [2, т. 1, с. 177], однако в ментальном пространстве носителей языка сохраняется образ независимой воительницы. Обращение к образу воинственной амазонки совмещается с метонимическим сближением подсудимых, совершивших преступление, и случайно попавшего в поле расследования ножа с надписью «Моей любимой амазонке».

Выводы. Активные процессы современного словообразования затрагивают семантическую деривацию, благодаря которой происходит развитие лексической многозначности и формирование эпидигматического гнезда.

В ходе проведенного анализа выявлена продуктивность моделей, включающих специализацию и генерализацию семантики. Формантом при реализации моделей семантической деривации выступает метафорической сдвиг, а также комплексное, или совместное, участие метафоры и метонимии. Живые явления семантической деривации участвуют в заметном процессе коллоквиализации современного литературного языка, чему в не малой степени способствует узуализация разговорных и жаргонных зоотропов.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка. Москва : Наука, 1974.
2. Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича. Т. 1–27. Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004–2021.
3. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. Москва : Языки славянской культуры, 2013. 640 с.

4. *Минеева З. И.* Зоотропы женского рода в русском языке // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства : сб. материалов Всерос. с междунар. участием очно-заочной науч.-практ. конф., посв. 110-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского гос. ун-та, 27 ноября 2019 г. Уфа, 2019. С. 75–80.
5. *Минеева З. И.* Семантическая деривация в современном русском языке // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6 : материалы VI конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). Санкт-Петербург, 2018.
6. *Минеева З. И.* Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2021. Т. 43, № 1. С. 22–30.
7. *Морковкин В. В.* Лексическая многозначность в семасиологическом и ономасиологическом аспектах // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их описания : II Новиковские чтения. Москва, 2009. С. 354–356.
8. *Новое* в русской лексике. Словарные материалы – 2020 / отв. ред. М. Н. Приемышева. Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. 486 с.
9. *Русский язык* коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. 550 с.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Б. ДЬЁРФИ©

Сегедский университет, Венгрия

blazsenyka@yahoo.com

БЕЛАЯ ВОРОНА ПРОНОМИНАЛЬНЫХ ЭНКЛИТИК: (ЭН)КЛИТИКА СЯ В ТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Относительно синтаксического статуса элемента *ся* бытуют разные мнения в лингвистической литературе: он трактуется либо у залоговых отношений, либо у местоимений, а в современных трудах воспринимается энклитикой. Для создания более четкой картины в статье анализируется синтаксическое поведение *ся* в текстах шести летописей XIII–XVI вв. с использованием методики корпусной лингвистики. В конце статьи делаются выводы на основе количественных данных.

Ключевые слова: энклитики, корпусная лингвистика, летописи, грамматикализация.

Beáta Györfi, University of Szeged, Hungary

blazsenyka@yahoo.com

The "Black Sheep" of Pronominal Enclitics: the (en)Clitic *ся* in the Text of Old Russian Chronicles

There are different views regarding the syntactic status of *ся* in the linguistic literature: it is either discussed under voice realitions, or with pronouns, while in contemporary research it is perceived as an enclitic. In order to make the situation clearer, the article analyses the syntactic behaviour of *ся* in the texts of six 13th–16th century chronicles, applying the methodology of corpus linguistics. At the end of the article conclusions are drawn on the basis of quantitative data.

Keywords: enclitics, corpus linguistics, Old Russian chronicles, grammaticalization.

Предметом настоящего исследования является древнерусский элемент *ся*. На первый взгляд выбор такого предмета анализа может показаться банальным, ведь путь возникновения данного элемента в исторических грамматиках считается разрешенным. Всем известно, что *ся* на протяжении десяти веков радикально трансформировал свои синтаксические свойства, превратившись из отдельного слова в морфему [3, с. 169]. Несмотря на такую эволюцию, в классических трудах по исторической грамматике сравнительно мало внимания уделяют этому слову. Более того, современные исследования в области клитик предлагают взглянуть на *ся* с новой точки зрения.

В статье представляются предыдущие теории связи со словом *ся*, рассматриваются синтаксические свойства *ся* в летописях XIII–XVI вв. методом корпусного анализа. На основе количественных данных делаются выводы относительно синтаксического статуса данного элемента.

Чем является элемент *ся*?

Статус *ся* по-разному трактуется в классических трудах по русской исторической грамматике. Классики русского исторического синтаксиса В. И. Борковский [1] и А. И. Стеценко [7] не уделяют внимания данному элементу.

П. Я. Черных [7, с. 276–277] и Й. Домбровский [2, с. 100–101] рассматривают *ся* у форм залога, ведь залоговые отношения в древнерусском выражались или средствами словосочетания (связка + причастие) или с помощью энклитического местоимения *ся*.

В. В. Колесов [4, с. 358–59] исследует элемент *ся* у местоимений, обращая внимание на то, что в древнерусском языке они имели как полные, так и клитические формы.

Новый подход в трактовке элемента встречается у А. А. Зализняка. В монографии «Древнерусские энклитики» он на основе порядка следования в цепочках различает восемь рангов энклитик [3, с. 28]: клитики первых пяти рангов являются дискурсивными клитиками, клитики шестого и седьмого рангов – местоименными энклитиками, а клитики восьмого ранга – связками. Отсюда *ся*, как местоимение винительного падежа, является клитикой седьмого ранга.

Однако теория Зализняка не является убедительной, поскольку синтаксические свойства клитики *ся* отличаются как от свойств энклитик вообще, так и от других местоименных энклитик.

Учет языковых данных с элементом *ся* вызывает ряд вопросов относительно его синтаксического статуса. В данной статье делается попытка разъяснить следующие из них:

1. С какой частотой *ся* встречается самостоятельно и связной морфемой в тексте летописей?
2. Есть ли доминирующая позиция для данного элемента?
3. Возможно ли сделать выводы о функциональной роли *ся* по его местоположению в клаузе?
4. Можно ли следить за диахронной эволюцией *ся* на основе количественных данных?

Материал для исследования

Для исследования были выбраны следующие шесть древнерусских летописей из исторического подкорпуса НКРЯ (в порядке составления содержащих их списков): Новгородская летопись (НЛ) (по Синодальному списку XIII–XIV вв.), Суздальская летопись (СЛ) (по Лаврентьевскому списку XVI в.), Повесть временных лет (ПВЛ), Киевская летопись (КЛ), Галицкая летопись (ГЛ) и Волынская летопись (ВЛ) (по Ипатьевскому списку первой четверти XV в.).

Метод исследования

Исследовательским методом для изучения свойств элемента *ся* является корпусный анализ.

Корпусное исследование способствует анализу происходящих изменений, количественному и дистрибутивному анализу структур, изучению вариации конкурирующих морфосинтаксических форм. Выводы корпусных исследований могут поддержать предыдущие теории и обогатить их, или наоборот – опровергнуть.

Для проведения данного расследования использовался исторический подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Анализ языкового материала

В качестве исходной точки проводился частотный анализ форм. Необходимо отметить, что во всех летописных текстах – даже в самых ранних – *ся* встречается и в функции постфикса. Согласно Й. Домбровскому [2, с. 101], процесс морфологизации *-ся* начинается сравнительно рано, спорадически примеры наблюдаются уже в памятниках XI в.

Таблица 1

Источник	Количество слов	Количество примеров самостоятельного <i>ся</i>	Количество примеров с постфиксом <i>-ся</i>
Новгородская 1-я	33608	400	125
Суздальская л.	45931	53	923
ПВЛ	54504	87	941
Киевская л.	78926	240	1329
Волынская л.	15787	36	184
Галицкая л.	22666	36	399

Как видно из табл. 1, текст Новгородской 1-й летописи содержит больше всего примеров самостоятельного употребления *ся*. В то же время в этом тексте наблюдается самое низкое число примеров в функции постфикса. Количество вхождений *ся* в тексте КЛ также обращает на себя внимание, однако данное явление можно объяснить тем, что КЛ – самый объемный из исследуемых памятников.

Данные указывают, что в поздних памятниках количество самостоятельного использования данного слова резко снижается.

Позиция *ся*

Информацию о словопорядке *ся* находим только у А. А. Зализняка [3]. Прономинальные энклитики в славянских языках могут занимать два положения: вакернагельскую позицию (V2), т. е. позицию после первого ударного слова клаузы, или контактную позицию (2P), т. е. располагаться непосредственно после своего управляющего слова [4]. Исследование местоименных энклитик указывает на то, что они прикрепляются главным образом к глаголу. По всей вероятности, данное явление связано с тем, что местоимения являются аргументами глаголов и поэтому они располагаются внутри VP. Однако дело по-другому обстоит в случае местоимения *ся*, поскольку оно выступает и постпозитивно, и препозитивно, и отдаленно относительно глагола.

Поскольку в примерах расположение клитики *ся* является слишком разнообразным, для формального изучения вопроса обратимся к теории чешской исследовательской группы [5]. Изучая расположение (эн)клитик в чешском языке относительно конкуренции двух основных позиций (V2 и 2P), чешские исследователи различа-

ют четыре положения. Данная концепция нами была приспособлена к спецификам древнерусского языка. Таким образом, в исследовании разграничены следующие позиции *ся*:

- *Постначальная позиция.* В этом случае *ся* появляется сразу после начальной фразы и стоит рядом со своим управляющим элементом (V). Глагол может или предшествовать клитике, или последовать за ней. Важно отметить, что в такой позиции за глаголом в большинстве случаев следует энклитика высшего ранга (E). Также в этом положении управляющим элементом в ряде случаев выступает причастие. Схематично (символ []* обозначает ноль или более синтаксических единиц):

V + *ся*

V + E + *ся*

[] + *ся* + V

[] + E + *ся* + V + []*

- *Постначальное изолированное положение.* В этом случае *ся* располагается после любого типа начального элемента, кроме своего управляющего слова, а за ним следует один или несколько синтаксических элементов любого типа, кроме управляющего слова.

[] + *ся* + ... + V

[] + E + *ся* + ... + V

- *Непостначальная контактная позиция.* В данной позиции *ся* встречается где угодно, кроме постначальной позиции, и примыкает к своему управляющему элементу.

[] []* + V + *ся*

[] []* + *ся* + V

- *Непостначальная изолированная позиция.* В данном случае *ся* выступает где угодно, кроме постначальной позиции, и не примыкает к своему управляющему слову. Сюда причисляем и те случаи, когда *ся* не имеет управляющего глагола или даже выступает после предлога.

[] []* + V + []* + *ся* + []*

[] []* + *ся* + []* + V + []*

Применяя метод корпусного исследования и вышеизложенную теорию, анализ летописных текстов в НКРЯ дает следующие результаты:

Таблица 2

Источник	Постначальная контактная позиция	Постначальная изолированная позиция	Непостначальная контактная позиция	Непостначальная изолированная позиция
Новгородская л.	178	8	204	10
Суздальская л.	29	13	6	5
ПВЛ	43	16	13	14
Киевская л.	112	82	11	35
Волынская л.	23	5	2	6
Галицкая л.	29	2	1	4

Данные табл. 2 указывают на то, что доминирующей позицией *ся* в летописных текстах является постначальная контактная позиция. Если управляющий глагол стоит в самом начале предложения, то обычно после него следуют другие (дискурсивные) клитики высшего ранга. Однако в большинстве случаев глагол следует за клитикой. Вторая наиболее распространенная позиция для *ся* – постначальная изолированная. Данные результаты дают основание предполагать, что даже в поздних летописях воздействие закона Вакернагеля было значительным.

Новгородская летопись отражает самое раннее языковое состояние, следовательно, в ней изобилуют случаи, с непостначальной контактной позицией, когда *ся* стоит внутри клаузы в контактной позиции после глагола, но еще не соединено с ним.

Итоги

Вернемся к вопросу о синтаксическом статусе элемента *ся*. На основе данных можно выделить три функциональные разновидности *ся*: глагольный постфикс, клитику и местоимение.

В летописных текстах данный элемент находится в переходном состоянии развития. Обилие примеров самостоятельного *ся* в постначальной контактной позиции (особенно в тексте НЛ) свидетельствует о процессе грамматикализации слова. В памятниках XIV–XVI вв. этот процесс уже завершен, что показывает большое количество вхождений постфикса *-ся*.

Большое количество *ся* в постначальной контактной позиции свидетельствует о клитической природе элемента. Энклитикой, однако, *ся* выступает в небольшом числе примеров, а канонически этот элемент расположен слева от глагольного управляющего. По всей вероятности, в такой функции *ся* не обладает самостоятельным ударением и обязательно примыкает (или слева, или справа) к глаголу. Таким образом, его лучше назвать просто клитикой.

В третьей части случаев элемент *ся* выступает как самостоятельное ударное слово без глагола, часто после предлогов. В данной функции он воспринимается местоимением.

Список литературы

1. Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот : (простое предложение). Львов, 1949.
2. Домбровский Й. Историческая грамматика русского языка. Budapest, 1975.
3. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. Москва, 2008.
4. Колесов В. В. История русского языка. Москва, 2005.
5. Wackernagel's Position and Contact Position of Pronominal Enclitics in Older Czech. Competition or Cooperation? / P. Kosek, R. Čech, O. Navrátilová, J. Mačutek // Conference talk. 3. 10. – 25. 10. 2019, SLOVKO 2019. 10th International Conference NLP, Corpus Linguistics, Language Dynamics and Change, Slovak National Corpus. Bratislava, 2019.
6. Стеценко А. И. Исторический синтаксис русского языка. Москва 1972.
7. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1962.

В. В. СЕМАКОВ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
vsemakov@gmail.com

ГЛАГОЛЬНАЯ АРХАИКА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье анализируются формы аориста и имперфекта в языке русских духовных стихов, записанных на территории Карелии и сопредельных областей в XX в. Установлено, что частотность употребления архаических претеритов невысокая, заметна формальная и семантическая деградация грамматической формы. Сохранность аориста и имперфекта выше в «младших» духовных стихах, связанных со старообрядческой традицией.

Ключевые слова: духовные стихи, грамматическая форма, аорист, имперфект.

Semakov Vladimir Veniaminovich, Petrozavodsk State University, Russia
vsemakov@gmail.com

Verbal archaic in spiritual verses of the Russian North

The article analyzes the forms of aorist and imperfect in the language of Russian spiritual poems collected on the territory of Karelia and adjacent regions in the XX century. It is established that the frequency of their use is low, formal and semantic degradation of the grammatical form is noticeable. The preservation of the aorist and imperfect is higher in the "younger" spiritual verses associated with the Old Believer tradition.

Keywords: spiritual poems, grammatical form, aorist, imperfect.

Гибридность языка духовных стихов – явление очевидное. Это связано, во-первых, с совмещением в стихе фольклорной и литературной основы, во-вторых, с их генезисом: одни стихи примыкают к так называемой общерусской классической традиции, которая испытала большое влияние эпической былинной поэзии, другие, появившиеся в XVII–XVIII вв., тесно связаны с виршевой литературной культурой, расцветшей в том числе в старообрядческой среде.

Среди языковых феноменов, создающих уникальный стиль духовных стихов, назовем древние формы простых претеритов (аориста и имперфекта), практически неизвестные иным жанрам русского фольклора. Главная архаика – наиболее заметная черта «младших» духовных стихов, т. е. тех, которые были созданы как религиозно-художественная реакция на трагедию Русского раскола.

Карелия – один из главных организационных центров старообрядчества конца XVII – середины XIX в. Именно здесь, в Выго-Лексинском общежительстве, духовный стих получил и новые приемы поэтического выражения, и новую сферу своего бытования, порою становясь частью церковной службы. Не следует думать, что в связи с этим на Севере угасла традиция классического духовного стиха. Напротив, поддержанные живой былинной культурой, выдающимися исполнителями такие стихи, как «Голубиная книга» или «Стих об Алексее, человеке Божьем», широко бытовали в крестьянской среде и оказывали заметное влияние на новую старообрядческую традицию духовного стиха.

В данной статье рассмотрим особенности функционирования форм прошедшего времени глагола на примере духовных стихов из сборника «Духовные стихи Русского Севера». Нужно сказать, что это выдающееся издание, вышедшее в свет в 2015 г., включает несколько сотен духовных стихов из коллекции КарНЦ РАН, записанных на протяжении предыдущего столетия на территории Карелии и сопредельных областей.

Итак, всего исследован 331 текст духовных стихов, принадлежащих разным поэтическим традициям. Общее количество форм аориста и имперфекта невелико – 186 форм аориста и 20 форм имперфекта. Отдельно нужно отметить четыре формы перфекта со связкой. Форм плюсквамперфекта не встретилось. Таким образом, архаические формы прошедшего времени составляют примерно 4 % от общего числа претеритов, подавляющая их часть – современные формы прошедшего времени (всего чуть более 5 тыс. употреблений). Среди форм аориста больше всего (111, или 60 %) форм 3-го лица единственного числа (например, «пойде», «явися», «родися»):

Достойно днесь удивления

И духовного веселия.

Ныне звезда на небеси *явися*.

(Достойно днесь удивления [2, с. 56].)

Услышала глаголы их Святая Дева,

Она *бысть* без памяти и больше часа,

Ударилась о землю, едва *бысть* жива.

(О Христовом распятии [2, с. 79].)

В Кане Галилейской,

В Кане Галилейской

Мати же Ёго егда се *узре*,

Жаниху пир цестён *сотвори*.

(Как Господь был на браки [2, с. 139].)

Другие личные формы аориста представлены формами 3-го лица мн. числа (62 примера, или 32 %), 1-го лица ед. числа (8 употреблений) и 1-го лица мн. числа (5 употреблений):

В нози Мои гвоздьё *забиваша*,

Копием бока у Меня *прободоша*,

Тростью Мою, Матушка, главу *убиваша*,

Совсем Меня, Матушка, *присрамляша*,

Желчью Меня *напоиша*.

(Сон Мати-Марии [2, с. 75].)

Чадо мое пресладкое,

Вина *бых* аз твоей смерти.

Убих чадо пославый тя

Видеть стадо и братию.

(Стих плача Иосифа [2, с. 536].)

Пестру ризу *послахом* ти,

А Иосифа нельзя найти.

В печали же мы вси о нем,
Горько слезы пролием.
(Стих плача Иосифа [2, с. 535].)

В большинстве текстов аорист употребляется внесистемно, представляя своеобразные архаичные вкрапления в языковом материале нарратива, оформленного преимущественно простыми л-формами. Выбор формы часто определяется лексически – отмечается явная лексикализация грамматической формы, когда она образуется от определенной группы лексем, генетически связанной с церковнославянским дискурсом (например, «рече», «сотвори», «бысть»). С семантической точки зрения особых отличий аориста и стандартного прошедшего чаще всего нет – обе формы обычно употребляются в одном темпоральном контексте, часто образуя ряды однородных сказуемых:

Плачите, стоните, вдовы и сироты!
Наставник, Учитель ваш *покинул* вас всех!
Сыне мой любезный, надежда моя!
Волею *поиде* на крестную смерть.
(О Христовом распятии [2, с. 79].)

О том, что перед нами лишь ритуальная архаика, свидетельствуют и формальные ошибки в образовании личных форм аориста. Например, «бысти» (вместо «бысть» – Плач Адама, 180); «пригвоздиши», «прободоши» (вместо «пригвоздиша», «прободоша» – Сон Богородицы, 269) и др.

Иная традиция использования аориста отмечается в «младших» духовных стихах. Аорист здесь частотнее, формальных ошибок меньше, исконная темпоральная семантика в основном сохраняется. Конечно, перед нами тексты, записанные в основном в XX в., когда церковнославянская словесная культура была уже практически разрушена. Исполнители лишь воспроизводят то, что они запомнили, конечно, без всякой возможности верифицировать архаические формы. Тем не менее именно в старообрядческих стихах глагольная архаика сохранилась лучше.

Формы имперфекта в духовных стихах сборника встречаются крайне редко (20 примеров). Наиболее частотны имперфекты 3-го лица мн. числа – и в этом их отличие от форм аориста, где господствует единственное число. Конечно, языкового материала здесь недостаточно, но можно осторожно предположить, что подобная дистрибуция связана с фоносемантическими особенностями форм на *-аху*. Гомеотелевтонны с формами имперфекта 3-го лица мн. числа обычны для эпизодов казни и страданий «древлеправославных»:

Четы инок*ов* *уовляхуся*,
Злым казнением *умерцвляхуся*,
Всюду вернии горце *плакаху*,
Зело жалостно к Богу *взываху*:
«Время люто ста, Боже сократи,
От мучительства злого заштити».
(Воспоминание преболезненное об озлоблении кафоликов [2, с. 188].)

Подобное использование имперфектных форм характерно прежде всего для «младших» стихов, связанных со старообрядческой поэтической культурой. Ряды однородных сказуемых в форме имперфекта 3-го лица мн. числа – традиционная риторическая фигура не только старообрядческого поэтического текста, но и таких прозаических произведений, как «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» инока Ефросина (1691 г.), «История о отцах и страдальцах Соловецких» Семена Денисова [3].

«Древлеправославные» Выга не только сохранили старые приемы поэтического использования всего репертуара церковнославянских форм времени, но и, творчески их применив, создавали авторские тексты. Так, процитированный эсхатологический духовный стих «Воспоминание преболезненное об озлоблении кафоликов» осторожно приписывается В. Г. Дружининым основателю Выго-Лексинского общежития и многолетнему его киновиарху Андрею Денисову [1, с. 22].

В целом язык старообрядческих духовных стихов, заметно отличающийся в использовании глагольной архаики от стихов «старших», требует особого изучения. В эсхатологических стихах выговцев употребление аориста и имперфекта часто является не только осознанным грамматически и семантически, но может высту-

пать как специальный поэтико-грамматический ресурс, участвующий в создании специфического темпорального сюжета (от эпического прошлого через недавние времена никоновских гонений к современному переживанию нескончаемого «бедствия») [4].

Список литературы

1. Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова, 1911.
2. Духовные стихи Русского Севера / [сост.: В. П. Кузнецова]. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015.
3. Плюханова М. Б. Риторический стиль Авраамия Палицына (символизация грамматических категорий) // Труды по знаковым системам. Т. 21. Тарту, 1987.
4. Семаков В. В. Поэтика глагольной формы в старообрядческом духовном стихе // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1996.

А. С. ЩЕКИН ©

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
shekinalexey@gmail.com

МОРСКОЙ ТЕРМИН «СПРИНГ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Статья посвящена употреблению лексемы *спринг* в русском языке XVIII в. Устанавливается наличие у этого слова трех омонимичных значений. Делается вывод о низкой частотности употребления данного слова в русском языке XVIII в.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, XVIII в.

Shchekin Aleksey Sergeevich, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
shekinalexey@gmail.com

The sea term "spring" in the Russian language of the XVIII century

Current article is dedicated to use of the word *spring* in the Russian language of the XVIII century. For this word are determined three homonymous meaning. The rare occurrence of this word in the Russian language of the XVIII century is concluded.

Keywords: Russian language, historical lexicology, XVIII century.

XVIII в. стал временем интенсивного пополнения русской морской терминологии заимствованными словами. Некоторые из них сохранились в русском языке до настоящего времени, другие вышли из употребления на протяжении того же XVIII в. При этом в языке той эпохи для передачи одного и того же терминологического значения могли использоваться разные слова, иногда лишь незначительно отличающиеся друг от друга по своему фонетическому облику. Одной из причин такого явления было заимствование слов из различных, но родственных между собой языков.

Морской термин *шпринг*, обозначающий специальный канат или трос, соединяющий корму с якорной цепью и использующийся для удержания корабля в определенном положении по отношению к ветру или течению, встречается в памятниках русского языка с самого начала XVIII в. Так, в датированной 6 июня 1705 г. записи из судового журнала («вседневной, порядочной записки, что чинено в корабле») корабля «Дефам», находившегося под командованием вице-адмирала Корнелиуса Крюйса, новое для русского языка слово *шпринг* употребляется с объяснением (*поперечные веревки*): «Мы против того жь чинили сейнь чтобь всякъ на своя приказыванныя поперечныя веревки на якорь стали, называются *шпрингъ*, которое все наши въ тотъ часъ учинили» [4, с. 64]. На протяжении всего XVIII в. слово *шпринг* широко употребляется в документах, относящихся к морскому делу, чаще в составе устойчивых сочетаний *поставить на шпринг (на шпрингах)*, *стать на шпринг*, *лечь на шпринг* и т. п., ср.: «Викторію *поставить* между Кроншлота и торговаго гавана *на шпрингахъ* безъ баласта, или баластъ на канатахъ, дабы ежели кой несчастливый случай оному случится, дабы вынуть можно было и тѣмъ фарватера не испортить» (из указа Петра I шаятбенахту Сиверсу от 18 мая 1720 г.) [5, с. 482]; «Небольшіе фрегаты, шебеки, пакетъ-боты, боты, когда будутъ, галеры, канонерскія лодки, и другія гребныя тому подобныя суда... <...> Которыя, ежели флотъ стоялъ на якорѣ, снявшихъ съ онаго и наполнивъ паруса, должны построиться... и приближаться къ самому берегу, какъ только глубина позволить можетъ; *лечь на шпрингъ*, то есть положить якорь

съ приготовленнымъ къ рыму его перленемъ для *шпринга*; притомъ надлежитъ завести заводы въ море, и имѣть ихъ въ готовности, дабы, ежели потребуетъ нужда, возможно было оттянуться отъ берега» (из Устава Военного флота, изданного императором Павлом I 25 февраля 1797 г.) [6, с. 406].

Фонетический облик слова *шпринг* дает основания предполагать, что в данном случае источником заимствования послужил немецкий язык, в котором термин Spring обозначает как швартовочный трос, так и трос, соединяющий корму корабля с якорем [10, с. 2459]. Именно слово *шпринг* закрепилось в русской морской терминологии, ср.: *шпринг* ‘стальной трос, заведенный ходовым концом в якорную цепь (скобу якоря), а коренным концом закрепленный на кормовых кнехтах’ [1, с. 479].

Но в XVIII в. в этом же значении употреблялось и слово *спринг*, хотя и значительно реже, чем *шпринг*. Поиски в картотеке и электронной текстотеке «Словаря русского языка XVIII века», а также в поисковых библиотечных системах (таких как Google Книги) позволили обнаружить лишь три употребления слова *спринг* в значении ‘канат, соединяющий корму с якорной цепью’. В «Юрнале» (журнале-дневнике) вице-адмирала Я. С. Барша оно встречается один раз в описании событий начала русско-шведской войны 1740–1743 гг. на Балтике: «А карабли “Сиверной Орел”, “Основание благополучие”, “Ингермоландия” поставлены были между Кроншлота и купецкой гавани, и учреждены *спринги* опасаясь неприятелскаго нападения» [9, с. 10]. Сочетание *лечь на спринг* встречается в изданной в 1777 г. книге Николая Курганова «Морской инженер», в основу которой положен перевод книги английского автора Джона Робертсона The Elements of Navigation: «А ежели пошлешь завозной якорь, чтобъ стать противъ непріятелиа бокомъ, тогда шлюбки твои будутъ находиться въ его власти; въ такомъ случаѣ лучше бы было вмѣсто завозу якоря *лечь на спрингъ*, но и сіе опасно ежели ты находишься очень блиско берега» [3, с. 149]. Наконец, в опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщении от 4 июня 1790 г. о военных действиях на море во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. встречается сочетание *лежать на спринге*: «Въ 4 часа поутру подходя на гребль съ жестокиимъ огнемъ, учинили онѣ <шведы> атаку обоими крылами на нашу флотилію, которая *лежала на спрингъ*, и допустя непріятелиа на близкое разстояніе открыла противъ него огонь со всѣхъ судовъ своихъ» [7, с. 1].

Можно предположить, что для слова *спринг* источником заимствования послужил не немецкий, а английский или нидерландский язык, в которых этот морской термин существует именно в такой звуковой форме; ср.: англ. spring [12, с. 349], нидерл. spring [13, с. 1695]. Для употребления слова Н. Кургановым можно найти прямое соответствие в тексте английского первоисточника его книги, где сочетанию *лечь на спринг* соответствует *to clap a spring upon the cable*: And if you attempt to carry out an anchor to heave your broadside against the enemy, your boats will be too much under his command; indeed, instead of carrying out an anchor, it may be best *to clap a spring upon the cable*, but this will fail if the ship is too near the shore [11, с. 666]. Я. С. Барш начинал свою морскую службу в голландском флоте [8, с. 7], что также могло повлиять на его словоупотребление.

Слово *спринг* фиксируется в источниках XVIII в. еще в двух значениях, омонимичных обозначению морского каната, но также связанных с морской тематикой. Оба эти омонима имеют единичные фиксации (каждый только в одном источнике) и могут рассматриваться как окказионализмы.

В одном из писем Петру I капитана Петра Бредаля, норвежского моряка на русской службе, слово *спринг* употребляется несколько раз: «Намъ всегда великія трудности бывають съ кораблемъ Марльбургомъ; мы при всѣхъ *спрингахъ* старались оный изъ дока вывезть, но не имѣли къ тому довольно воды. <...> При всякомъ *спрингъ* имѣю я больше 80 водяныхъ бочекъ подъ нимъ для подъему и сверхъ того два лихтера назади подъ билленами. А при семъ *спрингъ* который будеть въ 11-й день сего мѣсяца, уповаю я оный вывезть. <...> На корабль Марльбургъ оставлю я капитана Экгова и съ 20 или съ 30 русскихъ матросовъ; оному капитану прикажу я чтобъ онъ при всякой *спрингъ* наилучшее стараніе прилагалъ чтобъ его высвободить» [5, с. 46]. Это направленное из Лондона письмо датируется 1716 г. и посвящено отправке в Россию из Англии кораблей, предназначенных для российского флота. В письме речь идет о трудностях с выходом из Лондонского порта одного из кораблей; контекст показывает, что словом *спринг* или *спринга* (оно согласуется с определениями как в мужском, так и в женском роде) обозначается прилив. По-видимому, речь идет о сизигийном приливе, происходящем два раза в месяц в новолуние и полнолуние и характеризующемся максимальным подъемом воды. Можно предположить, что источником заимствования здесь также послужил английский язык, в котором в XVIII в. слово *spring* наряду с сочетанием *spring tide* использовалось для обозначения такого прилива [12, с. 348].

Наконец, слово *спринг* встречается как название одной из рыб в русско-голландском лексиконе Якова Брюса, напечатанном в 1717 г.: «*Спрингъ* рыба. – Spiering. m.» [2, с. 217]. Очевидно, что в данном случае речь идет

о транслитерации русскими буквами нидерландского слова *spiering* 'рыба корюшка'. Обнаружить другие примеры употребления слова *спринг* в русском языке в этом значении не удалось, поэтому можно предположить, что это употребление остается единичным фактом в истории русского языка XVIII в.

Рассмотренные материалы показывают, что слово *спринг* в русском языке XVIII в. употреблялось в трех значениях, возникших независимо друг от друга под влиянием языков – источников заимствования. Из них два значения так и остались окказиональными, характерными только для словоупотребления отдельных личностей: П. Бредаля и Я. Брюса. Морской термин *спринг*, обозначавший один из типов каната, хотя и конкурировал в лексической системе языка с более частотным вариантом *шпринг*, но все же был им вытеснен.

Список литературы

1. *Военно-морской словарь* / гл. ред. В. Н. Чернавин. Москва, 1990.
2. *Книга лексикон, или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык*. Санкт-Петербург, 1717.
3. *Книга Морской инженер, то есть Теория и практика о укреплении напольныхъ и приморскихъ мест : для учащихся сему издал Николай Курганов*. Санкт-Петербург, 1777.
4. *Материалы для истории русского флота*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1865.
5. *Материалы для истории русского флота*. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1865.
6. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*. Т. 24. Санкт-Петербург, 1830.
7. *Прибавление к № 45 Санкт-Петербургских ведомостей*. Во вторник июня 4 дня 1790 года. Санкт-Петербург, 1790.
8. «*Юрнал*» вице-адмирала Я. С. Барша. Ч. 1 : 1707–1725 / публ. В. Г. Геймана // Сборник Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 2. Ленинград, 1954. С. 7–74.
9. «*Юрнал*» вице-адмирала Я. С. Барша. Ч. 3 : 1741–1755 / публ. В. И. Пишвановой // Труды Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 1 (4). Ленинград, 1957. С. 7–117.
10. *Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden*. Bd. 6. Mannheim ; Wien ; Zürich, 1981.
11. *The Elements of Navigation; Containing the Theory and Practice* / by J. Robertson. Vol. 2. London, 1754.
12. *The Oxford English Dictionary. Second Edition* / prepared by J. A. Simson and E. S. C. Weiner. Vol. 16. Soot-Styx. Oxford, 1989.
13. *Van Dale's nieuw groot woordenboek der Nederlandsche taal* / bewerkt door Dr. C. Kruyskamp en Dr. F. De Tollenaere. S'-Gravenhage, 1950.

Г. Ю. СМЕРНОВА ©

Гильдия драматургов Санкт-Петербурга, Россия
smiga58@list.ru

КВАНТИТАТИВНОСТЬ ПОЛОВИНЫ (О НЕКОТОРЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ С КОМПОНЕНТОМ ПОЛ-/ПОЛУ- В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

В статье рассматриваются изменения в семантике образований с *пол-/полу-* от значения математической половины (1/2) в названиях мер Московского государства до значения неопределенной количественности, нередко переходящей к значению качественности. Отмечена продуктивность образований в современном языке. Показана неудовлетворительность дефиниций в словарях. Замечено, что современное восприятие носителей языка зачастую склоняется к семантике математической половины, что может приводить как к речевым ошибкам, так и к текстовым ляпсусам.

Ключевые слова: квантитативность, половина, полу-, пол-, композиты.

Smirnova Galina Yurievna, Guild of playwrights of St. Petersburg
smiga58@list.ru

The quantity of half (some formations with a component пол-/полу- in the diachronic aspect)

The article discusses changes in the semantics of formations with *пол-/полу-*. Mathematical concept of half (1/2) in the names of the measures of the Moscow state changes to indefinite quantification, often passing to quality. The productivity of formations in the

modern language is noted. The unsatisfactoriness of definitions in dictionaries is shown. It is noted that the modern perception of native speakers inclines to the semantics of the mathematical $1/2$, which can lead to both speech errors and textual lapses.

Keywords: quantitative, half, semi-, composites.

В Московском государстве было принято в обращение большое и многообразное количество мер длины, объема, веса. За меру обычно брался некий эталон. Наряду с названиями «полных» мер существовали для удобства расчетов и «полумеры» – образования с компонентом *пол-/полу-*: *полбарана, полборова, полбатмана, полбезмена, полверевки, полдолони, полбобра, полгорностая* и пр. Кроме того, необходимость в расчетах приводит и к образованию слов-мер с компонентом *пол-/полу-* для измерения дискретного количества: *полвоза, полкопны, пол-лодки, полмельницы, полподводы*. Равность долей (т. е. половина) двух количеств в этих случаях условная, математическая погрешность в определении половины явно присутствовала. А вот строгая количественность сохранялась в расчете – при переводе в денежный эквивалент.

Для обозначения размера половины от чего бы то ни было употребляется наречие *вполю*. Чаще всего это также связано с денежными расчетами. Заметим, что если некоторая сумма должна быть увеличена, то используется наречие *вдвое* [4].

В дальнейшем с унификацией мер многие мерные единицы уходят из употребления. Однако компонент *пол* оказывается очень продуктивным в словообразовании, но математическая строгость половины пропадает. *Пол-/полу-* может указывать, например, на:

- долю приблизительную, близкую к половине, в названиях тканей (т. е. на наличие инородной нити): *полуаксамит, полуатлас, полгранат* ;
- недостаточность свойства: *полуперец* (не такой жгучий);
- не доходящий по своим размерам до общепринятого в сознании образец, обозначающий что-то небольшое: *полузалив, полугора, полулавка, полуовраг, полупроток, полкалиты*.

Можно сказать, что понятие половины в этих примерах теряет свою количественность. Наблюдается переход к качественности.

И в дальнейшем в современном русском языке образования с компонентами *пол-/полу-* остаются продуктивны. Больше всего таких образований от прилагательных. Но также немало и существительных, причем называющих отвлеченные или абстрактные понятия: *полумгла, полудрема, полуявь* и пр. Меньше всего глаголов: *полуобнять, полудрекать, полуспать*. Очевидно, уникальным является *полуплакать* в стихотворении В. Кочеткова «Баллада о прокуренном вагоне»: *Он полуплакал, полуспал* [2].

Нередко (согласно данным Национального корпуса русского языка) можно встретить у авторов что-то вроде композитов: *полусон-полуявь, полуявь-полудрёма, полувопросительно-полуутвердительно, полусидя-полулежа, полушутя-полусерьёз, полуявь-полубред*. Похоже, авторы ищут, нащупывают вторую половину, чтобы двумя словами с компонентами *пол-/полу-* обозначить единое действие или состояние. Однако чувство «половинности» (или недостаточности, дольности), ощущаемое носителями языка, в частности литераторами, может сыграть шутку, если пренебречь семантикой и ориентироваться только на компонент *пол-*. Так, в стихотворении Евг. Евтушенко читаем:

И море – всем топотом, и ветви – всем ропотом,
И всем своим опытом – пес на цепи,
а я тебе – *шёпотом*, потом – *полушёпотом*,
Потом – уже *молча*: «Любимая, спи...»

(Е. А. Евтушенко. Любимая, спи : «Соленые брызги блестят на заборе...» (1964) [2].)

По замыслу поэта здесь должна быть нисходящая градация (*шёпотом – полушёпотом – молча*). Она, вероятно, воспринимается носителями языка и поклонниками поэта именно так, тем не менее *полушёпот* по определению громче *шёпота* [6].

Словари указывают в дефинициях неполноту или недостаточную степень явления или состояния подобных слов. Обычно толкуют это через наречные *почти, не совсем, слегка, наполовину* (!). Однако с какой степенью точности дефиниции развести следующие слова, в какой степени неполноты представлен этот признак, например, в словах *дрёма* и *полудрёма*? *дуга* и *полудуга*?

На наш взгляд, семантически совпали астрономы *месяц* и *полумесяц*, хотя в последние два-три десятилетия слова стали расходиться в своем значении. Слово *полумесяц* (по данным НКРЯ) перестает употребляться в зна-

чении «луна на ущербе», а связывается с мусульманским символом: слово употребляется в текстах обычно при описании мусульманских стран или символики государственного флага или религии.

Образование с *пол-/полу-*, их размытая квантитативность, а также само слово *половина*, очевидно, приводят и к таким речевым образованиям (сейчас уже и в качестве юмористического приема), как *неравные половины*, *большая половина*, *третья половина*: «Нас привели в Риме к какому-то подвалу, где продавали два полуеврея, полуцыгана, полуитальянца». А. Ширвиндт. Театр + TV, 19.03.2006; «Мой приятель художник Шер говорил: – Я наполовину русский, наполовину – украинец, наполовину – поляк и наполовину – еврей... Вот какой был уникальный человек! Из четырех половин состоял» [1].

Итак, компонент *пол-/полу-* оказался очень продуктивным в словообразовании на протяжении длительного времени и вплоть до современного состояния (например, в номинации одного театрального конкурса: *мэтры* и *полумэтры*). Квантитативность половины сохраняется в названиях мер. В дальнейшем образования с *пол-/полу-* утрачивают в семантике математическую строгость, их значение тяготеет к семантике качества. Однако современные носители языка под влиянием математического знания часто поддерживают «половинность» в семантике путем создания композитов типа *полусон-полуявь* либо посредством языковой игры.

Список литературы

1. *Малоизвестный* Довлатов : сборник. URL: https://www.phantastike.com/prose/dovlatov_c/html/?page=6. Текст : электронный.
2. *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru>. Текст : электронный.
3. *Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в. : по памятникам письменности Смоленского края*. Смоленск, 2000.
4. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков*. Вып. 3. Санкт-Петербург, 2010.
5. *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 16. Москва, 1990.
6. *Словарь русского языка* : в 4 т. Москва, 1985–1988.

Г. И. ШИПУЛИНА ©

Бакинский славянский университет, Азербайджан
shipulina39@gmail.com

ИСТОРИЯ РУССКОГО БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Широкая распространенность русских безличных предложений (имперсонала) как важнейшего семантического признака русской языковой картины мира определяется языковыми факторами: остатками активного строя индо-европейского языка и синтетическим способом выражения грамматического значения. В основе сообщения лежит монография Е. В. Зарецкого «Безличные конструкции в русском языке» (2008), попытавшегося, на огромном лингвистическом материале индо-европейского и ряда других языков, поставить вопрос о взаимосвязи мышления с имперсоналом: агенс, деятель устранен из позиции подлежащего, а внимание сосредоточено на совершаемом им действии.

Ключевые слова: безличное предложение, генезис имперсонала, метеорологические и аффективные безличные конструкции, датив-экспериенсер, аккузатив-пациенс, финно-угорский субстрат.

Shipulina Galina Ivanovna, Baki slavyan University, Azerbaydjan
shipulina39@gmail.com

History of the Russian impersonal sentence

The wide prevalence of Russian impersonal sentences (impersonal) as the most important semantic feature of the Russian YAKM is determined by linguistic factors: the remnants of the active system of the i-e proto-language and the synthetic way of expressing the grammatical meaning. The message is based on the monograph by E. V. Zaretsky "Impersonal constructions in the Russian language" (2008), who tried, on the huge linguistic material of i-e and a number of other languages, to raise the question of the relationship of thinking with the person: agence, the actor is eliminated from the position of the subject, and attention is focused on the action performed by him.

Keywords: impersonal sentence, genesis of the impersonal, meteorological and affective impersonal constructions, dative-experienser, accusative-pacienс, Finno-Ugric substrate.

Несмотря на огромную, более чем 400-летнюю историю изучения безличных предложений (далее – БП) в русском языке, они и сейчас принадлежат к наименее исследованным феноменам не только русского и индоевропейского (далее – и-е) языков, но и языков вообще: единичны крупные обобщающие работы по этой теме, по-разному определяются имперсонал и возможные способы его выражения в языках разных типов и т. д. Определение Е. М. Галкиной-Федорук гласит: «БП – это бесподлежащая конструкция с одним главным членом – сказуемым, в форме которого не выражено значение лица и нет указания на него в данном контексте» [3, с. 123].

Безличные конструкции (далее – БК), возникшие в глубокой древности, предположительно в и-е языке, не только не утрачивают своей продуктивности в русском языке, но и продолжают развиваться, часто вытесняя личные предложения, что «вполне согласуется с общим направлением эволюции русского синтаксиса, отражающего рост и всё более широкое распространение всех типов БП, представляющих события не полностью постижимыми» [7, с. 176]. История языка показывает, что с развитием современного мышления несогласованные конструкции прочно входят в язык, подвергаясь систематизации и нормализации и обогащаясь новыми разновидностями, что позволяет говорить о своего рода синтаксическом классе несогласованности, в котором современный русский носитель языка выражает ситуации, возникшие помимо его воли и без его сознательного участия.

Новейшая лингвистика отмечает расширение сферы употребления имперсонала и в постсоветский период – активное отношение к жизни, прагматизм и антифатализм социологически опровергают приписываемую русским иррациональность, мифологизированность сознания. Конечно, из-за древности БК их нельзя считать отражением современного русского менталитета – строй языка непосредственно не отражает осознания явлений действительности: о недопустимости видеть прямую связь между языковыми средствами выражения и уровнем (стадией) мышления говорящего на данном языке народа писал полвека назад Б. А. Серебренников [14, с. 303]; но в современном русском языке, благодаря его консерватизму, БК сохраняют элементы грамматического строя и-е языка (род; остатки двойственного числа; вид; свободный порядок слов; нерегулярное место ударения в слове, отсутствие артиклей и др.).

Многие ученые видят в имперсонале абстрактность мышления: «Появление безличных конструкций – это результат развития абстрактного мышления, поскольку в них налицо отвлечение от конкретного деятеля, вызывающего или производящего определенное действие» [2]. Для имперсонала характерно оформление субъекта не одним падежом, как в номинативном строе, а различными в зависимости от его семантической макророли (датель-экспериментер: комбинация активной включенности умственной деятельности субъекта под воздействием внешней причины; аккузатив-пациент: использование БК вместо личной для выражения неопределенности имени) – хотя статус конструкций с дательными и аккузативными субъектами как безличных у некоторых ученых вызывает сомнения.

Обобщающих исследований для связи истории БК с какими-то эволюционными процессами в развитии мышления не существует. На ранних этапах исследований остатки мифологического мировоззрения индоевропейцев в синтетических языках довольно часто видели в окончаниях 3 л. ед. ч. ср. р. для обозначения в и-е языке отсутствия активного одушевленного деятеля. При глаголах в этой форме субъекты, если и были, стояли в дательном или аккузативе; конструкции, не требовавшие дательных и аккузативных субъектов, в большинстве своем сохранились до сих пор, остальные исчезли, не вписавшись в новый порядок слов: подлежащее (ном.) > сказуемое > дополнение (акк.); конструкции, не зависевшие от разграничения субъекта и объекта, сохранились (обозначение погодных явлений типа *Morosit*), что противоречит англосаксонскому тезису о смене иррационального типа мышления рациональным, связанной с исчезновением имперсонала [6].

Говоря о многочисленности БК в русском языке, отметим его уникальность в плане отнесенности к синтетическому строю: альтернативная маркировка субъекта определяется развитостью падежной системы. Синтетичность русского языка в сочетании с его распространенностью – феномен единственный для и-е языков: русский сам развил основные типы БП, а какую-то часть их сохранил от предыдущего языкового строя, отчасти переосмыслив и развив.

Русский язык относится к флективным языкам с чертами аналитизма; по некоторым характеристикам он удалился от остальных и-е языков в сторону большего синтетизма (в немецком языке 8 глагольных префиксов, менее 50 суффиксов существительных и 9 суффиксов прилагательных, в русском – 23 префикса, около 100 и 30 суффиксов соответственно; в английском же для всех частей речи около 100 аффиксов – столько их в рус-

ском только для существительных [8]; т. е. в историческом плане отклонением от нормы является не русский, а английский язык, который, как пиджины и креольские языки, пользуется преимущественно личными конструкциями [6].

И-е происхождение модальных дативных конструкций однозначно признается для славянских языков [1, с. 121–129]; в частности, русский сохраняет многочисленные функции широко использовавшегося в древних и-е языках датива (датив пригодности/непригодности, выгоды/невыгоды; датив, выражающий цель действия; принадлежность, состояние, направление и пр.). Разрабатывается также версия, что слова категории состояния (природы или среды, физико-психического состояния человека, оценки действия) возникли уже в русском по аналогии с исчезнувшими более древними (отмечается, что самые важные слова категории состояния – *можно, надо, надобно, нужно* – не имеют общих и-е корней с другими языками) [1, с. 121–129; 9, с. 371–372; 12].

Генезис имперсонала принадлежит к не решенным до конца вопросам, несмотря на то, что большинство исследователей исходит из и-е происхождения БП, в частности русского языка, засвидетельствованных в самых древних памятниках славянской письменности. И хотя об и-е происхождении имперсонала написано достаточно много и доказательства типологов весьма убедительны, установить что-либо с абсолютной точностью не представляется возможным по двум причинам: а) на и-е языке не существует никаких записей, а сам он – лишь реконструкция XIX в., правильность которой нельзя ни доказать, ни опровергнуть; б) методы реконструкции и-е синтаксиса принято считать наименее надежными: трудно или невозможно отличить грамматические формы, действительно общие у разных языков на более ранней стадии, от образовавшихся независимо друг от друга и обладающих некоторым сходством из-за типологической близости языков и общих для всех людей законов логики.

Наиболее древними БК считаются «метеорологические» (*verba meteorologica: морозит, светает, вечереет*); как бессубъектные глаголы их интерпретируют А. А. Потебня и Д. Н. Овсянко-Куликовский [цит. по: 3, с. 69–74; 75–79]. Академическая «Грамматика русского языка» [5] определяет их как глаголы, называющие действия, протекающие сами по себе, без производителя.

Вторыми, после метеорологических, считаются аффективные конструкции «телесных или душевных желаний, или состояний», хотя сам А. А. Шахматов именно их относил к первичным, считая, что в и-е языке безличные формы глагола употреблялись для выражения физических и нравственных переживаний, но не для обозначения явлений природы [цит. по: 3, с. 86]. На интересную особенность слов категории состояния обратили внимание А. Л. Зеленецкий и П. Ф. Монахов: **русские** слова данного типа встречаются обычно в БК, **немецкие** – изредка в безличных, но чаще в личных; в **английском** подобные предикативы вовсе исчезли, что говорит о его большей номинативности [8, с. 156]. Они же отмечали, что в русском языке вероятность употребления БК особенно велика, если речь идет о глаголе состояния (*жить, нуждаться, стоять, любить, хотеть, видеть* и т. п.) в сочетании с дативным/аккузативным экспериментером – участником, воспринимающим, мыслящим, испытывающим какое-либо физиологическое ощущение). Ситуации, связанные с внутренним миром человека, состояния и реакции, обусловленные воздействием внешних стимулов, работой сознания или физиологическими процессами, определяются экспериментальными глаголами: глаголами восприятия (*вслушаться*), мышления (*знать*), эмоций (*огорчить*), физиологических ощущений (*болеть*). Все косвенные падежи субъекта (датив, аккузатив, бенефициант) при глаголах состояния используются, если описываются неконтролируемые события, или агентивность/волитивность субъекта низка или на него направлено выражаемое сказуемым действие: когда человеку что-то кажется, слышится или видится, его агентивность/волитивность практически равны нулю, тогда употребление имперсонала здесь вполне объяснимо [8, с. 155].

Наличие остатков «метеорологических» и аффективных БК в современных и-е языках – одно из наиболее важных доказательств активного строя их далекого предка. Возможно, именно активным строем и-е языка объясняется возникновение в русском языке конструкций типа *Его убило молнией*. Г. А. Климов отмечает, что в активных языках позицию подлежащего могут занимать только имена активного класса, а инактивные в лучшем случае выступают орудным дополнением (как слово *молнией*). Невозможность использования на месте *молнией* существительных с одушевленными денотатами могла бы подразумевать воздействие на человека какой-то тайной силы вместо акцентирования самого действия [10, с. 150]. Правда, Гамкрелидзе и Иванов [4, с. 791–792] причисляют и-е эквивалент слова *молния* к активному классу, как и сам Климов в отношении слова *сверкать* (о молнии), хотя другие исследователи [12, с. 33] относят «метеорологические» конструкции к неволитивным – так что данный вопрос пока тоже остается открытым.

Каких-либо устойчивых мифологических ассоциаций определенных богов с явлениями природы нет – одни и те же боги у разных народов отвечали за различные явления. Считается, что истинная причина возникновения таких конструкций в и-е языке тоже остается неизвестной. По мнению многих ученых, в и-е языке в инструменталисе употреблялись сначала только неодушевленные существительные, но со временем, по аналогии, инструменталис переходит и на одушевленные денотаты.

Итак, нет никаких оснований привязывать черты менталитета или уровень эволюционно-цивилизационного развития к определенному грамматическому строю, а также к степени его сохранности по сравнению с другими родственными языками. Изучение наиболее древних засвидетельствованных языков показывает, что они в такой же мере совершенны и не менее сложны, чем языки современные; можно лишь догадываться, что именно обусловило переход от аналитических конструкций к синтетическим, а затем обратно.

В распространении БК в русском языке определенную роль мог сыграть финно-угорский субстрат: генетическое родство русских с финно-угорскими народами подтверждено многими археологическими и диалектологическими экспедициями: наиболее интенсивная фаза смешения относится к XI–XIII вв. [13].

В заключение приведем, в сокращении, мнение В. В. Колесова в связи с культурологическими механизмами расширения сферы употребления русского имперсонала: «Верно, что рост БК в русском языке отражает некие особенности русской ментальности (“и вообще русской культуры”). <...> БП реалистично представляет то, что в действительности само по себе нереально; признак отвлечен и от вещи, и от говорящего. Это характерно для русского реалиста: не в субстанции мира и не в мысли субъекта, а в слове рождается новое знание и новые формы познания. <...> Семантически безличные не являются односоставными, в них субъект представлен, но как объект – объективно, как бы со стороны, в форме дат. падежа: *Ему не спится*. <...> С точки зрения ментальности русские односоставные предложения выражают “фигуру умолчания”, устранения из мысли несущественного, неясного или неизвестного. <...> Безличные уточняют оценку качеств и меру истинности уже полученного знания. В системе высказываний постоянно воссоздается, непременно учитываясь, мера объективности и неизбежности действия, а нехарактерное для русской ментальности выпячивание субъекта в этом процессе замещается “субъективностью” идеи. Говоря об этом, профессор З. К. Тарланов подчеркнул, что перед нами возникает, постоянно развиваясь, “этнически детерминированный тип предложений... одно из природных свойств русского языка как важнейшей формы народного мировосприятия”, согласно которому мысль “состоит в расчлененном, дифференцированном, нередко приблизительном и завуалированном представлении субъектного начала предложения”. В этом ответ критикам русской ментальности – к настоящему времени русский язык “далеко ушел вперед по сравнению со всеми другими и-е языками”» [11, с. 222–224].

Список литературы

1. Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков : типы простого предложения. Москва : Наука, 1968. С. 121–129.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Москва : Агар, 2000.
3. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. Москва : МГУ, 1958.
4. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Тбилиси : Тбил. ун-т, 1984.
5. Грамматика русского языка. Т. 2. Москва : АН СССР, 1954.
6. Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке : культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) : монография. Астрахань : Астраханский ун-т, 2008. 564 с.
7. Захарова М. В. Безличные предложения в культурологическом аспекте // Сопоставительная филология и полилингвизм : сб. науч. тр. Казань, 2003.
8. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков / А. Л. Зеленецкий, П. Ф. Монахов. Москва : Просвещение, 1983.
9. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Москва : Просвещение, 1983.
10. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. Москва : Наука, 1983.
11. Колесов В. В. Язык и ментальность. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2004.
12. Леман У. Имперсональные глаголы как пережитки подкласса в доиндоевропейском // Историческая лингвистика и типология / под ред. Г. А. Климова. Москва, 1991.

13. *Русские* / отв. ред. В. А. Александров и др. Москва : Наука, 1997. Ч. 1. Гл. 1. Образование русской историко-этнической территории и государственности.
14. *Серебрянников Б. А.* Общее языкознание. Москва : Наука, 1970.

И. В. НЕЧАЕВА ©

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
inechaeva@mail.ru

НАСЛЕДИЕ Я. К. ГРОТА И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОПИСАНИЯ В ОБЛАСТИ БУКВЕННОГО РЕГИСТРА

В статье речь идет о принципах регламентации употребления прописной буквы (графемы) в выделительной функции, намеченных в работах Я. К. Грота. Это принцип экономии, маркирование по принадлежности к именам собственным, выделение первого слова в многокомпонентных наименованиях, особый статус правил правописания в данной области. На современном языковом материале показано как действие этих принципов, так и необходимость их уточнения и дополнения новыми установлениями в ряде случаев.

Ключевые слова: орфография, норма, прописная буква, имя собственное, родовое наименование.

Nechaeva Iya Veniaminovna, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
inechaeva@mail.ru

Heritage of Ya. K. Grot and regulation of spelling in the area of letter case

The article deals with the principles of regulation of the use of a capital letter (grapheme) in the highlight function outlined in the works of Ya. K. Grot. This is the principle of economy, marking by belonging to proper names, highlighting the first word in multi-component names, a special status of spelling rules in this area. Using modern linguistic material, both the operation of these principles and the need to clarify and supplement them with new regulations in a number of cases are shown.

Keywords: spelling, norm, capital letter, proper name, generic name.

Как мы знаем, Я. К. Грот заложил основы регламентации русского правописания во всех основных аспектах. В фокусе нашего внимания – вопросы буквенного регистра, т. е. использования на письме прописной графемы. Речь пойдет о выделительной функции прописной (об употреблении ее независимо от положения слова в тексте), поскольку действие позиционной функции более или менее очевидно. В работах Я. К. Грота эти функции не разделены, но относительно каждой из них приводятся обоснованные рекомендации. По его словам, «большие буквы составляют, собственно говоря, роскошь письма» [1, с. 87], что свидетельствует об особом, в понимании Грота, кодифицирующем статусе правил в данной области. И надо сказать, что основные гротовские принципы в этой области не опровергнуты до сих пор, это:

1) принцип экономии, или принцип «не расточать больших букв» [2, с. 360], но не столько для того, чтобы избежать «пестроты» печатного текста, а исходя из «логических оснований». При этом отмечается и полезность прописной в тексте, поскольку «большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при пересмотре прочитанного дают глазу точки опоры, облегчают ему отыскание нужного» [2, с. 359].

2) из принципа экономии вытекает второй принцип, который, по Гроту, «справедливо признать за общее правило»: маркированию с помощью прописной подлежат только слова, служащие собственным именем, но не «в тесном смысле» только, а в более широком, включающем имена лиц, учреждений, дней и эпох, книг и рукописей, и др.;

3) что касается многокомпонентных названий, то в большинстве случаев в них выделяется прописной графемой только первое слово (плюс входящие в название собственные имена), поскольку «писать с большой буквы первое слово проще всего и определительнее» [2, с. 361];

4) прилагательные, образованные от имени собственного, пишутся с прописной только тогда, когда сами являются собственными именами;

5) принципиальное общее положение: «относительно употребления больших букв установить совершенно точные правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется решать такту и здравому смыслу»

[2, с. 359]; «Правилам об употреблении больших букв не следует придавать слишком много значения, тем более что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи» [1, с. 87–88].

В современной орфографии перечисленные принципы воспринимаются почти аксиоматично, за исключением последнего. Так, нормализаторы советского периода держались принципа императивности орфографической нормы во всех сферах, в том числе и в сфере регистровых различий. Например, в «Правилах...» 1956 г. безальтернативно утверждается, что «индивидуальные названия людей, употребляющиеся в презрительном смысле как родовое явление, пишутся со строчной буквы, напр. *азефы, квислинги*» [3, с. 54]. При этом здесь же говорится, что «если... названия людей лишь употребляются в нарицательном смысле, но не превратились в имена нарицательные, то они пишутся с прописной буквы, например: *Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать*» [3, с. 54]. Почему первые считаются уже перешедшими в нарицательные, а вторые нет, остается загадкой. Ясно, что и то и другое – переходные явления, не подлежащие строгой нормализации. Но в «Правилах-56» данная норма столь же категорична, как и другие. К сожалению, такой императивный подход дожил до наших дней.

Почему в подсистеме собственных имен и наименований полная орфографическая унификация невозможна и почему «не следует придавать ей слишком много значения»? Существует несколько факторов. Прежде всего, прописная графема не передает фонетического содержания, как большинство орфограмм основной системы, а лишь способствует визуальному выделению слова или фрагмента текста. Кроме того, не всегда определяется четкая граница между онимом и апеллятивом, напротив, в ряде случаев существует ряд постепенных переходов. Ряд выполняемых прописной графемой функций, таких как функции десемантизации, индивидуализации, идентификации объекта и оценочности, имеют ограниченное действие [4, с. 146–155]. Вследствие чего норма регистровых выделений имеет большую степень условности, чем другие орфографические нормы.

Но вернемся к принципам Грота, принятым нормативной орфографией. Как известно, дьявол в деталях, и современная языковая система предоставляет нам обширный материал, для регламентации которого недостаточно рекомендаций, данных в трудах академика Грота в конце XIX в.

Возьмем третий принцип, касающийся поликомпонентных наименований. Грот пишет: «Относительно названий, состоящих из нескольких слов, возникает вопрос: все ли эти слова писать с большой буквы или только главное из них? Держась принятого принципа не расточать больших букв, следует начинать такую буквою только первое слово подобных названий, напр. *Государственный совет, Академия наук, Преображенский полк, Тульская губерния, Министерство внутренних дел, Зимний дворец, Сенная площадь, Каменный мост, Страстная неделя*» [2; с. 360]. А как быть с такими названиями, как *движение Сопротивления (Движение сопротивления?)*, *восстание Спартака (Восстание Спартака?)*, *премия «Оскар» («Премия Оскар»?)*, *статуя Свободы (Статуя Свободы, Статуя свободы?)*, *война Севера и Юга (Война Севера и Юга?)* и т. п.? Какое слово здесь считать «главным» и всегда ли оно стоит на первом месте? (Стоит отметить, что, к примеру, в словаре-справочнике Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?» слово *война* в препозиции к собственно названию пишется со строчной буквы, а в «Русском орфографическом словаре» – с прописной).

Мы видим, что многообразие поликомпонентных названий связано с их структурными различиями и с наличием или отсутствием в их составе родового наименования – нарицательного идентификатора (по Гроту, это – «существительное, означающее вид, к которому принадлежит предмет»). Встречаются три основных типа поликомпонентных номинаций: а) адъективные, б) генитивные, в) аппозитивные. Таким образом, апеллятивный идентификатор находится либо в постпозиции, либо в препозиции к собственно названию:

а) адъективные словосочетания, родовый термин в постпозиции: *Савойская династия, Викторианская эпоха, Нюрнбергский процесс, Лейбористская партия, Пушкинская премия, Супрасльская рукопись, Ростральные колонны* и др. Здесь орфографической проблемы обычно не возникает, поскольку нарицательное слово стоит не на первом месте;

б) генитивные словосочетания, родовый термин в препозиции: *династия Рюриковичей, дело Дрейфуса (Дело Дрейфуса?)*; *«Партия Разума» («Партия разума», партия Разума?)*, *Библиотека Конгресса (библиотека Конгресса?)*, *дом Павлова (Дом Павлова?)*, *колонна Победы (Колонна Победы?)*, *форум Траяна (Форум Траяна)* и др. Эта группа названий в узусе дает много вариантов;

в) аппозитивные словосочетания, родовый термин в препозиции: *династия Сун, эпоха Хань, премия «Букер», галерея Альбертина (Галерея Альбертина?)*, *фестиваль (Фестиваль?) искусств «Русская зима», выставочный (Выставочный?) зал «Измайлово»* и др.

Следовательно, необходимо уточнение правописных рекомендаций, основанное на современном материале с учетом структурных особенностей номинаций. Следует подчеркнуть, что во многих случаях это именно рекомендации, а не категорический императив.

Существуют и другие категории названий, в том числе употребляющиеся без родового наименования. Это, например, разновидности онимических понятий (*северное (Северное?) Возрождение, летняя (Летняя) Олимпиада*); транскрибированные иноязычные названия, представляющие собой цельные неперебиваемые образования («*Шинн Фейн*» (партия в Ирландии), «*Глория Джинс*», «*Дженерал Моторс*», «*Джонсон энд Джонсон*» (названия компаний), а также «*Мулен Руж*», «*Ковент-Гарден*», «*Модерн Токинг*», «*Пинк Флойд*» и т. д.). В условиях отсутствия русской письменной стандартизации подобных номинаций логично будет отобразить орфографию языка-источника в отношении прописной графемы при допустимой вариантности.

Теперь вернемся к положению о том, что маркированию с помощью прописной подлежат только собственные имена, хотя и не «в тесном смысле слова». И здесь действует ряд факторов, в частности факторы переходности и дискурса.

Если взять классификацию собственных имен по понятийной соотнесенности, принятую в кодифицирующих источниках, то во многих группах номинаций, помимо бесспорных собственных имен, есть названия, статус которых неочевиден. Например, названия исторических периодов и эпох, такие как *Петровская эпоха, Викторианская эпоха*, устойчиво пишутся с прописной; этого не скажешь о названиях *брежневская эпоха, сталинская эпоха, допетровская эпоха, догорбачевский период*, испытывающих узуальные колебания. Это переходные явления: названия еще не воспринимаются устойчиво как собственные имена, что отражается в орфографии. Другие примеры – из группы политической лексики: названия межгосударственных объединений пишутся с прописной (*Шанхайская организация сотрудничества, Европейский союз* и др.); а как писать «*большая семерка*» («*Большая семерка?*»), «*большая двадцатка*» и т. п.? В узусе мы наблюдаем разнообразие вариантов.

Второй фактор, имеющий влияние на орфографию, – фактор дискурса, прежде всего официального ~ неофициального. Одни и те же названия в разных контекстах пишутся по-разному. Это касается названий высших должностей и званий (*президент, премьер-министр, патриарх, папа римский*), органов государственного управления (*госсовет, госдеп, минфин, бундестаг, скупщина*), которые выделяются в текстах официальных документов и не выделяются в бытовом употреблении. Случай иного рода – имена персонажей художественных произведений, которые приобрели статус культурного артефакта, такие как *Гадкий утенок, Принцесса на горошине, Спящая красавица, Маленькая разбойница* и т. п., которые могут не выделяться с помощью прописных букв в исходном литературном произведении, но выделяются в текстах иного дискурса [5, с. 47].

Таким образом, в подсистеме собственных имен и наименований определяется довольно обширная зона орфографической неоднозначности. Разумеется, узуальная вариативность не равна нормативной вариативности, и не все встречающиеся разнонаписания следует считать нормой. Эти колебания – диагностический симптом того, что норма еще не установилась. В тех же случаях, когда вариативность связана с каким-либо лингвистическим фактором, когда она чем-либо «нагружена», можно говорить о вариантах нормы [6, с. 15]. Разумеется, существует и императивная норма – в бесспорных случаях, которые и в области употребления прописной графемы никто не подвергает сомнению.

Список литературы

1. Грот Я. К. Русское правописание. 7-е изд. Санкт-Петербург, 1888.
2. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Санкт-Петербург, 1876.
3. Правила русской орфографии и пунктуации. Москва, 1956.
4. Нечаева И. В. Прописная графема и ее функции в современном письме // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 143–161.
5. Нечаева И. В. Синяя борода и Мальчик-с-пальчик, или Проблема орфографического оформления неоднословных индивидуальных наименований // Русская речь. 2020. № 6. С. 40–53.
6. Шмелев А. Д. Кодификация орфографических норм: общие принципы и подводные камни // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 11–24.

ОТГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ БОРБУШИНО (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ, СВЯЗАННЫХ СО СФЕРОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

В статье рассматриваются особенности отглагольного словообразования в говоре деревни Борбушино, находящейся в Вологодской области, на примере глаголов, входящих в лексико-семантическую зону 'трудовая деятельность'. Также в статье приводятся примеры формирующихся в этой лексико-семантической зоне словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: диалектное словообразование, отглагольное словообразование, вологодские говоры, деревня Борбушино.

Kolesova Irina Evgenievna, Vologda Regional Universal Scientific Library named after I. V. Babushkin, Russia
wgunis@mail.ru

Verbal word formation in the dialect of the village of Borbushino (using the example of verbs related to the sphere of labor activity)

The article discusses the features of verbal word formation in the dialect of the village of Borbushino, located in the Vologda region, using the example of verbs included in the lexical and semantic zone 'work activity'. The article also provides examples of word-formation nests formed in this lexico-semantic zone.

Keywords: dialect word formation, verbal word formation, Vologda dialects, Borbushino village.

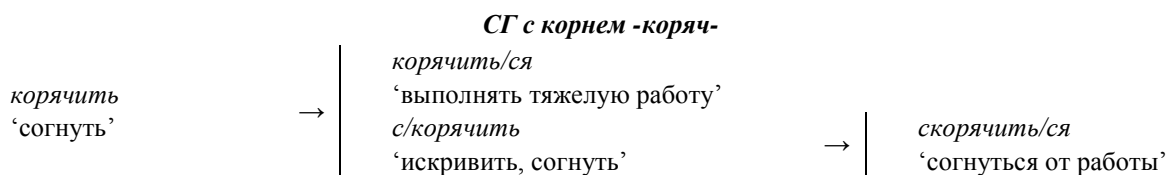
На протяжении последних тридцати лет деревня Борбушино Кирилловского района Вологодской области регулярно выступала базой для проведения диалектической практики студентов-филологов Вологодского государственного педагогического института (в настоящее время Вологодский государственный университет), за это время был собран значительный объем данных об этом деревенском говоре, в том числе о его словообразовательной системе, в частности об отглагольном словообразовании.

В целом, как показали исследования, проведенные вологодскими учеными, говор д. Борбушино реализует практически все специфические черты, характерные для диалектной словообразовательной системы в целом: в нем дольше сохраняются исторические производящие для многих общерусских слов, активно реализуются общерусские тенденции словообразования разговорной речи, широко представлено структурное и семантическое варьирование производного слова [4]. Описание этих процессов в данном исследовании локализуется в опыте репрезентации отглагольных словообразовательных гнезд, лексический состав и структура которых были уточнены в диалектологических экспедициях конца 1990-х и в начале 2000-х гг. под руководством Е. Н. Шабровой (подробнее об этом см.: [1; 3]). Более подробно с борбушинским говором можно познакомиться в монографии, подготовленной по итогам экспедиций вологодскими исследователями [2].

Объем данной статьи ограничен, поэтому мы остановимся только на небольшом фрагменте словообразовательной системы борбушинского говора: лексико-семантической зоне, в которую входят словообразовательные гнезда (СГ), формирующиеся на базе глаголов, семантика которых связана с различными аспектами трудовой деятельности, и приведем в качестве примера только некоторые из данных словообразовательных гнезд. Это наиболее объемная из всех семантических групп, зафиксированных в говоре д. Борбушино, что вполне объяснимо, поскольку разнообразный труд всегда занимал огромное место в жизни крестьянина и в его языковом сознании.

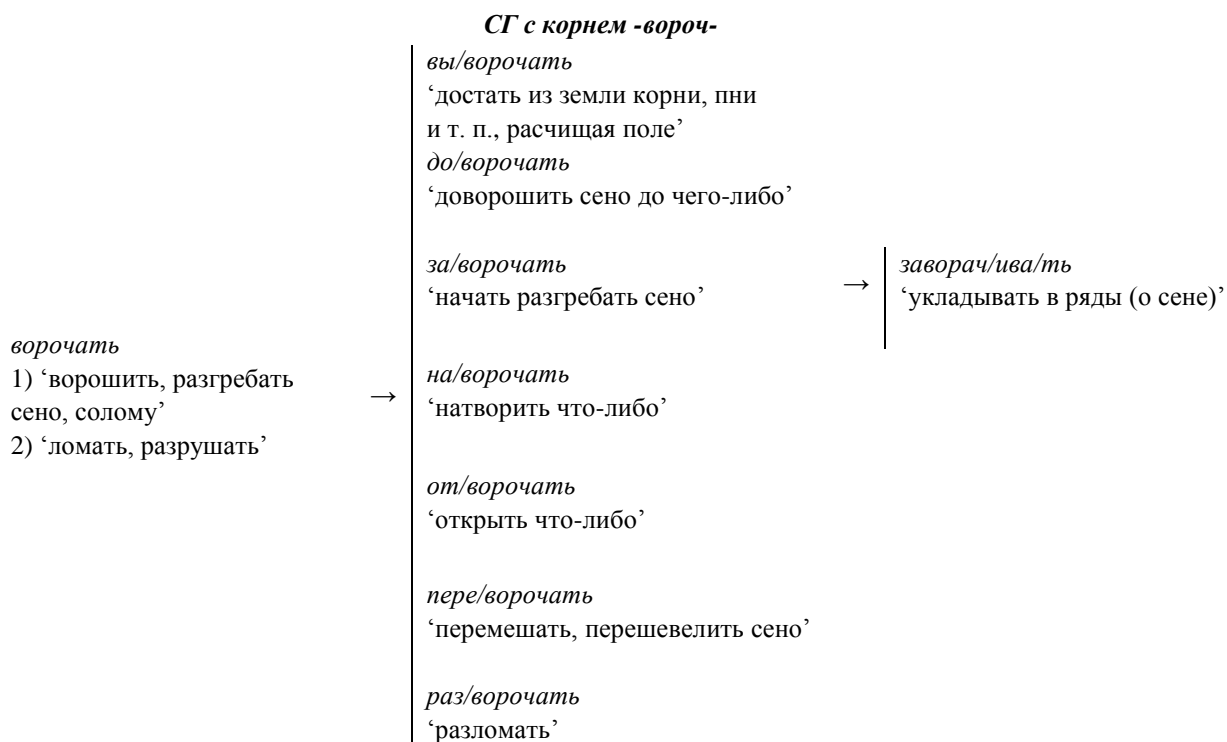
В нашем исследовании мы не выделяем отдельно для подробного рассмотрения группы лексем, связанных с конкретными ремеслами или называющих процесс труда в целом, поскольку для нас в данном случае первично не лексическое значение лексем, а их словообразовательные связи. Словообразовательные модели, реализующиеся в рассматриваемых словообразовательных гнездах, достаточно универсальны, а поскольку речь идет о говоре одной деревни, то количество словообразовательных гнезд, соотносящихся с тем или иным конкретным ремеслом, невелико, но для удобства мы сгруппируем словообразовательные гнезда по семантике их вершин. Все лексемы и их значения приводятся в статье с опорой на материалы, собранные в ходе диалектологических экспедиций.

СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение ‘работать до изнеможения’

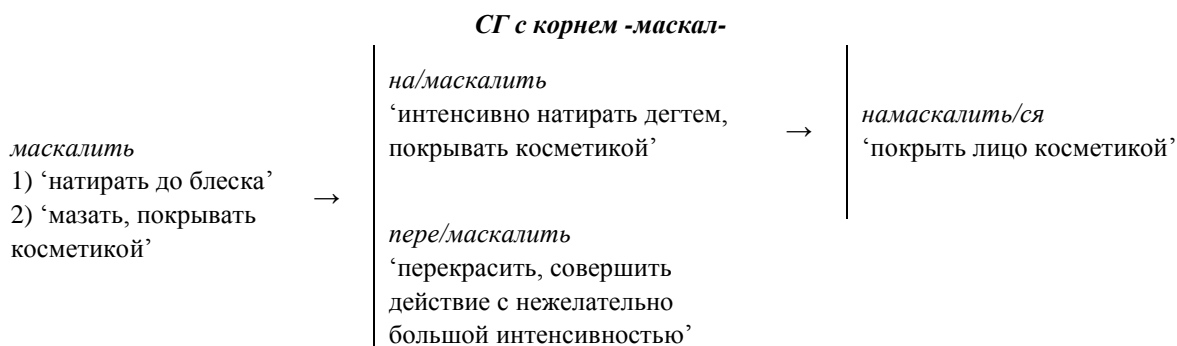
Также в данную группу входят: СГ с корнем *-хряст-*, вершиной которого является глагол *хрястать*: 1) ‘интенсивно, до изнеможения работать’, 2) ‘колоть дрова’, 3) ‘ломать’; СГ с корнем *-лом-* (вершина *ломить*: 1) ‘тяжело и много работать’, 2) ‘нанести урон, вред’, 3) ‘издавать звук’); СГ с корнем *-ворот-* (вершина *воротить* ‘выполнять тяжелую работу с усилием и напряжением’); СГ с корнем *-крят-* (вершина *крятать* ‘делать непосильную работу’); СГ с корнем *-хобот-* (вершина *хоботить* ‘интенсивно работать’).

СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение ‘выполнять сельскохозяйственные работы’

Также в данную группу входят: СГ с корнем *-город-* (вершина *городить* ‘окружать изгородью’); СГ с корнем *-зор-* (вершина *зорить* ‘ждать пока урожай поспеет’); СГ с корнем *-корюк-* (вершина *корюкать* ‘гнуть, корчить’); СГ с корнем *-рохл-* (вершина *рохлить* ‘рыхлить’).

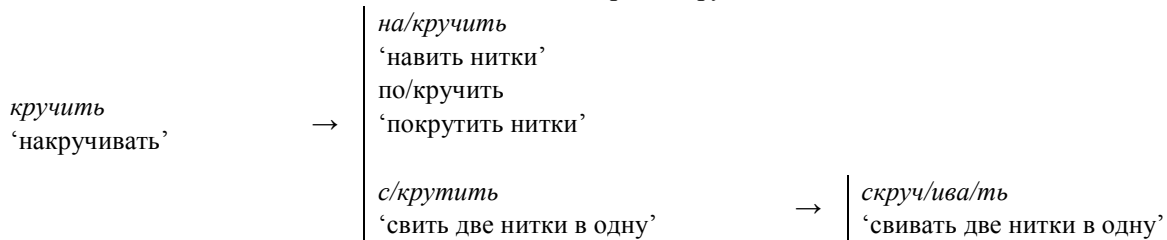
СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение ‘выполнять вспомогательные работы’

Также в данную группу входят: СГ с корнем *-швар-* (вершина *шварить*: 1) ‘драть, сдирать’, 2) ‘чистить, тереть’, 3) ‘шаркать ногами’); СГ с корнем *-клеп-* (вершина *клепать* ‘ремонттировать’); СГ с корнем *-жес-* (вершина *жести*: 1) ‘наклонять’, 2) ‘жать, давить’); СГ с корнем *-шинг-* (вершина *шингать* ‘щипать шерсть при обработке’); СГ с корнем *-скырк-* (вершина *скыркать*: 1) ‘чистить посуду’, 2) ‘продельвать отверстие’, 3) ‘точить когти (о кошке)’).

**СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение
‘выполнять работы, связанные с прядением и ткачеством’**

СГ с корнем *-круч-*

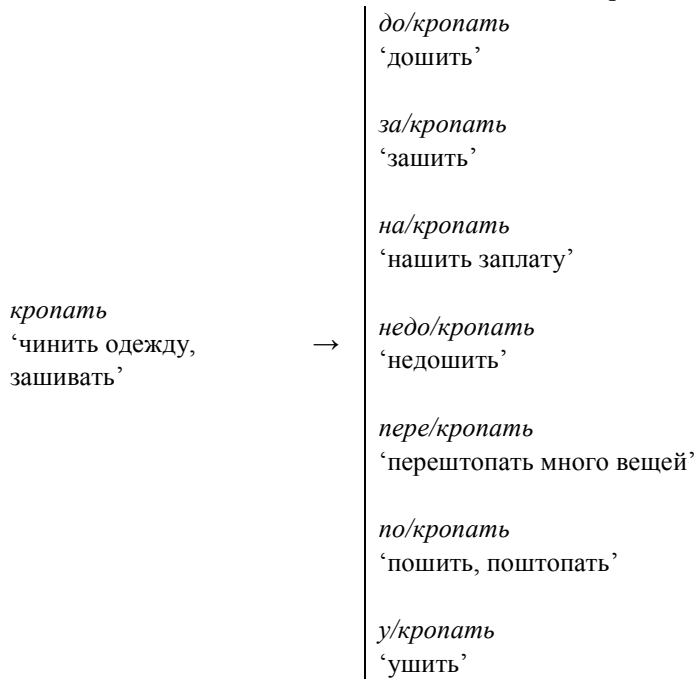

Также в данную группу входят СГ с корнем *-бр-/бир-* (вершина *брать* ‘ткать особым образом с узорами’) и СГ с корнем *-снов-* (вершина *сновать*: 1) ‘в ткацком деле: соединить основную нить и уток’, 2) ‘ходить взад и вперед’).

**СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение
‘выполнять работы, связанные с шитьем’**

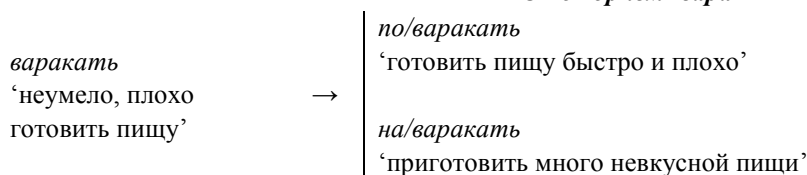
Данная группа включает в себя всего одно словообразовательное гнездо.

СГ с корнем *-кроп-*

**СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение
‘выполнять работы, связанные с приготовлением пищи’**

СГ с корнем *-варак-*

Также в эту группу входят: СГ с корнем *-брусн-* (вершина *бруснить* ‘собирать ягоды, обрывая горстью’); СГ с корнем *-том-* (вершина *томить* ‘запекать’); СГ с корнем *-пах-* (вершина *пахать* ‘резать хлеб’); СГ с корнем *-кур-* (вершина *курить* ‘топить печь’).

**СГ, в которых глаголы – вершины гнезд имеют общее значение
‘выполнять работы, связанные с деревообработкой’**

		<i>СГ с корнем -кант-</i>
		<i>кантов/к/а</i>
	→	‘процесс обравнивания бревна’
<i>кантовать</i>		
‘обравнивать бревно’		
		<i>с/кантовать</i>
		‘обравнять бревно’

Также в эту группу входят СГ с корнем *-брус-* (вершина *брусить* ‘тесать бревна, делать брусы’) и СГ с корнем *-карз-* (вершина *карзать* ‘обрубить сучья, ветки’).

В словообразовательных гнездах, входящих в описанную выше тематическую группу, реализуются универсальные словообразовательные модели, например: V → на/V ‘сделать много’ (*варакать* ‘плохо готовить пищу’ → *на/варакать* ‘приготовить много невкусной пищи’, *бруснить* ‘собирать ягоды горстью’ → *на/бруснить* ‘набрать много ягод’); V → за/V ‘довести действие до итога’ (*томить* ‘запекать’ → *затомить* ‘запечь до готовности’, *кропать* ‘шить’ → *закропать* ‘зашить (дыру)’). Особо следует отметить, что глаголы, являющиеся вершинами словообразовательных гнезд, зачастую являются многозначными. При этом в качестве дополнительного выступают значения ‘ломать, разрушать’ (глаголы *ломить*, *хрястать*, *ворочать*) и ‘ходить’ (глаголы *сновать* и *шварить*), образующиеся на основе метафорического переноса. В некоторых же случаях (назовем к примеру словообразовательное гнездо с вершиной *карзать* ‘обрубить сучья’) при однозначной вершине СГ дополнительное метафорическое значение появляется у некоторых производных лексем (в данном СГ ‘терзать, наносить повреждения’), усложняя таким образом семантическую структуру словообразовательного гнезда.

Собранный материал позволяет сделать вывод о системности отглагольного словообразования исследуемого говора, в рамках отглагольных словообразовательных гнезд реализуются типовые структурно-семантические связи русских глаголов, характерные в том числе для диалектного словообразования. Активнее всего в рамках рассмотренного семантического поля образуются глаголы (117 из числа 128 производных слов), причем в первую очередь префиксальные. Отглагольные существительные преимущественно имеют значение опредмеченного процесса действия (3 из 8): *хрястанье* ‘порча, ломка’, *кантовка* ‘процесс обравнивания бревна’, *карзанье* ‘процесс обработки бревна’; а также значения результата действия (например, *оскырки* ‘остатки пищи, которые отскоблили с посуды’), субъект действия (*воротила* ‘о человеке много и быстро работающем’) или место для совершения действия (*карзунья* ‘место в лесу, где заготавливают ветки, сучья’).

В целом словообразовательная система говора д. Борбушино отражает особенности русского диалектного словообразования, соответственно исследуемый нами материал может быть рассмотрен в контексте изучения речевой культуры как исторического Белозерья, так и всей системы севернорусских говоров.

Список литературы

1. *Ильина Е. Н.* Гнездо однокоренных слов как объект диалектной лексикографии // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. трудов. Вологда, 2008. С. 207–216.
2. *Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни* : монография / Е. Н. Ильина, С. А. Ганичева, Ю. Н. Драчёва и др. Вологда, 2021. 683 с.
3. *Шаброва Е. Н.* К вопросу о пополнении картотеки «Словаря вологодских говоров» при ретроспективном изучении модификационного глагольного словообразования // Русская региональная лексикология и лексикография : межвуз. сб. науч. трудов. Вологда, 1999. С. 136–147.
4. *Яцкевич Л. Г.* Типологические особенности русского диалектного словообразования: монография / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова. Вологда, 2018. 215 с.

К ОСОБЕННОСТЯМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБОРОТОВ С СУБЪЕКТНЫМ ГЕНИТИВОМ В ОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматривается функционирование распространенного в современных онежских говорах и городском просторечии синтаксического диалектного различия – оборота с субъектным генитивом типа *есть делов, чайника е* с учетом семантики именного и глагольного компонентов. Обращение к финским аналогам позволяет предположить поддерживающее влияние со стороны соседних прибалтийско-финских говоров на широкое употребление русских диалектных оборотов разной семантики.

Ключевые слова: субъектный генитив, финское партитивное подлежащее, онежские говоры.

Markova Nina Vladimirovna, Petrozavodsk State University, Russia

markova_nina@mail.ru

To the Function Peculiarities of Subject Genitive Constructions in Onego Subdialekt

There are some functional peculiarities of subject genitive sentences in Onego subdialect, connected with verb and substantive semantic – without idea of partitive. The comparison of Russian dialect constructions such as *jes't' delov, chainika je* and it's Finnic analogs with partitive subject may suggest the Finnic influence on Russian dialect sentences functioning.

Keywords: subject genitive, Finnic partitive subject, Onego subdialect.

Во всех русских говорах и в литературном языке активно используются предложения типа *комаров налетело, воды хватит*, где родительный падеж субъекта выступает с отчетливой партитивной семантикой, а глагол выражает изменение количественного признака или действие большого количества/массы предметов, их достаточность/недостаточность. В части же русских говоров, в том числе онежских [10, с. 220], употребляются конструкции с субъектным генитивом и глаголом, семантика которого лишена количественного признака (*медведей в лесу есть; кораблей стоит; мужиков ходит*).

Относительно происхождения оборота существуют разные мнения. А. А. Шахматов связывает появление конструкций с субъектным генитивом с влиянием количественных предложений: *было много народу* → *было народу* [19, с. 119].

Ф. П. Филин и В. И. Борковский разделяют мнение Е. Ф. Карского о генетической связи утвердительного оборота с отрицательным: *детей нет – детей есть*. По наблюдениям В. И. Борковского, в древнерусских грамотах бытийные конструкции с субъектным генитивом зафиксированы в зоне формирования севернорусских говоров [2, с. 64], при этом обороты типа *медведей есть* не были чужды одному из белорусских диалектов [3, с. 21]. Они спорадически встречаются как в письменности древнерусского и старорусского периодов, так и преимущественно в разговорном стиле литературного языка XVIII–XIX вв. [6, с. 236, 243; 19, с. 119–121; 5, с. 313, 315].

В изученных нами памятниках деловой письменности Обонежья XVII в. зафиксированы четыре предложения с соответствующей структурной схемой: *А Гришка Лазарев да Митка Стафеев высланы... на Олонец... и... взята поручная запись... и их имен в той записи есть...* [7, с. 285]; *выбрать в целовальники человека добро... ково бы с такое дело стало... и послать о том вновь память* [7, с. 361]; *А у обыску целовальников было: Третьяк Кириков, Викула Бухов...* [7, с. 107]; *Да у меня же сироты погорело крепостей: поступная запись...* [7, с. 348].

В диалектных и фольклорных материалах Обонежья второй половины XIX – начала XX в. отмечены конструкции с родительным падежом имен исчисляемых и делимых, указывающих на существование чего-либо в большом количестве: *есть на свете добрых людей!* (Муромля Петр.) [13, с. 258]; *Приходит – опять стоит сад, а в этом саду всякого разного украшения е* (Нигижма Пудож.) [15, с. 236]; *А во Смоленце казны есть, да сметы нету* (Горка Пудож.) [14, 2, с. 530]; *А стоит-то уж силушки на чистом поли, А как мелко лесу шумячего* (Сумозеро Пудож. у.) [14, 1, с. 637]; *А тут поганых татаровей, будто черного ворона, слеталося* (Повенец) [17, 2, с. 12]. Глагольный компонент преимущественно представлен бытийным глаголом, а также с глаголами *водиться, идти, слетаться, стоять, съезжаться, уплыть*.

В современных онежских говорах при одной структурной схеме представлены две группы конструкций, различающихся семантикой субъекта. Подавляющее большинство предложений содержит субъектный генитив имен делимых и исчисляемых со значением большого количества/массы: *там-то бывает медведей, навалом их* (Федотово Медв.); *было и ладного, было и худого, было и всего* (Кузаранда Медв.); *дома корова была, поросенок был да овец было* (Загорье Медв.); *есть совестливых людей* (Кажма Медв.); *этых петариц есть* (Бочилово Пудож.); *памяти есть: свадебны все знат* (Пудож).

Кроме доминирующих форм бытийных глаголов, в составе конструкций этой группы отмечены глаголы иной семантики, прежде всего – движения: *зато стогов стоит, как грибов, стоит этих стогов* (Пудож); *мужиков ходит* (Вытегра Волог.); *там всяких живе служащих* (Ладва Прионеж.); *рыбы всякой водится* (Типиницы Медв.); *а рыбы там хорошо попадало* (Ладва Прионеж.); *не знаешь, откуда крещеного придет* (Бочилово Пудож.); *всяких людей-то прошло* (Машенжа Вытегор. Волог.); *грибов когда растет* (Часовенская Медв.); *ездило тут всякого народу* (Ладва Прионеж.); *вот там этого строится, не видать отсюда* (Суйсарь Прионеж.); *а дров стояло, а дрова недешевы* (Пудож).

Значение большого количества подчеркивается определением *всякий* [9, с. 217], например: *там у нас всяких ягод было* (Великая Губа Медв.); *у нас всякого народа было* (Ладва Прионеж.); *у нас всяких праздников е* (Спирidonовская Подпор. Лен.); *всяких разных кораблей стоит* (Кузаранда Медв.); *всяких, всяких лекарств есть* (Ладва Прионеж.); *есть грибов всяких растет* (Деревянное Прионеж.); а также междометиями, например: *слез-то, господи, иде, иде* (Ладва Прионеж.); *ой, делов-то было!* (Подсосенье Медв.); *самовар увидели электрический, как у нас было радости!* (Подпорожье Пудож.); иногда значение большого количества раскрывает контекст: *медведей есть порядочно, медведей – тех есть* (Шуньга Медв.).

Однако генитивный субъект не всегда указывает на большое количество предметов. Регулярно отмечаются предложения с его неопределенно-количественным значением. К формальным признакам такого значения можно отнести наличие союза *и*, частицы *еще*, а также вопросительной интонации [10, с. 232], например: *есть и взрослых* (Ладва Прионеж.); *осов там еще есть* (Толвуйский Бор Медв.); *у Лизы есть ли гостей?* (Кузаранда Медв.). Неопределенно-количественное значение можно предполагать и в генитивных предложениях, употребленных в качестве утвердительного ответа на вопрос, например: – *А карелы тут живут?* – *Есть там карелов* (Кузаранда Медв.); – *А маленькие избушки были?* – *Было больших и маленьких* (Ладва Прионеж.); – *А не приезжали охотники?* – *А тут у нас есть охотников своих* (Ладва Прионеж.). Как видим, количественное значение диалектных конструкций с родительным субъекта может выступать более и менее отчетливо.

Экзотическими оказываются немногочисленные примеры с родительным падежом, называющим неделимый предмет: *у вас в Петрозаводске есть кого?* (вместо *кто*) (Колодозеро Пудож.); *чайника-то е?* (Пудож); *у ей дедки е, у меня бы дедки было* (если бы был *дедка*) (Авдеево Пудож.); *проси лошади, а у того лошади было* (речь о единственной лошади) (Шуньга Медв.); *у меня ей есть* (о человеке) (Медведево Медв.); *за рекой лавки есть* (одна) (Ольково Выг. Волог.); *ково семьи-то есь?* (Верховье Выг. Волог.); *есь там моего телка?* (Посад Подпор. Лен.); *а семья есте? есте кого у ней?* (Гимрека Подпор. Лен.); *там дедки еще есте параличом немножко разбивши, ен, год прошел, теперь ходит* (Ладва Прионеж.); *потом как вышла замуж дочери* (Шуньга Медв.). Эти образцы яркого диалектного различия представляют особый интерес, так как субъектный генитив семантически тождествен номинативу. Примечательно, что в наших материалах 6 из 11 предложений являются вопросительными. На значительную долю вопросительных конструкций указывают и И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко (8 из 11 по материалам ДАРЯ) [10, с. 226].

Как уже отмечалось, конструкции типа *медведей есть* являются, по-видимому, исходно локальным синтаксическим архаизмом. Однако можно говорить о некотором расширении явления на нашей территории. Помимо их высокой частотности, следует отметить возможность употребления здесь субъектного генитива с приглушенным количественным значением и даже лишенным идеи части (*есть и медведей; чайника е?*). Специфика расположения онежских говоров – их непосредственное соседство с говорами прибалтийско-финских языков – и наличие в системе последних типологически сходных конструкций дают основание предполагать, что сохранение и развитие явления на данной территории в известной мере может объясняться взаимодействием говоров разных языков разных типов.

В финском языке предложения с партитивным подлежащим и сказуемым в форме ед. числа широко употребительны. Партитивное, или парциальное, подлежащее, в качестве которого выступают исчисляемые существительные, означает, что речь идет о наличии, существовании, действии неопределенного количества предметов (массы), например: *Maitoa on kupissa – Молоко в чашке* (букв.: *молока есть в чашке*); *Lapsia jouksee pihalla –*

На дворе бегают дети (букв.: *детей бегают на дворе*); *Metsässä kasvaa puita* – *В лесу растут деревья* (букв.: *в лесу растет деревья*). При этом лексический состав глаголов не ограничен [4, с. 158].

Интересно, что в финском языке и в карельских говорах партитивное подлежащее вместо ожидаемого мн. числа может быть употреблено в ед. числе, например: *oli siellä joka lajia: ukkoa, akkaa, miestä, naista, kissaa, koiraa* – ‘было там всего: стариков, старух, мужчин, женщин, кошек, собак’ [1, с. 160]; *книгуу он столалла* – ‘книги на столе’ [4, с. 158]. Значение же партитива ед. числа в данных примерах тождественно значению партитива множественного [1, с. 160], [4, с. 158]. По нашим наблюдениям над ливвиковской речью, партитив ед. числа, употребленный, по-видимому, в собирательном значении, может означать и большое количество предметов, например: *мечäs он кондыэду* – ‘в лесу много медведей’. Обращает на себя внимание и тот факт, что в финских говорах встречается употребление конкретных существительных ед. числа в роли так называемого субъектного партитива неопределенного подлежащего в вопросительных предложениях: *Oliko lääkäriä?* – ‘был ли врач?»; *Tuliko rappia mukana?* – ‘пришел ли вместе с вами пастор?’. «Здесь партитивность придает предложению отрицательный оттенок, поскольку спрашивающий, употребляя партитив, ожидает услышать отрицательный ответ» [18, с. 191]. Хотя в русских говорах явление выходит за рамки вопросительных конструкций, однако напомним, что более половины предложений с субъектным генитивом, лишенным количественной семантики, содержат вопрос.

Исследователи неоднократно указывали на параллелизм финских предложений с партитивным подлежащим и русских диалектных конструкций типа *медведей в лесу есть* [20, с. 159; 16, с. 244]. В пользу поддерживающего влияния со стороны прибалтийско-финского парциального подлежащего на употребление субъектного генитива с количественной семантикой говорят и обороты из русской речи карелов: *будет брусники в этом году; грибов в лесу есть; было ягод; мешков есть тут; редко было крашенных домов; а кого в Утозере есть?* (Коткозеро, Утозеро Олон.).

По-видимому, значение неопределенного количества и даже некоторой неопределенности генитивного субъекта (*было бы дедки; у тебя есть кого?*) отличает функционирование такого типа предложений в современных онежских говорах.

Список литературы

1. *Беляков А. А.* Категория числа в карельском партитиве // Советское финноугроведение. Ленинград, 1948. Т. 1. С. 160–164. (Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2.)
2. *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот : простое предложение // Вопросы славянского языкознания. Кн. 2. Львов, 1949. С. 5–101.
3. *Борковский В. И.* Синтаксис сказок: русско-белорусские параллели. Москва : Наука, 1981.
4. *Бубрих Д. В.* Историческая морфология финского языка. Москва ; Ленинград, 1955.
5. *Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в.* Москва, 1964.
6. *Историческая грамматика русского языка : синтаксис : простое предложение.* Москва, 1976.
7. *Карелия в XVII веке / ред. Р. В. Миллер.* Петрозаводск, 1949.
8. *Карский Е. Ф.* Белорусы. Москва, 1956. Вып. 2–3.
9. *Костинский Ю. М.* Генитивные глагольные конструкции в современном русском языке. : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1970.
10. *Кузьмина И. Б.* Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах / И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко // Общеславянский лингвистический атлас, 1974. Москва, 1976. С. 214–236.
11. *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС ИАН. 1916. Т. 19, кн. 4. С. 143–173
12. *Маркова Н. В.* Родительный падеж субъекта в онежских говорах // Современные русские говоры. Москва, 1991. С. 134–140.
13. *Материалы для изучения великорусских говоров.* Вып. 2 // Изв. ОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 3. С. 571.
14. *Онежские былины, записанные А. С. Гильфердингом летом 1871 г.* 4-е изд. Москва ; Ленинград, 1949–1951. Т. 1–3.
15. *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. Санкт-Петербург, 1909.

16. *Пяль Э.* Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка / Э. Пяль, Э. Тотль, Г. Тукумцев. Таллин, 1962.
17. *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 т. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1909.
18. *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Москва, 1955. Ч. 2.
19. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Ленинград, 1941.
20. *Decsy G.* Is there a Finnic Substratum in Russian? // *Orbis.* 1967. Vol. 16, № 1. P. 151–159.

ИЗ ИСТОРИИ ИММАНЕНТНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

В статье рассматривается методология изучения художественного произведения, основанная на принципе имманентности. Для решения исследовательских задач современная русистика разрабатывает специальные инструменты, к важнейшим из которых относятся общие и специализированные словари (т. н. авторские словари) и электронные корпуса, прочно вошедшие в научный обиход XXI в. Благодаря стремительному развитию компьютерных технологий, давших возможность обрабатывать очень большие объемы текстов, несопоставимые с масштабами докорпусного периода, смещаются акценты традиционных методов анализа. Но круг вопросов остается прежним. Методы анализа художественного произведения подразумевают различные подходы. Текст как культурный объект не является изолированным образованием, а вписывается в систему предшествующих произведений, опираясь на произведения различной степени близости. Система отталкиваний и сближений и определяет эстетическую, стилистическую и собственно культурную значимость произведения. Каждое произведение уникально и одновременно связано тысячами нитей с ближайшим и дальнейшим окружением. Унификация подхода к художественному произведению выхолащивает его смысл. Шаблоны и формулы хороши для описания процессов, исчисляемых как минимум десятилетиями. Но обширную картину литературного творчества невозможно воссоздать без описания языкового своеобразия отдельного произведения. Выделение таких способов анализа текста, как имманентный (внутренний) и исторический (сравнительный), в настоящее время опирается на большое количество работ критиков, литературоведов, стилистов, языковедов. В разные периоды времени и в разных поэтологических традициях на первый план выходят работы с тем или иным способом описания.

Ключевые слова: имманентный анализ, художественное произведение, Виноградов, Гаспаров, Ярхо.

Gik Anna Vladimirovna, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
annagik@yandex.ru

From the history of immanent text analysis

The article discusses the methodology for studying a work of art, based on the principle of immanence. To solve research problems, modern Russian studies develop special tools, the most important of which include general and specialized dictionaries (the so-called author's dictionaries) and electronic corpora, which have become firmly established in scientific use in the 21st century. Thanks to the rapid development of computer technologies, which made it possible to process very large volumes of texts, incomparable with the scale of the pre-corpus period, the emphasis of traditional methods of analysis is shifting. But the range of questions remains the same. Methods for analyzing a work of art involve different approaches. The text as a cultural object is not an isolated formation, but fits into the system of previous works, relying on works of varying degrees of closeness. The system of repulsions and rapprochements determines the aesthetic, stylistic and proper cultural significance of the work. Each work is unique and at the same time connected by a thousand threads with the immediate and further environment. The unification of the approach to a work of art emasculates its meaning. Templates and formulas are good for describing processes that are at least decades old. But a broad picture of literary creativity cannot be recreated without a description of the linguistic originality of an individual work. The selection of such methods of text analysis as immanent (internal) and historical (comparative) is currently based on a large number of works by literary critics, stylists, and linguists. In different periods of time and in different poetological traditions, works with one or another method of description come to the fore.

Keywords: immanent analysis, work of art, Vinogradov, Gasparov, Yarkho.

Современные исследователи выделяют два подхода в анализе текста с точки зрения методической и методологической. Четкое разделение приемов анализа используется в преподавательской практике в школе и вузах [3; 9]. Теоретические вопросы также становятся объектом исследования. Так, в работе Ю. В. Гуськовой [10] история вопроса ведется от А. П. Скафтымова и Б. М. Эйхенбаума.

Нам бы хотелось напомнить, что теория имманентного анализа активно разбирается в трудах В. В. Виноградова. Также этот термин используют М. Л. Гаспаров и Б. Ярхо.

Слово *имманентный* используется в терминологическом значении в философии. Согласно философскому словарю, И. Кант одним из первых включил данный термин в свою терминосистему, которая подразумевала противопоставление: имманентный – трансцендентный: «Имманентный (от лат. *immanens*, род. п. *immanentis* – пребывающий в ч.-л., свойственный ч.-л.) – понятие, означающее внутренне присущее к.-л. предмету, явлению,

процессу то или иное свойство. У И. Канта имманентный есть основанное на опыте, эмпирическое (остающееся внутри границ возможного опыта) как противоположное неэмпирическому, или трансцендентному. В современной метафизике и теологии имманентность указывает на наличие чего-то (сущности, бытия, силы и т. п.) в противоположность его отсутствию» [24].

Идея имманентности стала частью методологии исследования художественного произведения достаточно рано. К примеру, В. Г. Белинский использовал данное слово еще не в собственно поэтологическом значении, но для объяснения специфики художественного произведения, в частности драматического: «Трагедия или комедия, как и всякое художественное произведение, должна представлять собою особый, замкнутый в самом себе мир, то есть должна иметь единство действия, выходящее не из внешней формы, но из идеи, лежащей в ее основании. Она не допускает в себя ни чуждых своей идее элементов, ни внешних толчков, которые бы помогли ходу действия, но развивается *имманентно*, то есть изнутри самой себя, как дерево развивается из зерна. Поэтому всякая пьеса в драматической форме, вполне выражающая и вполне исчерпывающая свою идею, целая и оконченная в художественном значении...» [2] (здесь и далее цитаты приведены по результатам поиска в НКРЯ (Национальный корпус русского языка, URL: <https://ruscorpora.ru>)).

В литературоведении подчеркивается, что имманентность прежде всего определяется независимостью текста от социальной действительности, от закономерностей общественно-исторического движения.

В советское время марксистский метод в литературоведении выступал против «имманентного ряда» формалистов. Так, в словарной статье «Словаря литературоведческих терминов» 1974 г. противопоставляется имманентный подход к тексту (см. идею Белинского) и марксистский: «Марксистский метод в литературоведческом исследовании предполагает изучение литературы не как изолированного, замкнутого в себе “имманентного ряда”, а в ее связях и обусловленности общественной жизнью в целом. Марксизм исходит из того, что художественная литература является одной из форм общественного сознания, развитие которого определяется развитием общественного бытия людей» [22, с. 48].

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» 2001 г. отсутствуют словарные статьи, включающие прилагательное «имманентный» [14]. В энциклопедическом издании [18] 2008 г. данное слово встречается. В частности, автор статьи «Древнерусской словесности поэтика» А. В. Каравашкин говорит об имманентности поэтики древнерусской словесности: «Д. с. п. (древнерусской словесности поэтика) была “имманентной”, и по отношению к ней вполне применимо суждение С. С. Аверинцева, который на примере родственной литературной традиции писал: “...прежде чем изучать поэтику ранневизантийской литературы, мы принуждены эту поэтику реконструировать”. Итак, Д. с. п. – результат аналитических процедур и обобщений, осуществленных филологами, а не факт самосознания авторов Древней Руси» [18, с. 67]. Интересующее нас слово заключается в кавычки, что указывает на употребление его в особом значении. Кавычки у автора словарной статьи не только помогают обратить внимание читателя на слово, но и дают возможность использовать лексическую единицу, принадлежащую к философскому дискурсу в своем тексте. В середине словарной статьи Каравашкин употребляет слово «имманентный» уже без кавычек: «Имманентное направление зарубежной славистики сосредотачивалось на обособленном изучении рукописной традиции древнерусских памятников или рассматривало древнерусскую литературу под углом зрения церковной богослужебной традиции (Р. Марти и А. Наумов)» [18, с. 68].

Об имманентности как важной характеристике художественного произведения напрямую говорится в статье А. В. Корчинского «Новая критика и поэтика»: «адекватно уловить органическую форму и целостность произведения можно только посредством “тщательного прочтения” (close reading) и имманентной интерпретации текста, взятого изолированно» [19, с. 145]. Автор указывает, что искания новой критики созвучны понятиям русских формалистов, которые предъявляли к анализу текста похожие требования.

Имманентный анализ, который исходит из анализа внутренней структуры произведения, входит в конфликт с интертекстуальным подходом в современной поэтологии. Разные уровни обобщения, смещение акцентов с метауровня на другие уровни текста, дают такое представление о художественном объекте: «В рамках интертекста сам принцип сопряжения деформированных и подвергнутых индексальной редукции претекстов оказывается более важным, чем семантика последних, а комбинаторная семантика становящегося интертекста подчиняет себе и частично отменяет **имманентную семантику прецедентных текстов**» [19, с. 82].

М. М. Бахтин использует термин «имманентность» при выяснении эстетической оценки художественного произведения: «При эстетической самообъективации автора-человека в героя этого возврата в себя не должно происходить: целое героя для автора-другого должно остаться последним целым, отделять автора от героя – себя самого должно совершенно нацело, в чистых ценностях для другого должно определить себя самого, точ-

нее, в себе самом увидеть другого до конца; ибо имманентность возможного фона сознанию отнюдь не есть эстетическое сочетание сознания героя с фоном: фон должен оттенять это сознание в его целом, как бы ни было глубоко и широко это сознание, хотя бы весь мир оно осознавало и имманентизовало себе, эстетическое должно подвести под него трансгредиентный ему фон, автор должен найти точку опоры вне его, чтобы оно стало эстетически завершенным явлением – героем» [1].

Развернутое представление методов исследования текста примерно в это же время дал академик В. В. Виноградов. Он выделяет два подхода к художественному произведению в работе «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский»: «Литературно-художественное произведение как целостный эстетический объект открывается наблюдателю с двух точек зрения: функционально-имманентной и ретроспективно-проекционной. <...> Таким образом, два типа литературного исследования – функционально-имманентный и ретроспективно-проекционный – соотносительны и неразрывны» [7]. Академик говорит об имманентной точке зрения как о базисной для теории литературы: «Для теории литературы как основной базис ее общих построений естественно выступает функционально-имманентная точка зрения; в истории литературы господствующей формой исследования должен быть ретроспективно-проекционный метод, и в замкнутом, интенсивно-исчерпывающем описании индивидуальной поэтики она должна видеть лишь предварительную ступень изучения» [7]. Таким образом, ученый вводит понятие разных уровней анализа, которые должны выполнять различные задачи. Имманентный анализ стоит на «предварительной ступени изучения». Современные методы исследования не только включают исследовательскую интуицию, о чем говорил Виноградов, но и могут опираться на обширные электронные базы текстов.

Органические элементы произведения, как считал В. В. Виноградов, могут быть найдены в процессе имманентного анализа: «Теория литературных стилей в качестве предельной единицы может взять только такие словесные объединения, которые представляют собой не непосредственную “данность” языка, а определенный продукт построения. Это органические элементы художественного произведения, найденные в процессе имманентного анализа. Их не следует расчленять далее, ибо таким образом мы можем вскрыть только их языковую структуру, а не стилистическую природу. Языковая морфология этих стилистических единиц очень невыразительна. Они могут совпадать со словами, фразами, предложениями, с большими синтаксическими единствами, с комплексом синтаксических групп» [4].

В. В. Виноградов написал специальную работу, посвященную проблеме имманентного анализа языка [5].

Академик настаивал на том, что изучение произведений словесности современника или текстов, созданных в другие эпохи, должно иметь совершенно разные методы и акценты исследования: «Задача исторического исследования: описать индивидуальный стиль писателя вне установки традиций в раскрытом литературно-языковом контексте исторической действительности, целостно и замкнуто, как своеобразную структуру словесных форм в их эстетической организованности». Понятно, что эти идеи также включают в себя невозможность оперировать текстами, не входящими в горизонт понимания автора исследования. У термина «имманентность» акцентируется элемент – не выходя за пределы данного произведения. «Описание и анализ структурных форм памятника должны вестись имманентно избранному поэтическому “сознанию”, его языковой культуре, и не навязывать чуждых ему норм». Именно эту идею в дальнейшем развивает М. Л. Гаспаров.

В. В. Виноградов различает исследование произведений, созданных в отдаленное от ученого время, и текстов современников, а также обращает внимание на наличие динамики индивидуального стиля, он работает в рамках социальной лингвистики: «она <динамика>, естественно, должна представляться или как смена одной структуры другою, или как частичное преобразование единственной структуры, функциональное ядро которой остается устойчивым. Такой метод стилистических изучений я назову функционально-имманентным. Он для социальной лингвистики не нов, хотя имеет в ней иную форму и иное обоснование. Раскрыть его в применении к литературному произведению было необходимо потому, что большинство русских попыток стилистического анализа неудовлетворительны методологически именно в силу непрестанных скачков из одного плана изучения – функционально-имманентного в другой (который я буду называть ретроспективно-проекционным), в силу субъективного привнесения в структуру литературного произведения чуждых ему норм. Кроме того, проблема двух контекстов литературного произведения – литературы и общего (письменного и разговорного) языка – не получала достаточного освещения».

Язык поэта-современника, как считает В. В. Виноградов, полнее раскроется при имманентном анализе: «для настоящего времени, в пределах близкой нам речевой культуры, общие нормы словоупотребления и словосочетания, все *langues* и все развивающиеся в их лоне творческие тенденции, большинство идейно-групповых кон-

текстов языка – даны нам непосредственно. Есть, таким образом, ясный социально-речевой фон для понимания структурных форм индивидуально-поэтического стиля. И жанровые принципы композиционных сочетаний очевидны. Структура литературы усматривается в них непосредственно, по крайней мере во внешних своих формах. И для того чтобы ощутить индивидуальное и творческое в словоупотреблении поэта, надо владеть общими с ним лексемами литературной речи – в ее разных контекстах». Знание языкового контекста эпохи в настоящее время снимается новыми инструментами анализа – специализированными словарями и электронными корпусами.

Для текстов прошедших эпох Виноградов использует термин «реконструкция»: «Реконструкция же соотношения языковых элементов и их функций в стиле далекого по времени писателя предполагает длительное освоение общих норм словоупотребления в соответствующую эпоху, знание распространенности тех или иных синтаксических схем, “сопричастность» исследователя всей литературной и общей языковой культуре этой эпохи. Все это приобретает лишь путем глубокой начитанности в текстах избранного периода и путем длительных филологических разысканий, путем овладения всем языковым контекстом эпохи. И, конечно, в этом случае неизбежна некоторая типизация, уравнивание тонких нюансов в значениях символов, которые выступают тогда в более грубых и резких очертаниях».

Академик рассматривает и единицы анализа художественного произведения. С его точки зрения, это «органические элементы художественного произведения» – слова, фразы, предложения: «Теория литературных стилей в качестве предельной единицы может взять только такие словесные объединения, которые представляют собой не непосредственную “данность” языка, а определенный продукт построения. Это органические элементы художественного произведения, найденные в процессе имманентного анализа. Их не следует расчленять далее, ибо таким образом мы можем вскрыть только их языковую структуру, а не стилистическую природу. Языковая морфология этих стилистических единиц очень невыразительна. Они могут совпадать со словами, фразами, предложениями, с большими синтаксическими единствами, с комплексом синтаксических групп» [4].

Идеи разделения подходов к анализу текста воспроизводятся Виноградовым и в статье 1964 г. «Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания». В ней он вновь поднимает вопросы языкового окружения поэта и исследователя поэта: «...чтобы ощутить индивидуальное и творческое в словоупотреблении поэта, надо владеть общими с ним лексемами литературной речи. Лексема по аналогии с фонемой и морфемой – это семантическая единица говора, как осознаваемая хотя бы потенциально совокупность значений и их оттенков, связанных с известным сигналом, словом... Такой метод стилистики я называю ретроспективно-проекционным... Принцип морфологической схематизации, лежащий в основе **ретроспективно-проекционного метода исторической стилистики, должен корректироваться, с одной стороны, ясным разумением исторической перспективы, с другой – предварительным функционально-имманентным изучением языковой деятельности исследуемых писателей...**» [6].

Таким образом, в середине XX в. В. В. Виноградов закрепляет идею необходимости двойного подхода к тексту: с точки зрения истории его бытования и с точки зрения особенностей его строения он выстраивает иерархию методов.

Термин «имманентный» использует в своих работах М. Л. Гаспаров, когда рассуждает о способах и приемах анализа текста, без обращения к работам В. В. Виноградова. Он противопоставляет имманентное и контекстуальное исследование. Имманентный анализ Гаспаров понимает прежде всего как анализ, не выходящий за пределы материала данного стихотворения. Исследователь также использует кавычки для данного термина: «Речь пойдет об анализе “имманентном” – то есть не выходящем за пределы того, о чем прямо сказано в тексте. Это значит, что мы не будем привлекать для понимания стихотворения ни биографических сведений об авторе, ни исторических сведений об обстановке написания, ни сравнительных сопоставлений с другими текстами. В XIX в. филологи увлекались вычитыванием в тексте биографических реалий, в XX в. они стали увлекаться вычитыванием в нем литературных “подтекстов” и “интертекстов”, причем в двух вариантах. Первый: филолог читает стихотворение на фоне тех произведений, которые читал или мог читать поэт, и ищет в нем отголоски то Библии, то Вальтера Скотта, а то последнего журнального романа того времени. Второй: филолог читает стихотворение на фоне своих собственных сегодняшних интересов и вычитывает в нем проблематику то социальную, то психоаналитическую, то феминистическую, в зависимости от последней моды. И то и другое – приемы вполне законные (хотя второй – это, по существу, не исследование, а собственное творчество читателя на тему читаемого и читанного им); но начинать с этого нельзя. Начинать нужно со взгляда на текст и только на текст – и лишь потом, по мере необходимости для понимания, расширять свое поле зрения» [8, с. 9].

Теоретически имманентный анализ данного текста должен опираться на поуровневый разбор, предложенный М. Л. Гаспаровым (ср. с методикой, предложенной Л. Щербой [23]). Гаспаров предложил свою методику имманентного анализа, такого, который «не выходит за пределы того, о чем прямо сказано в тексте» для анализа стихотворения А. С. Пушкина «Снова тучи надо мною...» («Предчувствие», 1828). В своей работе ученый опирается на труды Б. И. Ярхо.

Идея «имманентного» анализа у Ярхо имеет свое обозначение – «рубрики качественного анализа»: «Необычность может быть присуща различным сторонам человеческого слова (вспомним мысль А. А. Потебни: “все свойства поэтического произведения находят соответствие в свойствах слова [17]”). Таких сторон три: звук, грамматическая форма и смысл (значение).

Необычные звуко сочетания составляют предмет фоники.

Необычные грамматические формы – предмет стилистики.

Необычные смысловые формы – предмет поэтики» [26].

М. Л. Гаспаров синонимизирует имманентный анализ и «монографический разбор стихотворения»: «Эта записка представляет собой вступительную лекцию к небольшому курсу “Анализ поэтического текста” – о технике монографического разбора отдельных стихотворений. В 1960–1980-е годы это был модный филологический жанр: он позволял исследователям тратить меньше слов на общеобязательные рассуждения об идейном содержании произведения и сосредоточиваться на его поэтической технике. Тогда вышло даже несколько книг, целиком посвященных таким разборам, – прежде всего, это классическая работа Ю. М. Лотмана “Анализ поэтического текста” (Л., 1972); и затем три коллективных сборника, в которых есть и более удачные и менее удачные разборы: “Поэтический строй русской лирики” (Л., 1973); “Анализ одного стихотворения” (Л., 1985); *Russische Lyrik: Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse* (München, 1982). Но в большинстве этих статей авторы старались не задерживаться на начальных, элементарных этапах анализа, общих для любого рассматриваемого стихотворения, и торопились перейти к более сложным явлениям, характерным для каждого произведения в особенности. Мы же постараемся сказать о тех самых простых приемах, с которых начинается анализ любого поэтического текста – от самого детски-простого до самого утонченно-сложного» [8, с. 9].

Без биографии и истории – так, по мнению Гаспарова, можно назвать имманентный разбор произведения.

Вслед за Б. И. Ярхо М. Л. Гаспаров выделяет уровни анализа:

«А в строении всякого текста можно выделить такие три уровня, на которых располагаются все особенности его содержания и формы. <...>

Первый, верхний, уровень – *идейно-образный*. В нем два подуровня: во-первых, идеи и эмоции...; во-вторых, образы и мотивы...

Второй уровень, средний, – *стилистический*. В нем тоже два подуровня: во-первых, лексика, т. е. слова, рассматриваемые порознь (и прежде всего – слова в переносных значениях, “тропы”); во-вторых, синтаксис, то есть слова, рассматриваемые в их сочетании и расположении.

Третий уровень, нижний, – *фонический*, звуковой. Это, во-первых, явления стиха – метрика, ритмика, рифма, строфика; а во-вторых, явления собственно фоники, звукописи – аллитерации, ассонансы. <...>

Различаются эти три уровня по тому, какими сторонами нашего сознания мы воспринимаем относящиеся к ним явления. Нижний, звуковой уровень мы воспринимаем *слухом*... <...> Средний, стилистический уровень мы воспринимаем *чувством языка*: чтобы сказать, что такое-то слово употреблено не в прямом, а в переносном смысле, а такой-то порядок слов возможен, но необычен, нужно не только знать язык, но и иметь привычку к его употреблению. Наконец, верхний, идейно-образный уровень мы воспринимаем *умом и воображением*: умом мы понимаем слова, обозначающие идеи и эмоции, а воображением представляем образы...» [8].

Таким образом, философский термин «имманентный» получил свое распространение в литературоведческих и языковых изысканиях. С небольшими вариациями и дополнениями этот термин использовался учеными независимо друг от друга. Зерно значения оставалось, а интерпретации уточнялись, согласно возможностям научных методов определенного времени. «Формальный» подход к тексту перешел на другой метаязык. А суть имманентного подхода – анализ языковой структуры текста – была отражена еще в работах В. В. Виноградова.

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности. Москва : Искусство, 1986.
2. *Белинский В. Г.* «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. 1839. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Горе_от_ума. _Комедия_в_4-х_действиях,_в_стихах_(Белинский) (дата обращения: 27.12.2022). Текст : электронный.

3. *Вилков Д. В.* Текст и контекст в литературе русского зарубежья (к проблеме имманентного и контекстуального изучения художественного произведения) // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 2.
4. *Виноградов В. В.* К теории литературных стилей // Виноградов В. В. О языке художественной прозы : избранные труды. Москва : Наука, 1980.
5. *Виноградов В. В.* Проблема имманентного анализа литературного произведения // Виноградов В. В. О языке художественной прозы : избранные труды. Москва : Наука, 1980.
6. *Виноградов В. В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3.
7. *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский. Москва : Книга по Требованию, 2016.
8. *Гаспаров М. Л.* «Снова тучи надо мною...» : методика анализа // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2 : О стихах. Москва, 1997.
9. *Гузь Н. А.* Имманентный и контекстуальный подходы к художественному тексту в обучении литературе / Н. А. Гузь, В. Г. Федорова // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 29–32.
10. *Гуськова Ю. В.* Имманентный и контекстуальный подходы к литературному произведению (к истории вопроса) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С. 67–73.
11. *Зуев Д. В.* «Имманентная критика» Ю. И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Москва, 2006.
12. *Исупов К. Г.* Имманентная поэтика и поэтология имманентности // Вопросы литературы. 2010. № 1.
13. *Килинг Т. В.* Ода Г. Р. Державина «Бог» : опыт имманентного анализа // LITTEA TERRA : материалы VIII Междунар. конф. молодых ученых : к 90-летию со дня рождения Ю. М. Проскуриной (1929–2019). Екатеринбург, 2020.
14. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. Москва : Интелвак, 2001.
15. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста : структура стиха : пособие для студентов. Ленинград : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1972.
16. *Пономарев А. А.* Оригинал и перевод как трансцендентное и имманентное // Colloquium-journal. 2019. № 25–6 (49).
17. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности : басня, пословица, поговорка. Харьков : Тип. К. Счасни, 1894.
18. *Поэтика* : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. Москва : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008.
19. *Поэтический строй русской лирики* : сб. статей / отв. ред. Г. М. Фридендер. Ленинград : Наука, 1973.
20. *Цветова Н. С.* Опыт «имманентного преодоления слова» // Мир русского слова. 2013. № 3.
21. *Цоколов С. А.* Разработка концепции имманентной целостности как основы междисциплинарной философии конструктивизма : дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2002.
22. *Чернец Л.* Марксистский метод в литературоведении // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. Москва, 1974.
23. *Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва, 1957.
24. *Энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. Москва : Гардарики, 2004.
25. *Ярхо Б. И.* Границы научного литературоведения // Искусство. 1925. № 2; 1927. № 1.
26. *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения : избр. труды по теории литературы / под общ. ред. М. И. Шапира. Москва : Языки слав. культур, 2006.
27. *Ярхо Б. И.* Простейшие основания формального анализа // Ars poetica, I. Москва, 1927.
28. *Lotman Yu. M.* Russische Lyrik: Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse. München, 1982.

О РАСШИРЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

В статье показан процесс расширения категориального аппарата лингвистической поэтики в дискурсивном направлении. При этом траектория развития имеет исходные точки в виде идей и их практической реализации, которые были заложены в прошлом веке участниками научной школы В. П. Григорьева и получили дальнейшее развитие. Этим фактом объясняется внимание к проблемам лингвистической поэтики, рассмотренным на четырех Григорьевских чтениях (2015, 2018, 2020, 2022). В ряде докладов и публикаций материалов чтений представлен когнитивно-дискурсивный анализ поэтических текстов, выполненный на основе больших данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: категориальный аппарат, лингвистическая поэтика, научная школа, поэтический дискурс, Григорьевские чтения.

Sinelnikova Lara Nikolaevna, Lugansk State Pedagogical University, Russia

Prof.sinelnikova@gmail.com

On the expansion of the categorical apparatus of linguistic poetics

The article demonstrates the expansion process of the categorical apparatus of linguistic poetics in the discourse direction. In this process, the development trajectory has initial points in the form of ideas and their practical realisation, which were laid out in the previous century by the participants of V. P. Grigoryev's scientific school and were further expanded. This fact explains the attention to the problems of linguistics poetics considered during the four Grigoryev readings (2015, 2018, 2020, 2022). A series of reports and publications of the reading materials presents a cognitive discourse analysis of poetic texts, completed based on the considerable data extracted from the National corpus of Russian.

Keywords: categorical apparatus, linguistic poetics, scientific school, poetic discourse, Grigoryev readings.

Категориальный аппарат – это система взаимосвязанных понятий, отражающих свойства изучаемого объекта. Расширение категориального аппарата – процесс сложный, не одномоментный, и ощутимые изменения осуществляются, как правило, в период перехода от одной научной парадигмы к другой. При этом действует принцип дополнительности – применимости разных подходов на пути к пониманию целостности изучаемого объекта. Категориальный аппарат совершенствуется на основе базовых характеристик, которые формировались в течение длительного времени.

Союз лингвистики и поэтики зафиксирован в работах Р. Якобсона, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, имеющих название «Лингвистика и поэтика». Для формирования категориального аппарата лингвистической поэтики значимы работы исследователей отдела стилистики и языка художественной литературы Института русского языка РАН, возглавляемого до 2002 г. В. П. Григорьевым. В предисловии к сборнику «Язык как творчество» о Викторе Петровиче сказано: «Яркий, азартный человек, смелый новатор и экспериментатор, блестящий полемист, внимательный и бесконечно доброжелательный учитель» [6, с. 5]. Научная биография выдающегося ученого – это путь от научной проблемы к научному направлению и к научной школе. Работы исследователей отдела составили золотой фонд идей, важных для теории и практики лингвистической поэтики. В условиях продуцирования новых знаний, апробации новых методов интерпретации художественных текстов определялись перспективы развития лингвистической поэтики.

Участники научной школы В. П. Григорьева, ставя задачу изучения конкретных единиц поэтических текстов, последовательно осуществляли установку на расширение понятия контекста. Так, Н. А. Кожевникова в заключающем введении к монографии «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века» абзаце говорит о методологии «преодоления границ»: «...описание языкового материала начинается в работе с мельчайших единиц текста – слов и тропов – и продолжается как анализ все более крупных словесных объединений – стихотворения, цикла стихотворений, сборника и т. д.» [1, с. 6].

Время показало, насколько велик потенциал лингвистической поэтики, объединившей представителей едва ли не всех областей гуманитарного знания. Открывая международную научную конференцию «Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия» (Институт русского языка РАН, 24–28 мая 2007 г.), Н. А. Фатеева обратила внимание на то, что лингвистическая поэтика все более вовлекает в свою сферу активно развивающиеся в последнее время смежные области лингвистического и гуманитарного знания: семиотику, логический анализ языка, семантику возможных миров, когнитивистику, теорию речевых актов, философию языка. Именно меж-

дисциплинарный подход, позволивший расширить инструментарий анализа поэтических текстов, способствовал обогащению категориального аппарата лингвистической поэтики. Со временем «крупные словесные объединения» получали функциональную интерпретацию с учетом социальных, психологических, прагмалингвистических факторов. Постепенно наука осваивала путь от лингвистики текста к лингвистике дискурса.

Дефиниции поэтического дискурса включают разнообразный набор признаков: общение, насыщенное глубинными переживаниями в эстетически маркированных знаках (В. И. Карасик); лингвокогнитивный и лингвокультурный феномен, продукт нестандартного мышления и читательской интерпретации (И. И. Чумак-Жунь); семантическое пространство, складывающееся на основе диалектического взаимодействия «автор – текст» и «читатель – текст» (Н. В. Монгилева). В аспекте креативной прагматики предлагается определять поэтический дискурс как «совокупность поэтических высказываний (текстов), которые характеризуются специфической референцией к художественной реальности и плану выражения, особой формой поэтического “Я”, комплексными стратегиями субъективации и адресации» [5, с. 90]. При таком подходе в алгоритм анализа поэтического дискурса включаются: языковая креативность, трансформирующая языковую систему; факты семантически значимого межуровневого взаимодействия; описание роли дискурсивных слов в организации нелинейной композиционной структуры поэтического текста и др.

Расширению категориального аппарата лингвистической поэтики в когнитивно-дискурсивном направлении способствует внимание исследователей к смыслопорождающим возможностям неязыковой проекции языковых единиц; к описанию каждого уровня языковой структуры с учетом референции как к тексту, так и к контексту; к коммуникативно значимым элементам текста. В дискурсивном движении происходит эволюция практик интертекстуальности [2]; выявляются процессы инердискурсивного взаимодействия [4]; происходит актуализация социального контекста через сочетание вербализованных и невербализованных способов смыслообразования.

Поэтический язык – язык с установкой на эстетически значимое творчество. Григорьевские чтения реализуют эту методологическую установку, и ученые разных поколений принимают участие в совершенствовании категориального аппарата лингвистической поэтики.

Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты (2015). Эвристический потенциал эстетического обнаруживается в открытиях новых закономерностей в устройстве поэтического текста, в продуктивности творческого мышления. Прагматический подход к стихотворному тексту ориентирует на связь языкового материала с категорией субъекта. Интерсубъективные свойства поэтического дискурса проявляются в организации поля персональности, в котором центральное место занимают местоимения.

Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики (2018). Развитие понятийного аппарата неологии ощутимо в самом перечне аспектов исследования новообразований: неология и смыслотворчество; неология и неография; неология в когнитивно-дискурсивной парадигме; идиостилевая неология. Энергия неологической активности – одно из важных свойств современного поэтического дискурса, в котором во множестве представлены неологические аспекты дискурсивной практики (например, в случаях событийных неологизмов).

Третьи Григорьевские чтения. Текст – идиолект – идиостиль (2020). Увеличение подходов к описанию идиостиля через его когнитивные характеристики, через описание авторской концептосферы и моделей трансформации культурных концептов. Вводится понятие «корпусная модель идиостиля». Анализ большого объема данных позволяет выявить эволюционные закономерности в поэтической семантике языковых единиц, проявленных в синтагматических и прагматических отношениях.

Четвертые Григорьевские чтения. Семантические преобразования в художественном тексте (2022). Различные способы и типы семантических преобразований: тропеическое словоупотребление; лексико-семантические поля, отличающиеся от общеязыковых; семантические преобразования эмоций; звукосмысловые метаморфозы и др. – получают многостороннее описание. Проявленное внимание к макроконтексту неизбежно вводит в интерпретацию дискурсивный компонент анализа. В докладе «Паттерн и дискурсивные модели в новейшей поэзии» (Е. В. Самостиенко) представлен новый инструментарий – рассмотрение новейшей русской поэзии с точки зрения исторической динамики дискурсивных моделей в контексте цифровой культуры.

Показателен пример расширения предложенного В. П. Григорьевым понятия «паронимическая аттракция»: от формально-семантического анализа к когнитивно-дискурсивному. Обратим внимание на вывод, который делает О. И. Северская в статье «“Новые” слова и смыслы: системные и функциональные возможности паронимической аттракции»: «новые» слова и смыслы чаще всего рождаются не в тексте, а в дискурсе, между гово-

рящим и слушающим, пишущим и читателем [3, с. 234]. Поддержку дискурсивного подхода можно усмотреть в другой статье этого автора – «О женщинах, нежности и нужности в паронимических формулах русской поэзии» (статья принята в печать и выйдет в очередном номере журнала «Мир русского слова»): «Рассмотренная парадигма паронимов-аттрактантов, безусловно, может быть названа устойчиво воспроизводимой как в отдельных идиолектах, так и в поэтическом языке в целом на протяжении трех веков развития русской поэзии».

Итак, исследования в области лингвистической поэтики наполняют новыми данными понятие «поэтический дискурс». В интерпретацию процессов, происходящих в поэтическом языке, включается лингвокогнитивный уровень описания семантики языковых единиц, выявляются скрытые мотивировки не только выбора слова, но и выбора модели корреляции слов в рамках общего семантического поля стихотворения. Работа с большими данными, корпусные исследования способствуют вхождению поэзии в дискурсивное пространство: появляется возможность установить различия между эволюцией и диахронией, выявить новаторские тенденции в организации стихотворного текста.

Список литературы

1. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. Москва : Наука, 1986.
2. *Лушникова Г. И.* Амбивалентность интертекстуальных значений в поэтическом дискурсе / Г. И. Лушникова, Л. Н. Синельникова // *Дискурс-Пи* : научный журнал. 2017. № 2 (27). С. 58–67.
3. *Северская О. И.* «Новые» слова и смыслы : системные и функциональные возможности паронимической аттракции // *Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 19 : материалы междунар. науч. конф. «Вторые Григорьевские чтения: Неология как проблема лингвистической поэтики». Москва, 2019. С. 229–237.
4. *Соколова О. В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Гнозис, 2014.
5. *Соколова О. В.* Креативная прагматика поэтического дискурса / О. В. Соколова, Е. В. Захаркив // *Критика и семиотика*. 2021. № 2. С. 88–106.
6. *Язык как творчество* : [сб. науч. трудов] : к 70-летию В. П. Григорьева / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва : ИРЯ, 1996.

М. А. КУРБАКОВА ©

Московский политехнический университет, Россия

kurbakovamarina@gmail.com

АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ МИХАИЛА БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

В статье уделяется внимание эстетической категории как одному из аспектов концепции М. М. Бахтина и инструменту эстетического анализа. Столетие назад в литературе основной установкой была гармоническая целостность содержания и формы классического произведения, впоследствии начался процесс трансформации понятий искусства, эстетики и восприятия читателем художественного произведения. При анализе произведений в этих реалиях имеет смысл выводить понятие эстетической категории на ближний план.

Ключевые слова: эстетическая категория, модус художественности, инструментарий эстетического анализа, архитектоника, сублитература.

Kurbakova Marina Andreevna, Moscow Polytechnic University, Russia
kurbakovamarina@gmail.com

Aspect of Mikhail Bakhtin's concept in modern perception

The article focuses on the aesthetic category as one of the aspects of the concept of M. M. Bakhtin and an instrument of aesthetic analysis. A century ago, in literature, the main setting was the harmonic integrity of the content and form of a classical work; subsequently, the process of transforming the concepts of art, aesthetics, and the reader's perception of a work of art began. When analyzing works in these realities, it makes sense to bring the concept of an aesthetic category into the foreground.

Keywords: aesthetic category, artistly mode, aesthetic analysis tools, architectonics, sub-literature.

М. М. Бахтин, русский литературовед и философ, является, прежде всего, создателем теории европейского романа, концепции полифонизма и романских жанров, эпических форм повествования, предполагающих ситуации встречи различных ценностных активностей, голосов, способных слышать и отвечать друг другу. По этой теме уже представлены многочисленные дальнейшие исследования, она достаточно основательно разработана. Помимо этого, обращает на себя внимание его эстетическая оценка художественного произведения в аспекте модусов художественности или эстетических категорий. В духе концепции «включенности внеэстетических ценностей в художественное произведение» содержание произведения искусства рассматривается М. М. Бахтиным как «действительность, а форма – как авторская активность, реализующаяся в словесном материале: ценностная активность автора отвечает активности героя, извне организуя и завершая ее» [2, с. 36].

В основе этой оценки лежит эстетическая категория (модус художественности) – термин, с помощью которого можно охарактеризовать одновременно «различные стороны литературного текста как знаковой системы, как целостного эстетического объекта: 1) прагматический аспект (эмоционально-волевая реакция нарратора и читателя на изображаемый мир; исторический, историко-культурный, историко-литературный фон), 2) семантический аспект (тематизация и проблематизация эстетических феноменов внутри произведения, определенного характера поступков персонажей, репрезентация этих тем и проблем), 3) синтаксический аспект (оригинальное сочетание знаков на оси высказывания, создающее эстетический эффект)» [6, с. 57].

Эстетические категории образуют «сетку», которая является, по сути, главным инструментарием при таком подходе к анализу произведения. Примечательно, что «сетка» существенно не отличается в различных работах литературоведов. «Основной набор категорий таков: героическое, трагическое, сентиментальное, комическое (сатирическое, юмористическое, ироническое, саркастическое); не во всех концепциях встречаются драматическое, романтическое, прекрасное, возвышенное, идиллическое, элегическое, но при этом негласно существуют» [6, с. 57].

Необходимо отметить, что ранее идеи Бахтина в этом аспекте никогда не принимали однозначно положительно, считая, что уязвимость такого подхода в его формальности. В 1926 г. В. Н. Волошинов упрекал Михаила Михайловича, утверждая: «Поэтическое произведение является для него словесным материалом, просто определенным образом организованной формой. При этом слово берется не как социологическое явление, а с отвлеченно-лингвистической точки зрения» [4, с. 75]. Бахтин подвергался критике за такой подход, он ее не принимал, утверждал, что литературное произведение изначально «имманентно социологично»: «В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [4, с. 75].

Сейчас, по прошествии столетия, очевидно, что и школа Бахтина, и приверженцы формального подхода боролись практически за одни и те же идеи: высокую художественность литературы (искусства), ее органическую несводимость к идеологическим эквивалентам, суррогатам или натуралистическому фотографированию действительности. В то время иначе еще быть не могло, так как в литературе основной установкой была гармоническая целостность содержания и формы классического произведения, то, что Достоевский называет «согласием» идеи и формы, в которую она воплощена [5, с. 60], а также включенностью в традицию. При этом традиция понимается и как момент устойчивости, преемственности, и как широкий контекст влияний, выступающий условием полноты и богатства развития классического искусства.

Изначально и по Бахтину «в художественном произведении как бы две власти и два, определяемых этими властями, “правопорядка”: каждый момент может быть определен в двух ценностных системах – содержания и формы, ибо в каждом значимом моменте эти системы находятся в существенном и ценностно-напряженном взаимодействии» [2, с. 36]. Этот акт взаимодействия содержания и формы создает архитектурную форму произведения, его внутреннюю смысловую границу – эстетический объект. Эта граница является не внешней, а именно внутренней, внутренним архитектурным центром литературной формы.

Иначе дело обстоит в настоящее время. Наблюдается и новая девальвация научной эстетики, отмеченная в свое время М. М. Бахтиным. Изменилось самое понятие эстетики и восприятия искусства, и литературы в частности. Литературы, которая не направлена на указанное Достоевским «согласие» идеи и формы, когда их единство и баланс распадается, литературы, устроенной по иным принципам. Но при этом часто, цитируя Бахтина, «остаётся цельность художественной реальности, предполагающая внутреннее единство эстетической ситуации», какой бы эстетической категорией она не была обусловлена. Классическая форма при этом порой становится ретранслятором если не без-образного, то «энергии непредставимого» [3, с. 45]. Центров «правопорядка»

может быть не два, а один, что и лежит в основе успешного бестселлера. Основной посыл критики подобной литературы состоит в следующем: а насколько художественно это произведение?

В частности, обращаясь к истории, очевидно, что процесс трансформации архитектоники произведения проявился давно. В свое время Констанцская школа Рецептивной эстетики (работы исследователей Х. Р. Яусс, В. Изер и др.) поставила обновление и расширение литературоведческого анализа путем введения в схему литературно-исторического процесса новой самостоятельной инстанции – читателя. Она же ставила своей задачей и значительное расширение сферы эстетического освоения действительности, включая в нее наряду с «высокими» жанрами и «сублитературу» [7, с. 34–84]. Яусс, представитель школы, выстраивал такой подход, который, по его видению, должен был устранить разрыв между историей и эстетикой. *Таким образом, понятие сублитературы появилось еще в 60-е гг. прошлого столетия в Германии.*

На современном этапе развития эстетики важной видится дальнейшая классификация перечня категорий, расширение корпуса эстетических категории, который требует дальнейших дополнений внутри базовой сетки. Тем не менее все модусы художественности разделяются на две общие группы явлений – «возвышенное» и «низменное». Это деление опирается на уже длительное противостояние элитарной и низовой культуры и обусловлено разграничением тем, сюжетов, художественных приемов и читательских реакций на произведения.

Если же анализировать современное литературно-художественное произведение прежде всего с точки зрения эстетической категории (или эквивалентного понятия модуса художественности), открываются интересные ракурсы его понимания, нюансы интерпретации и восприятия читателем, схема писательского замысла. Подобный анализ произведения часто раскрывает суть современного бестселлера, в котором, к примеру, идея нарочито примитивна, а форма – новаторская, особая, нетрадиционная; или наоборот, когда идея значительна, а форма примитивна. Однако превалирует в произведении идея или же его форма, в любом случае ни одно произведение не может не позиционировать определенную эстетическую категорию, лежащую в его основе, даже если оно в полной мере отражает распад цельности мировосприятия.

Более того, в аспекте анализа модусов художественности и эстетического подхода можно обнаружить нюансы литературоведческого анализа и в классической литературе, особенно в аспекте компаративистики, анализируя писателей, преемственность традиции у которых совершалась не по прямой траектории, а социально-исторический ракурс творческого наследия уже тщательно изучен. Примером могут служить Пушкин и Тургенев; пушкинская традиция у Ивана Сергеевича, безусловно, очевидна, но помимо множества реминисценций в раннем творчестве иные сходства бывает трудно сформулировать. Тем не менее эстетический анализ обнаруживает дополнительные моменты их максимального сближения. Оба писателя исповедуют нерушимый в то время эстетический принцип связи прекрасного и добра. Пушкин является бóльшим отражателем идеи «чистой красоты», Тургенев – поклонником идеи идентичного построения жизни Природы и человека. Одновременно эстетика Тургенева в той же мере классическая, идеально возвышенная, утверждающая приоритет красоты в искусстве, его чистоту. Если излагать тезисно, эстетика Тургенева более статична, менее активна, хотя с пушкинской их объединяет народность и социально-политическая тематика. Философская эстетика Пушкина более однородная, кантовская, светлая, лучезарная и энергичная. Художественная эстетика Тургенева представляет больший симбиоз, синтез разных исторических типов искусства, с более значимым элементом пессимизма в отношении фатальности бытия. *Эстетический мир произведения не зависит от характера посыла в фокусе творчества этих писателей: позитивный и жизнеутверждающий или элегичный, пессимистичный одинаково мощны по силе воздействия на читателя, эта разница не умаляет эстетики произведения.* Кроме того, и для тургеневской элегии, и для пушкинской идиллии свойственна определенная эстетическая статичность произведения, та или иная картина запечатленной красоты, что также сближает этих двух творцов.

Еще один пример – Тургенев и Достоевский. Краткий эстетический анализ позволяет быстрее сформулировать различия, возможно, добавляет нюансы к пониманию причин конфликта этих двух великих писателей-современников, обнаруживая, помимо того что один славянофил, а другой западник и отношение к религиозным вопросам у них неодинаковое, совершенно разный подход к созданию литературного произведения. В аспекте модуса художественности обращает на себя внимание, что Тургенев более ориентируется на прекрасное, элитарное; Достоевский же, будучи признанным в мире классиком, одним из первых будто зачерпывает слой низменных сторон человека, выворачивает его наизнанку, заставляет задуматься о себе и спасении души, о маленьком человеке, об особой работе над десятью заповедями, говорит не с позиций «тайного психологизма», не нарушающего модус «художественно-прекрасного», а во весь голос, перечеркивая тургеневский творческий подход росчерком пера.

Список литературы

1. *Андреева Е. Ю.* Формально-тематическая эволюция актуального искусства второй половины XX века : автореф. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2005. 32, [4] с.
2. *Бахтин М. М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва, 1975. С. 6–71.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского (1929). Киев : Next, 1994. (URL: М.М.Бахтин. Проблемы творчества Достоевского (booksite.ru).)
4. *Волошинов В. Н.* Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической политики // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267.
5. *Достоевский Ф. М.* Г-н -бов и вопрос об искусстве // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 11. Ленинград, 1993. С. 47–87.
6. *Красильников Р. Л.* Об эстетическом анализе художественной литературы // Вестник Вологодского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 2. С. 56–60.
7. *Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения / предисл. и пер. с нем. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

А. А. ЛЕБЕДЕВ ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
perevodchik88@yandex.ru

Н. Д. МОСКИН ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
moskin@petsru.ru

А. А. РОГОВ

Петрозаводский государственный университет, Россия
rogov@petsru.ru

МЕТОДЫ АТРИБУЦИИ АНОНИМНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ (КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД)

В статье рассматриваются основные методы, связанные с атрибуцией анонимных литературных текстов, которые применяются в разработанной в ПетрГУ системе СМАЛТ. Перечислены пять основных подходов: метод «Дерево решений», метод «Лес решений», метод сильного графа, рекуррентные сети, модель «Трансформер». Проанализированы полученные при помощи данных методов результаты. Сделан вывод о том, что хотя такие методики статистического анализа не являются универсальными, они все же могут быть использованы в качестве дополнительного инструмента, способного значительно расширить традиционные атрибутивные методы.

Ключевые слова: СМАЛТ, дерево решений, лес решений, сильный граф, рекуррентная сеть, трансформер.

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich, Petrozavodsk State University, Russia
perevodchik88@yandex.ru

Moskin Nikolai Dmitrievich, Petrozavodsk State University, Russia
moskin@petsru.ru

Rogov Aleksandr Aleksandrovich, Petrozavodsk State University, Russia
rogov@petsru.ru

The article discusses the main methods associated with the attribution of anonymous literary texts, which are used in the SMALT system developed at PetrSU. Five main approaches are listed: the decision tree method, the decision forest method, the strong graph method, the recurrent network, the Transformer model. The results obtained using these methods are analyzed. It is concluded that although such methods of statistical analysis are not universal, they can still be used as an additional tool that can significantly expand traditional attributive methods.

Keywords: SMALT, decision tree, decision forest, strong graph, recurrent network, transformer.

Применяемые методы атрибуции литературных текстов (как собственно филологические, так и математические) традиционно вызывают несогласие и возражения от специалистов. Этому есть множество причин: излишняя предусмотрительность, связанная с выбором текстов для анализа; неверно выбранные параметры распределения случайных величин; попытки «подогнать» исследование под нужный результат; несоразмерность лингвистического материала поставленным задачам и т. д. Таким образом, не существует единой бесспорной методики, которая позволяла бы определить автора текста однозначно.

С конца XX в. в Петрозаводском государственном университете формируется информационная система СМАЛТ («Статистические методы анализа литературных текстов»), с помощью которой может быть выполнен разбор текстового материала, произведены нужные расчеты, а данные представляются в удобном виде для конечного пользователя. Специалисты задействуют в решении задач по атрибуции текстов разные методики: «Дерево решений» (decision tree), «Лес решений», метод сильного графа, рекуррентные сети, модель «Трансформер». Идея использования комбинации методик в определении вопроса атрибуции анонимных литературных текстов возникла в ходе работы над проектом РФФИ «Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах “Время”, “Эпоха” и еженедельнике “Гражданин”» с 2018 по 2021 г. на базе Петрозаводского государственного университета [1].

1. Метод «Дерево решений»

«Дерево решений» – ациклический граф, по которому осуществляется классификация текстов, описанных при помощи набора признаков. В каждом из узлов подобного дерева располагаются условия ветвления по определенному признаку; классификация подразумевает переход от узла к узлу с учетом значения признаков объекта. «Деревья решений» могут быть задействованы для решения разных задач: собственно атрибуции текста, выявления сильных позиций в тексте, поиска неоднородных фрагментов текста.

Метод «Дерево решений» был использован для анализа начал предложений в творчестве Ф. М. Достоевского. В ходе работы были выявлены следующие комбинации наиболее значимых для Ф. М. Достоевского частей речи:

- 1) «местоимение + частица» первой и второй частью речи;
- 2) «частица» первой частью речи;
- 3) «глагол» первой частью речи;
- 4) «модальное слово» первой частью речи.

2. Метод «Лес решений»

Если построение одного «дерева решений» оказывается недостаточным, то для получения более достоверных результатов объем эталонных текстов может быть существенно увеличен. Метод «Дерево решений» в этом случае приводит к возникновению проблемы несбалансированности данных, а поэтому более эффективным вариантом становится использование метода «Лес решений». «Лес решений» представляет собой комбинацию нескольких деревьев, а потому может быть эффективным инструментом попарного различия индивидуально-авторских стилей.

3. Метод сильного графа

Классическая методика сильного графа предусматривает рассмотрение матрицы частот парной встречаемости грамматических классов слов А. Чтобы построить матрицу А, нужно:

- 1) определить систему грамматических классов, способную детально описать специфику языка определенного жанра и времени;
- 2) конвертировать слова текста в последовательность грамматических классов с учетом заранее выбранных обозначений;
- 3) подсчитать, насколько часто встречаются пары обозначений с учетом того, как разворачивается текст.

Формализация алгоритма с опорой на теорию графов подробно описана в [1].

На последнем этапе алгоритм сравнивает друг с другом «сильные» графы текстов и оценивает, насколько они близки и схожи друг с другом.

4. Рекуррентная сеть

Вычислительные мощности современной техники вкупе с увеличением количества обрабатываемых данных привели к тому, что одним из актуальных методов решения самых разных научных задач стали нейронные сети. Рекуррентная сеть вкупе с модификациями стали одним из типичных методов, позволяющих решать задачу по обработке естественного языка. В ПетрГУ в работе задействуются две модели с модификациями: обычная рекуррентная сеть и параллельная рекуррентная сеть (проектируемая с учетом конкретных задач по атрибу-

ции). Алгоритмы векторизации текстов стали востребованными благодаря учету контекста слов и простоте использования. В исследовании был применен GloVe [2], ищущий зависимости между присутствующими в тексте словами. А сам словарь для текстов в дореволюционной орфографии был сформирован на текстах, которые были доступны до начала обучения. Моделями для экспериментов стали рекуррентная сеть без модификаций и с LSTM-ячейками.

5. Модель «Трансформер»

Модель «Трансформер» [4] – одна из наиболее интересных методик в сфере обработки естественного языка. Данное решение является простым и в то же время эффективным. Значимый плюс модели «Трансформер» – возможность определять долгосрочные зависимости, имеющиеся в структуре данных, не последовательно, а при работе с текстом целиком (это значимый плюс в сравнении с рекуррентными сетями). В сочетании с распараллеливанием вычислений «Трансформер» может обучаться на сотнях тысяч текстов, а в перспективе генерировать новые [3]. Но поскольку специфика исследований, проводимых на базе ПетрГУ, предусматривает ограниченное количество текстов, в работах используется менее сложная модель в сравнении с оригинальным «Трансформером».

Разные методики давали разные по качеству и степени применения результаты [1]:

1) с помощью методов «Дерево решений» и «Лес решений» удалось получить данные, позволяющие выявлять сильные позиции текста и искать неоднородные фрагменты текста;

2) использование метода сильного графа, учитывающего расположение частей речи в рамках предложения, не может позволить однозначно атрибутировать те статьи, чье авторство не определено. Однако при выборе определенного набора параметров эталонные (атрибутированные) статьи разных авторов могут быть разделены между собой, а потому метод сильного графа может быть применен в комплексном анализе задачи атрибуции текстов;

3) выполненные исследования подтвердили возможность применения «Трансформера» для определения в тексте чужеродных фрагментов (которые могут не принадлежать автору). Однако использование данной методики требует привлечения существенно большего объема данных, позволяющих обучить механизм.

Таким образом, на данный момент полученные результаты не могут быть восприняты как некий универсальный инструмент, позволяющий решить проблему атрибуции. В частности, метод «Лес решений» и модель «Трансформер» в ходе работы были склонны к «переобучению», что способствовало нестабильности получаемых результатов. Однако полученные данные все же открывают целый ряд значимых направлений в работе над атрибуцией анонимных статей с учетом корректировок традиционного текстологического типа (анализ документальных источников, учет стилистики текста, тематики и т. п.). При этом такие методики статистического анализа могут быть дополнительным инструментом, существенно расширяющим традиционные атрибутивные методы.

Список литературы

1. *Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин»* : монография / А. А. Рогов, Р. В. Абрамов, Д. Д. Бучнева [и др.]. Петрозаводск : Острова, 2021. 391 с. : ил. ISBN 978-5-98686-125-8.
2. *Pennington J. Glove: Global vectors for word representation* / J. Pennington, R. Socher, C. D. Manning // *Proceedings of the 2014 conference on empirical methods in natural language processing (EMNLP)*. 2014. P. 1532–1543.
3. *Radford A. Language models are unsupervised multitask learners* / A. Radford, J. Wu, R. Child, D. Luan, D. Amodei, I. Sutskever // *OpenAI Blog*. 2019. Vol. 1. № 8.
4. *Vaswani A. Attention is all you need* / A. Vaswani, N. Shazeer, N. Parmar, J. Uszkoreit, L. Jones, A. N. Gomez, L. Kaiser, I. Polosukhin // *31st Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2017)*. 2017. P. 5998–6008.

«ОПЫТ РИТОРИКИ» И. С. РИЖСКОГО КАК ИТОГ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ КРАСНОРЕЧИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА¹

В статье рассматривается работа И. С. Рижского «Опыт риторики», представляющая собой итог эволюции риторических штудий XVII–XVIII столетий. Анализируется типология риторических приемов, представленных в известных трактатах предшествующей эпохи, актуализируется важность трудов И. С. Рижского в разработке курсов российской словесности, поэтики и красноречия.

Ключевые слова: И. С. Рижский, диахроническая риторика, красноречие, поэтический синтаксис, тропы и фигуры.

Patroeva Natal'ya Viktorovna, Petrozavodsk State University, Russia

nvpatr@list.ru

The present article discusses the work of I. S. Rizhsky "The Experience of Rhetoric", which is the result of the evolution of rhetorical works of the XVII–XVIII centuries as an original scientific work. The typology of rhetorical devices presented in the famous treatises of the previous era is analyzed, the importance of the works of I. S. Rizhsky in the development of courses in Russian literature, poetics and eloquence is updated.

Keywords: I. S. Rizhsky, diachronic rhetoric, eloquence, poetic syntax, tropes and figures.

Мы сами утешены тем, что и нас некогда вспомнят (А. Ф. Мерзляков)

В сентябре 1806 г. на заседании петербургского «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1801–1826) было заслушано сообщение о письме ректора Харьковского университета, члена Императорской академии наук Ивана Степановича Рижского с благодарностью за его избрание почетным членом ВОЛСНХ; к письму прилагалось второе издание книги «Опыт риторики» в качестве подарка для библиотеки Общества [3]; первое издание [4] И. С. Рижский опубликовал в 1796 г.

Из воспоминаний современников мы узнаем об Иване Рижском, что, «будучи поклонником славянско-русского слова, он не любил, когда было употребляемо иностранное выражение там, где ту же мысль можно было передать словами русскими, и часто на лекции говорил: “Можно ли то выразить на французском щебетнике, что выражается сильным, точным, метким, благозвучным славянским языком?..” В филологических понятиях Рижский вообще держался механической теории Бросса, долго у нас господствовавшей; любимым русским писателем его был Дмитриев; о русской стилистике разделял он мнения Шишкова; в лекциях по теории словесности Рижский пользовался, главным образом, французскими энциклопедистами и любил ссылаться на Вольтера; основывал также свои рассуждения на сочинениях Эшенбурга, Блера и Зульцера» [5].

Сочинение И. С. Рижского явилось итогом эволюции российских риторических штудий XVII–XVIII вв. – обобщением, во многом подготовленным под влиянием «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова, однако теория красноречия в изложении Ивана Рижского предстает в виде оригинального сочинения, а не слепого и бездумного подражания предшественникам. Оригинальное лицо риторики Рижского легко доказать, сопоставив определения тропов и фигур речи и мысли, а также типологии риторических приемов, представленных в известных трактатах предшествующей эпохи – см. табл. 1 и 2.

Таблица 1

Дефиниция тропов и фигур в риторических трактатах XVIII в.

<i>Источник</i>	<i>Определение фигуры</i>	<i>Определение тропа</i>
Митрополит Стефан (Яворский). Риторическая рука (1705)	Фигура (образ) есть украшение некоего слова, отделенная от общия и простонародных беседы художества. Или фигура есть не простонародный глагольный образ, красоту слова приносящий. Разньствует от тропоса, понеже тропос бывати обыче в речах пренебесных (пренесенных), а фигура быти может еще в речах свойственных (с. 48)	Тропос есть глагола или слова от свойственного знаменования в чуждее с силою премена (с. 33)

Феофан Прокопович. De arte rhetorica libri X (1706) <i>Прокопович Ф.</i> Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Венденская. Москва ; С.-Петербург : Альянс-Архео, 2020. 488 с.	Фигуры греки называют schemata, т. е. образы, потому что как краски украшают картину и картины – стену, так они украшают речь; поэтому фигурой называется всякий способ выражения, отличающийся от обычного в смысле большей изысканности и изящества (с. 235)	Под «фигурами» здесь я понимаю также тропы... (с. 235)
Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию (1744–1747) <i>Ломоносов М. В.</i> Краткое руководство к красноречию // ПСС. Москва ; Ленинград, 1952. Т. 7. С. 89–318	...Слово риторическое, хотя будет... украшено великолепно, без пристойного движения речений и предложений живности в нем никакой не будет... Сие движение состоит в обращении речений и предложений... Такие движения называются фигурами... (с. 238)	Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного знаменования к другому, которые (пренесения) у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений (с. 237)
Рижский И. С. Опыт риторики. Санкт-Петербург : При корпусе чужестранных единоверцев, 1796	...Необыкновенное расположение и подбор или слов, или смыслов называется фигурой (с. 34)	Употребление слов в несобственных значениях, но всегда по причине находящейся между обоими их знаменованиями некоторой связи, называется тропом... (с. 34)

Таблица 2

Классификация тропов и фигур в риторических трактатах XVIII в.

<i>Источник</i>	<i>Тип фигуры/тропа</i>	<i>Перечень риторических приемов</i>
Митрополит Стефан (Яворский). Риторическая рука (1705)	Тропосы в едином слове	Метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, ономатопея, катахриси́с, металипсис
	Тропосы во многих речах	Аллегория, перифрасис, ипербатон, иперболи
	Фигуры словес	1. Фигуры приложения: репетицио (повторение), коверко (обращение), комплексно (сплетение), кондупликацио (усугубление), традукцио (проведение), «многopaдежное», синонимия (соименство), полисиндентон (многосвязное), градацио (лествица). 2. Фигуры отрешения (отгъятия): синекдохи (соотъятие), дисколуцио (отрешение), адъюнкцио (припряжение), дисъюнкцио (распряжение), «двоих вещей различных сопряжение». 3. Фигуры уподобления: парономасия, омиоптон, исколон, антифетон (противоположение), коммутацио (пременение), коррекцио (исправление), дубитацио (сомнение)
	Фигуры сентенции	Вопрошение, обещание, подтверждение, предприятие (проликсис), поправление, недоумение, соприобщение, лицепритворство, обращение, изображение («есть представление»), умолчание, изображение («есть описание»), явление, задержание, отступление, власть («или соизволение»), поущение («или снисхождение»), парендесис («междуположение» с использованием «вместительной» – скобочных пояснений), ирония («или ругание»), поущение, умоление, заклинание, желание, надглашение («или приглашение»), возглашение («призывание»)

Феофан Прокопович. De arte rhetorica libri X (1706)	Фигуры, служащие для поучения	Аллойоза, аналепис, антизевгменон, диазевгменон, аподиокса, апостаза, характеризм, эпаналепсис, эпанод, энергия, этология, горизм, гипотипоза, пролепис, прогипергасия, изречение, рационация, переход
	Фигуры, способствующие услаждению	Анаклаза, антитеза, антитетон, антономасия, хариентизм, хлеуазм, диэрреза, диализа, диафора, эпанортоза, этопея, гомэоза, гипербат, метафора, аллегория, метонимия, ономатопея, оксиморон, палиндромия, парадигма, парембола, парономасия, паронимия, перифраза, синекдоха
	Фигуры, относящиеся к возбуждению чувств	Анакойноза, антистрофа, апострофа, анадиплоза, антипофора, антисагоге, антифраза, афоризм, апо-рия, апосиопеза, климакс, кенота, деесис, эмфаза, эпанафора, эпидиортоза, эпимоне, эпифонема, эпитропа, гипербола, парентеза, патопея, продио-ртоза, плока, полисиндетон, просопея, протропа, сарказм, солют, синхореза, синонимия
Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноре- чию (1744–1747)	Тропы речений	Метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепис
	Тропы предложений	Аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония
	Фигуры речений	Повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзи, бессою- зи, согласование
	Фигуры предложений	Определение, изречение, вопрошение, ответство- вание, обращение, указание, заимословие, умедле- ние, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохож- дение, умолчание, сомнение, зяятие, напряжение, пременение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение
Рижский С. И. Опыт ри- торики. 1796. Ч. 1.	Тропы	Метафора, аллегория, катахрезис, синекдоха, метонимия, металепис, емфазис, гипаллаге, гипербола, ирония, сарказм, хариентизм
	Фигуры слов	Удержание, бессоюзи, избылование, многосою- зи, усугубление, единознаменование, единонача- тие, совокупление, возвращение, восхождение, окружение, наклонение, приложение, соответствие
	Фигуры предложений	Предупреждение, ответствование, уступление, сообщение, прохождение, пременение, отличие, невозможность, наращение, противоположение, разделение, изображение, определение риториче- ское, сравнение, напряжение, поправление, сомнение, заимословие, обращение, вопрошение, умолчание, восклицание, желание

Применяемые в типологии тропов и фигур И. С. Рижским наименования свидетельствуют не только о влиянии ломоносовского руководства, но и о знакомстве автора с латиноязычным трактатом Феофана Прокоповича (особенно это заметно при сравнении перечней фигур речи, «способствующих услаждению» в версии Ф. Прокоповича и тропов у Рижского). Терминология частично обновлена: например, ломоносовский термин «фигуры речений» заменен на «фигуры слов». По-прежнему активно применяется «славянорусское» калькирование древнегреческих и латинских (интерпретируя терминологические новации М. В. Ломоносова, Р. Лахманн отмечает: «Ломоносов добился того, что латинский был вытеснен русским: как в обеих версиях его “Риторики”, так и в его грамматике и стилистике» [1, с. 157]; см. также [2]) наименований риторических приемов; список тропов, состоящий из прямых заимствований, уже устоялся, в отличие от перечня фигур слов и предложений. Количество «фигур предложений» в представлении И. С. Рижского уменьшается в сопоставлении с классифи-

кациями известных предшественников, и процесс этот будет продолжен уже последователями Рижского: многие термины из риторики перейдут в синтаксис предложения, разработчиком которого станут представители логической грамматики XIX в.

Творческое наследие Ивана Степановича Рижского, подытожившее достижения риторики XVIII столетия, стало важным этапом в разработке курсов российской словесности, поэтики и красноречия, а также будущих словарей лингвистических и литературоведческих терминов.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Список литературы

1. *Лакманн Р.* Демонтаж красноречия : риторическая традиция и понятие поэтического / пер. с нем. Е. Аккерман и Ф. Полякова. Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. 368 с.
2. *Матвеев Е. М.* Наименования тропов и фигур речи в русских риториках : М. В. Ломоносов и его предшественники // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.2. P. 565–581.
3. *Протокол ВОЛСНХ* от 30 июня 1806 г. URL: <https://web.archive.org/web/20080831085904/http://www.lib.ru/rus/Volsnx/prot/prot06.html> (дата обращения: 10.01.23). Текст : электронный.
4. *Рижский И. С.* Опыт русской риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. Санкт-Петербург, 1796. [8], 396, XVI, [1] с.
5. *Рижский, Иван Степанович* // *Русский биографический словарь* / под ред. А. А. Половцова. Т. 16. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-16/125> (дата обращения: 10.01.23). Текст : электронный.

О. С. КАЗАКОВЦЕВА ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
olga_danilova90@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПОХВАЛЬНЫХ СЛОВАХ XVIII ВЕКА¹

В статье описывается функционирование атрибутивных словосочетаний в похвальных словах XVIII в. Ф. Прокоповича, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и Г. Бужинского. В панегирических текстах атрибуты широко употребляются в роли однородных членов, в хиастических и антитегических конструкциях. В предложениях с атрибутивными словосочетаниями наблюдаются лексический и синтаксический повторы. Ряды определений способствуют созданию яркого образа Петра Великого и усиливают экспрессивность выражения похвального слова.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Ф. Прокопович, А. П. Сумароков, Г. Бужинский, атрибутивные словосочетания, риторика, порядок слов, панегирик.

Kazakovtseva Olga Sergeevna, Petrozavodsk State University, Russia

olga_danilova90@mail.ru

STYLISTIC USE OF ATTRIBUTIVE PHRASES IN PRAUDIOUS WORDS OF THE 18TH CENTURY

This article describes the functioning of attributive word combinations in the panegyrics of F. Prokopovich, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov and G. Buzhinsky in the XVIII century. In the panegyrics attributes are widely used as homogeneous members, in chiasmic and antithetic constructions. Lexical and syntactic repetition is used in sentences with attributive constructions. Attributive collocations contribute to the creation of a vivid image of Peter the Great and enhance the expression of the panegyric.

Keywords: M. V. Lomonosov, F. Prokovich, A. P. Sumarokov, G. Buzhinsky, attributive collocations, rhetoric, word order, panegyric.

В русском литературном языке XVIII в. еще не было строго закрепившейся нормы словорасположения [9, с. 66], однако в трудах грамматистов того времени (В. Е. Адодурова [6], М. В. Ломоносова [10], А. А. Барсова [5], А. Х. Востокова [7] и Н. И. Греча [8]) находим некоторые объяснения положения тех или иных частей речи.

В данной статье рассматривается использование атрибутивных словосочетаний в качестве стилистического средства в похвальных словах XVIII в.

Материалом для исследования послужили четыре похвальных слова XVIII в.: «Слово на похвалу блаженных и вечнодостоинных памяти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви Живоначальных Троицы, святейшаго правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским» Феофана Прокоповича [3]; «Слово похвальное блаженных и вечнодостоинных памяти государю императору Петру Великому в торжественное празднество коронования ея императорского величества всепресветлейшия, самодержавнейшия, великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийския, говоренное Михайлом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 года» [2]; «Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства ея императорского величества 1759 года» Александра Петровича Сумарокова [4]; «Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе, 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии его императорской фамилии, Сената и Синода и многочисленного народа» Гавриила Бужинского [1].

В середине XVIII в., по наблюдениям И. И. Ковтуновой, в «высоких» жанрах выделяется определенный набор стилистических средств в расположении слов, к примеру: хиазмы, различные виды дислокации и постпозиция качественного прилагательного (однако для этого периода еще трудно говорить о стилистической окраске постпозиции в современном смысле слова, так как не было «строгой системы стилистических противопоставлений») [9, с. 93–110].

Так, в анализируемых памятниках русской словесности находим частое употребление атрибутов в роли однородных членов: *гражданския, воинския и карабельныя архитектуры* [3, с. 135]; *умножающияся учения свободныя, математическия, медицинския, инженерския, артиллерския, геометрическия, навигацкия* [1, с. 59]. Нередко однородный ряд осложняется и лексическим повтором: *искусный мореплаватель, искусный полководец, искусный муж в делах государственных* [4, с. 204].

Интересны примеры соединения лексического повтора с синтаксическим: *Петр – сила наша, которую и по смерти его мужествуем! Петр – слава наша, которую до скончания мира российский род хвалится не престанет!* [3, с. 133].

Прилагательное *великий* – одна из часто используемых лексем в качестве атрибута в похвальных словах. Превазирование этой лексемы объясняется вхождением ее в состав прозвища императора *Петр I Великий*, а также стремлением авторов восхвалить деятельность правителя. Так, любопытен пример организации предложения, в котором употреблены слова с повторяющейся морфемой *-велик-*: *...величайтесея пользоприношениями великой империи, величайтесея престолом великия императрицы, величайтесея именем великого Петра!* [4, с. 203].

Входят атрибутивные словосочетания и в состав антитестических конструкций, подчеркивая, например, противопоставление российского и европейского общественного устройства: *Изобиловаше везде во всех европейских государствах воинское правильное учение, огненное регулярное искусство – не имеяше сего россы; процветаше во Европе искусство корабельнаго художества и мореплавания – сего лишашесея Россия; во всей Европе сияше свет учений свободных, имиже тьма суеверия, ночь забобонства, облак лицемерия прогонитесея, свет же истиннаго евангельскаго правоверия сияет, младенчество правильно воспитываемо бываеет, старость благочестно содержится – и в сем не токмо скудна, но и весьма лишена баше Россия; распространяшесея во Европе законов и прав судейских учение – а в России кроме неких уложений о том и не слышано баше...* [1, с. 57].

Важное место в стилистической организации похвальных слов занимает и хиастическое расположение атрибутов, к примеру... *живущий с неизреченным удивлением радуютесея и с необъемлемою радостию в сердечных сокровищах удивляютесея* [1, с. 52]; *Воина дела домашние, домашние дела войну отягощали* [2, с. 148].

Таким образом, основываясь на проведенных наблюдениях, заключаем, что атрибутивные словосочетания широко применялись в текстах похвальных слов XVIII в. как стилистическое средство для усиления экспрессии и придания тексту торжественности звучания.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Список литературы

1. *Бужинский Г.* Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе, 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии его императорской фамилии, Сената и Синода и многочисленного народа // *Петр I в русской литературе XVIII века.* Санкт-Петербург, 2006. С. 51–61.
2. *Ломоносов М. В.* Слово похвальное блаженныя и вечнодостоинныя памяти государю императору Петру Великому в торжественное празднество коронования ея императорскаго величества всепресветлейшия, самодержавнейшия, великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийския, говоренное Михайлом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 года // *Петр I в русской литературе XVIII века.* Санкт-Петербург, 2006. С. 135–153.
3. *Прокопович Ф.* Слово на похвалу блаженныя и вечнодостоинныя памяти Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви Живоначалныя Троицы, святейшаго правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским // *Феофан Прокопович. Сочинения.* Москва ; Ленинград, 1961. С. 129–146.
4. *Сумароков А. П.* Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства ея императорскаго величества 1759 года // *Петр I в русской литературе XVIII века.* Санкт-Петербург, 2006. С. 199–204.
5. *Барсов А. А.* Российская грамматика. Москва : Изд-во МГУ, 1981.
6. *Василий Евдокимович Адодуров:* «Anfangs-Gründe der russischen Sprache», или «Первые основания русского языка». Санкт-Петербург : Наука : Нестор-История, 2014.
7. *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. Санкт-Петербург : изд. книгопродавца Д. Ф. Федорова, 1874.
8. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Санкт-Петербург : тип. Санкт-Петерб. воспитательного дома , 1827.
9. *Ковтунова И. И.* Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX века. Москва : Наука, 1969.
10. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7 : Труды по филологии, 1739–1758 гг. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952.

А. А. ЛЕБЕДЕВ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
pervodchik88@yandex.ru

СВЯЗЬ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЕМОМ И СИНТАКСИСА МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ М. В. ЛОМОНОСОВА¹

В статье рассматривается связь между риторическими приемами, характерными для творчества Михаила Васильевича Ломоносова, и спецификой синтаксического построения многокомпонентных сложных предложений, характерных для его поэтического творчества. Проанализировано 612 многокомпонентных предложений из 118 текстов стихотворного наследия М. В. Ломоносова, определены основные риторические приемы, характерные для данных типов предложений. Сделан вывод о важной роли риторики как система приемов экспрессивного выражения мысли, оказавшей значительное влияние на поэтический синтаксис изучаемой эпохи.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, диахроническая риторика, М. В. Ломоносов, многокомпонентное сложное предложение.

Connection of rhetorical techniques and syntax of multilateral complex sentences in the poems of M. V. Lomonosov

The article examines the relationship between the rhetorical devices characteristic of the work of Mikhail Vasilyevich Lomonosov and the specifics of the syntactic construction of multicomponent complex sentences characteristic of his poetic work. 612 multicomponent sentences from 118 texts of the poetic heritage of M. V. Lomonosov were analyzed, the main rhetorical devices characteristic of these types of sentences were identified. The conclusion is made about the important role of rhetoric as a system of methods of expressive expression of thought, which had a significant impact on the poetic syntax of the era under study.

Keywords: poetic syntax, diachronic rhetoric, M. V. Lomonosov, multicomponent compound sentence.

Основная задача исследования – проследить возможную корреляцию между типом многокомпонентного сложного предложения и наличием в нем тех или иных риторических приемов на примере творчества Михаила Васильевича Ломоносова. В работе использованы материалы, полученные в ходе составления «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» [3] и в ходе работы над грантом РФ «Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте» на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета.

Перед тем как перейти к статистическому анализу собственно риторических средств и приемов, имеет смысл обратить внимание на распределение многокомпонентных предложений в творчестве М. В. Ломоносова в сравнении с другими авторами (в частности, с А. Д. Кантемиром и В. К. Тредиаковским). Всего было проанализировано 612 многокомпонентных предложений из 118 текстов стихотворного наследия М. В. Ломоносова, их распределение представлено в таблице:

Многокомпонентные сложные предложения в творчестве различных авторов

<i>Тип предложения</i>	<i>А. Д. Кантемир</i>	<i>В. К. Тредиаковский</i>	<i>М. В. Ломоносов</i>
Сложносочиненное	6 (1,3 %)	4 (1,7 %)	2 (0,3 %)
Сложноподчиненное	77 (16,4 %)	16 (6,6 %)	82 (13,4 %)
Бессоюзное	34 (7,2 %)	62 (25,7 %)	107 (17,5 %)
С сочинением и подчинением	73 (15,6 %)	34 (14,1 %)	104 (17,0 %)
С сочинением и бессоюзием	24 (5,1 %)	27 (11,2 %)	64 (10,5 %)
С подчинением и бессоюзием	147 (31,3 %)	55 (22,8 %)	197 (32,2 %)
С тремя типами связи	108 (23,0 %)	43 (17,8 %)	56 (9,2 %)
<i>Всего предложений</i>	469 (100,0 %)	241 (100,0 %)	612 (100,0 %)

Исходя из полученных данных, можно наблюдать актуализацию бессоюзия в творчестве М. В. Ломоносова в сравнении с сочинением и подчинением (хотя и меньшую в сравнении с В. К. Тредиаковским в ранних произведениях, по крайней мере, ориентировавшегося на сближение поэтического языка с живой разговорной стихией, но потом поменявшего свой взгляд на роль церковнославянского лексического грамматического строя в формировании норм нового русского литературного языка). Также бросается в глаза сравнительно небольшое количество конструкций, включающих в себя сразу три типа связи (сочинение, подчинение и бессоюзие) в соотношении с двумя другими авторами.

Поэтические тексты Ломоносова изобилуют средствами речевой выразительности, что вполне объяснимо в том числе и хорошим знанием риторических приемов поэтом.

Таким образом, актуальным становится вопрос соотношения между средствами речевой выразительности и типом многокомпонентного предложения в творчестве М. В. Ломоносова. Полученные статистические данные, связанные с распределением разных типов многокомпонентных предложений в творчестве Ломоносова, можно сопоставить с используемыми в соответствующих типах конструкций средствами речевой выразительности. При этом нужно иметь в виду, что в одном предложении может встречаться несколько средств речевой выразительности, а также существуют многокомпонентные сложные предложения без средств речевой выразительности (хотя таких предложений мало).

Исходя из полученных данных, можно в целом заметить общую корреляцию между процентным соотношением типов предложений и используемых средств речевой выразительности. Однако, если представить каждое из часто встречающихся риторических приемов по отдельности в виде столбца, можно будет увидеть отклоне-

ния от среднего показателя, порой довольно существенные, что указывает на бóльшую частотность (и, как следствие, бóльшую важность) того или иного средства речевой выразительности для автора.

В ходе исследования были выделены пять основных, наиболее активных средств речевой выразительности (для работы привлекались определения, которые даны самим М. В. Ломоносовым, в соответствии с изданием [2]), более характерных для определенных типов сложных многокомпонентных предложений.

1. Анафора в сложноподчиненных многокомпонентных предложениях; приумножение начальных повторов достигается не только ожидаемым повтором союзов, но и усилительным дублированием знаменательного слова:

*Подобно быстрой как сокол
С руки ловцовой в верх и в дол
Бодро взирает скорым оком,
На всякой час взлететь готов,
Похитить, где увидит лов
В воздушном царстве свой широком,
**Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечной мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.***

(«Первые трофеи Иоанна III, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии» [1, с. 78])

2. Риторический вопрос в бессоюзных предложениях, понимаемый как вопрос большей частью не рассчитанный на ответ и «безответный по своей сущности» (в терминологии Ирины Ильиничны Ковтуновой), выступает как заключительный аккорд фразы:

*Победа твой восход, триумф твой праздник сей,
Монархиня, мы что явим к хвале твоей?*

(«Надпись на иллюминацию, представленную в Москве в день коронавания ее величества апреля 25 дня 1753 года» [1, с. 221])

3. Олицетворение в многокомпонентных предложениях с сочинением и подчинением (один из наиболее активных тропов в стихотворениях М. В. Ломоносова, автор предпочитает комбинировать в пределах одного предложения, даже сравнительно небольшого по количеству строк, сразу несколько олицетворений) затрагивает грамматические центры соседствующих предикативных частей:

*Уже в них **корабли вступают,**
От коих **волны отбегают,**
И **стонет страшный Океан.***

(«Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года» [1, с. 136])

4. Риторическое восклицание в предложениях с сочинением и бессоюзием делает эмоционально выразительным всю протяженную конструкцию:

*Уже горят царей там древние жилища;
Венцы врагам корысть, и плоть их врагам пища!*

(«Письмо о пользе Стекла» [1, с. 240])

5. Риторическое обращение в предложениях с подчинением и бессоюзием (причем обращаться автор может к самым разным адресатам – в частности, к городам, к абстрактным наукам, к астрономическим объектам, а также к предметам, находящимся в ближайшем окружении); при этом обращение нередко одновременно оказывается и тропом – олицетворением (прозопеей):

*Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой **портрет.***

(«Разговор с Анакреоном» [1, с. 273])

Следует отметить, что статистические данные, связанные с распределением средств речевой выразительности по типам предложений, едва ли настолько значимы, чтобы быть использованы в качестве, к примеру, инструмента для определения авторства текстов, особенно на столь малом количественном материале. Однако такие количественные различия могут свидетельствовать о большей предрасположенности автора к тем или иным средствам речевой выразительности в сочетании с различными типами предложений, что в дальнейшем может стать предметом специального изучения со стороны специалиста, занимающегося поэтическим синтаксисом. Более того, полную картину можно получить, только если сопоставить средства речевой выразительности, использованные М. В. Ломоносовым, с другими авторами данного периода (в частности, с В. К. Тредиаковским, А. Д. Кантемиром, А. П. Сумароковым), что и будет реализовано в дальнейшем в рамках проекта «Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте». Можем заключить, что риторика как система приемов экспрессивного выражения мысли оказывала значительное влияние на поэтический синтаксис изучаемой эпохи.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Список литературы

1. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Ленинград : Советский писатель, 1986. (Библиотека поэта; Большая серия). 558 с.
2. *Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич, Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина ; науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев.* Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 632 с.
3. *Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. / под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2 : Ломоносов.* Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с

А. А. МАМЕДОВ©

Иркутский государственный университет, Россия
achmedved@inbox.ru

А. О. ЛАДАТКО©

Иркутский государственный университет, Россия
ladatko01@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

В статье рассматриваются сравнительные конструкции со сравнительными союзами, извлеченные из поэтических и прозаических произведений А. С. Пушкина. Во-первых, представлена структурно-семантическая типология, демонстрирующая специфику отобранного материала: предметы у А. С. Пушкина чаще всего уподобляются друг другу не в связи с тождеством их объективных характеристик, а в результате сходства действий, признаков или ситуаций, связанных с этими предметами. Во-вторых, выявлены и проанализированы образные и необразные сравнения в творчестве А. С. Пушкина; установлено преобладание первых над вторыми в 12,5 раза.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, образное сравнение, необразное сравнение, А. С. Пушкин.

Mamedov Akhmed Alipashevich, Ladatko Anastasiya Olegovna, Irkutsk State University, Russia
achmedved@inbox.ru, ladatko01@mail.ru

Structural, semantic and functional types of similes in A. S. Pushkin's works

The paper discusses comparative structures with comparative conjunctions that were adduced from poetic and prosaic works by A. S. Pushkin. Firstly, the paper proposes a structural and semantic typology that demonstrates particular characteristics of collected material: objects in A. S. Pushkin's works are being compared not because of identity of their intrinsic properties, but due to the simi-

larity of actions, features or situations connected with these objects. Secondly, the authors summarize the results of their analysis of A. S. Pushkin's figurative and non-figurative similes. Predominance of the first ones is stated.

Keywords: simile, comparative structure, figurative simile, non-figurative simile, A. S. Pushkin.

Р. Якобсон утверждал, что у А. С. Пушкина «путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики» [7, с. 462]. Соответственно, по мысли исследователя, словесные тропы у А. С. Пушкина не являются основным источником создания образности. Таким образом, выбор в качестве материала творчества А. С. Пушкина обусловлен необходимостью верификации тезиса Р. Якобсона с помощью применения корпусных методов. В качестве объекта анализа был выбран такой троп, как сравнение, потому что он является одним из самых частотных и к тому же имеет формальный показатель. Цель – выявить структурно-семантические особенности сравнительных конструкций, извлеченных методом сплошной выборки из всех произведений А. С. Пушкина (как поэтических, так и прозаических), и установить соотношение образных и необразных сравнений.

Вслед за А. Б. Летучим в данной работе используется термин *сравнительные конструкции*, который исследователь определяет следующим образом: «конструкции, с помощью которых некоторый предмет, признак или ситуация описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации» [1].

Ю. Ю. Ушакова в своей диссертации выделяет три структурных компонента сравнительной конструкции (субъект сравнения, объект сравнения и признак сравнения) [4, с. 3], а М. И. Черемисина обращает внимание еще и на формальный компонент – показатель сравнения, иначе – сравнительный союз [5, с. 57]. С учетом этого мы выделяем четыре компонента сравнительной конструкции:

- 1) субъект сравнения (то, что сравнивается);
- 2) объект сравнения (то, с чем сравнивается);
- 3) признак сравнения (основание для сравнения);
- 4) показатель сравнения (в нашем случае – сравнительный союз).

Проиллюстрируем эту структуру на следующем примере:

(1) *Её чела я помню покрывало / И очи светлые, как небеса* («В начале жизни школу помню я...», 1830).

В данном контексте субъект сравнения обозначен словом *очи*, объект – *небеса*, признак – *светлые*, показатель сравнения представлен союзом *как*.

В первую очередь обращает на себя внимание разнообразие и частотность сравнительных конструкций в текстах А. С. Пушкина, отобранных с помощью поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) (см. подробнее табл. ниже).

Количественная представленность сравнительных конструкций в творчестве А. С. Пушкина

<i>Союз</i>	<i>Количество вхождений в НКРЯ</i>
Будто	21
Как	716
Как будто	33
Как бы	8
Как..., так...	4
Словно	5
Точно	7
<i>Итого: 794</i>	

Структурно-семантическая типология выявленных сравнительных конструкций строится на основе классификации, предложенной А. Г. Рудневым [2, с. 161–162], и выглядит следующим образом:

- 1) сравнивается один предмет с другим предметом;
- 2) сравнивается одна ситуация с другой ситуацией;
- 3) сравнивается один признак предмета с другим признаком этого же предмета;
- 4) сравнивается одно действие предмета с другим действием другого предмета / этого же предмета.

Заметим, что, во-первых, тип 1 противопоставлен типу 2, а во-вторых, взятые вместе типы 3 и 4 противопоставлены типу 1.

Примером типа 1 может служить следующий контекст:

(2) *Из мертвой главы гробовая змия / Шипя между тем выползала; / Как черная лента, вокруг ног обвилась, / И вскрикнул внезапно ужаленный князь* («Песнь о вещем Олеге», 1822).

Здесь субъект (змея) и объект (лента) сравнения имеют сходство формы, причем это их объективная характеристика, присущая им до процедуры отождествления в рамках данного контекста.

В случае с типами 3 и 4 мы имеем дело с уподоблением таких предметов, которые вне рассматриваемого контекста не могут быть соотнесены. В типе 3 представлен результат сравнения двух признаков одного и того же предмета:

(3) *Всё тот же я – как был и прежде; / С поклоном не хожу к невежде, / С Орловым спорю, мало пью, / Октавию – в слепой надежде – / Молебнов лести не пою* («В стране, где Юлией венчанный...» | Из письма к Гнедичу, 1821).

В данном примере субъект сравнительной конструкции выражен сочетанием местоимения (*я*) *тот* и частицы *же*, а объект – наречием (*я*) *прежде*. Предмет, признаки которого (сейчас и прежде) сравниваются, обозначен личным местоимением 1-го лица ед. ч. *я*.

К типу 4 (количественно наиболее представлен) относятся примеры, в которых уподобляются предметы, не имеющие объективных сходств, но сближаемые в результате сравнения действий, связанных с этими предметами. Причем субъект сравнительной конструкции может быть как в позиции грамматического субъекта (4), так и объекта (5):

(4) *Бесконечны, безобразны, / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре...* («Мчатся тучи, выются тучи...» | Бесы (1830);

(5) *Блажен, кто про себя таил / Души высокие созданья / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувство воздаянья!* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824).

Также к этому типу относятся примеры уподобления разных действий одного лица:

(6) *Пью томно воздух сладострастья, / Как будто слышу близкой глас / Давно затерянного счастья* («Ты вновь со мною, наслажденье...» | Таврида (1822).

Наконец, рассмотрим пример типа 2:

(7) *Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнце, как царедворцы ожидают государя...* («Барышня-крестьянка», 1830).

В данном контексте ситуация восхода солнца уподобляется ситуации ожидания царедворцами встречи с государем.

Следующий интересующий нас аспект рассмотрения сравнительных конструкций А. С. Пушкина – это их функциональная принадлежность. С этой точки зрения выделим образные и необразные (логические) сравнения, определяя их количественный состав и специфику, а также критерии их разграничения.

Как отмечает Ю. И. Юдина, «образное сравнение основывается на уподоблении неравных, относящихся к разным классам предметов, явлений, лиц, имеющих близкие или одинаковые признаки: *Сентябрь [...] был сух и горяч, как сено, вызолоченное солнцем* (Кетро М. Жена-лисица), логическое – соотносит сущности одного класса и выявляет в них тождество общего признака: *Вика, как и я, – мать и домохозяйка [...]* (Спектр В. Чернобелые картинки, немое кино)» [6]. Предварительный анализ всего массива отобранного материала показал, что при отнесении сравнительных конструкций к тому или иному из указанных типов необходимо учитывать следующие обстоятельства: во-первых, в случае совпадения классов, к которым относятся субъект и объект сравнения, нужно определять еще и подкласс; во-вторых, при установлении подклассов следует руководствоваться, например, такой имеющейся в лингвистике типологией субкатегорий предметности:

- 1) лицо (человек);
- 2) натурфакт (явления природы, живые существа);
- 3) артефакт (то, что создано искусственно, с помощью человека);
- 4) отвлеченный предмет (абстрактные явления) (см.: [3, с. 150]).

Продемонстрируем процедуру выделения названных типов сравнения с помощью комментария некоторых из вышеприведенных контекстов. Так, в примере 3 сравниваются признаки лирического героя в настоящее время с этими же признаками в прошлом, поэтому модель данной сравнительной конструкции «лицо (персонаж) – лицо (персонаж)», свидетельствующая (вследствие совпадения и классов, и подклассов) о том, что это логи-

ческое сравнение. В примере 7, напротив, субъекты (ряды облаков, солнце) и объекты (царедворцы, государь) сравнения относятся к разным классам; модель здесь «натурфакт – лицо» (в обоих случаях), поэтому это образное сравнение.

В ходе количественного анализа было выявлено 735 образных сравнений и 59 логических, т. е. первых больше почти в 12,5 раза, что позволяет говорить о сравнениях как о важном элементе идиостиля А. С. Пушкина, в том числе и как об источнике создания художественных образов как в поэзии, так и в прозе.

Список литературы

1. *Летучий А. Б.* Сравнительные конструкции // Русская корпусная грамматика. 2015. URL: Сравнительные конструкции | Русская грамматика (rusgram.ru) (дата обращения: 10.09.2022). Текст : электронный.
2. *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. Москва : Высш. школа, 1968.
3. *Ташлыкова М. Б.* Современный русский язык : морфемика, морфонология, словообразование. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012.
4. *Ушакова Ю. Ю.* Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2005.
5. *Черемисина М. И.* Некоторые вопросы синтаксиса : сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск : [б. и.], 1971.
6. *Юдина Ю. И.* Модели образов сравнений в языке русской художественной литературы конца XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2012.
7. *Якобсон Р. О.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. Москва, 1983. С. 462–482.

О. А. ДИМИТРИЕВА ©

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Чебоксары, Россия
olgaal_79@mail.ru

О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются некоторые особенности интерпретации ситуации винопития в прозе А. П. Чехова: 1) гендерная маркированность; 2) социальная обусловленность, 3) личностная черта, характеристика персонажа, 4) расширение денотативной сферы. Особое внимание уделяется глаголам с семантикой 'употреблять спиртное'. Отмечается, что самыми частотными глаголами являются глаголы *пить*, *выпить* (его видовая пара – *выпивать*), автор использует также просторечные глаголы (*дербалызнуть*, *выкушать*, *насвистаться* и др.).

Ключевые слова: А. П. Чехов, концептуализация, семантика, культура винопития, ментальность.

Dimitrieva Olga Albertovna, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia
olgaal_79@mail.ru

On the conceptualization of the situation of wine drinking in the prose of A. P. Chekhov

The article discusses some features of the interpretation of the situation of wine drinking in the prose of A. P. Chekhov: 1) gender labeling; 2) social conditioning, 3) personality trait, characterization, 4) expansion of the denotative sphere. Particular attention is paid to verbs with the semantics of 'to drink alcohol'. It is noted that the most frequent verbs are the verbs to *drink*, the author also uses some colloquial verbs.

Keywords: A. P. Chekhov, conceptualization, semantics, culture of wine drinking, mentality.

Ситуация винопития описывается в мире художественного произведения по-разному: это часто зависит как от индивидуально-авторских установок и представлений [3], так и от общенационального и универсального способа репрезентации. На вербализацию ситуации винопития оказывают свое влияние активные языковые процессы, а также социальные изменения в период создания произведения.

Обратимся к прозе А. П. Чехова и тезисно отметим следующие особенности в интерпретации ситуации винопития:

1. **Спиртное** может быть **гендерно маркировано**. В рассказе «Женщина с точки зрения пьяницы» (см. также [3]) автор приводит характеристики возраста женщины с помощью названий спиртного и градацию его

в зависимости от степени крепости и качества: *Женица есть опьяняющий продукт, который до сих пор еще не догадались обложить акцизным сбором. На случай, если когда-нибудь догадаются, предлагаю смету крепости означенного продукта в различные периоды его существования, беря в основу не количество градусов, а сравнение его с более или менее известными напитками: Женица до 16 лет – дистиллированная вода. 16 лет – ланинская фруктовая. От 17 до 20 – шабли и шато д'икем. От 20 до 23 – токайское. От 23 до 26 – шампанское. 26 и 27 лет – мадера и херес. 28 – коньяк с лимоном. 29, 30, 31, 32 – ликеры. От 32 до 35 – пиво завода «Вена». От 35 до 40 – квас. От 40 до 100 лет – сивушное масло...*

2. **Спиртное социально обусловлено.** Постоянная мысль А. П. Чехова о том, что не следует забывать, что «за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные», проводится и через указание на бытовые детали, в том числе спиртное. Так, в рассказе «Шампанское (Мысли с новогоднего похмелья)» эстетическое описание напитка, наполненное сравнительными оборотами, воссоздающими визуальный образ, вкусовые характеристики, подчеркивающие общеоценочные свойства: *Оно искрит, как алмаз, прозрачно, как лесной ручей, сладко, как нектар; ценится оно дороже, чем труд рабочего, песнь поэта, ласка женщины* – заменяются этически маркированными характеристиками: *Короче, где радость по заказу, где купленный восторг, лезть, словоблудие, где пресыщение, туняество и свинство, там вы всегда найдете вдову Клико. Нет, подалее от шампанского!*

3. **Спиртное как постоянная характеристика персонажа, его качеств.** А. П. Чехов как мастер детали иногда в описание персонажа вводит вакхическую деталь, подчеркивающую постоянную черту его характера или качества, которые с ним ассоциируются:

(1) [Карнеев] *Граф выпил водку, запил водой и, поморщившись, покачал головой.* – *А ты еще не бросил походя дуть водку!* – *сказал я.* – *Не бросил, Сережа!* – *Ну, хоть брось пьяную манеру морщиться и качать головой!* *Противно* («Драма на охоте»); *Пока мы с ней [Оленькой] беседовали, Митька уже успел два раза поднести графу водки и неразлучной с ней воды... Пользуясь тем, что я на него не смотрю, граф после обеих рюмок сладко поморщился и покачал головой* (Там же); *Маленькие школьники учатся у больших курить папиросы: граф, глядя на меня, налил себе пять рюмок и, согнувшись дугой, сморщившись и качая головой, выпил их* (Там же).

(2) *Лантев выпил рюмку водки и потом стал пить вино, Панауров же ничего не пил. Он никогда не пил и не играл в карты и, несмотря на это, все-таки прожил свое и женино состояние и наделал много долгов. Чтобы прожить так много в такое короткое время, нужно иметь не страсти, а что-то другое, какой-то особый талант. Панауров любил вкусно поесть, любил хорошую сервировку, музыку за обедом, спичи, поклоны лакеев, которым небрежно бросал на чай по десяти и даже по двадцати пяти рублей...* («Три года»).

Манера употребления спиртного графом Карнеевым в повести «Драма на охоте» упоминается на протяжении всей описываемой сюжетной линии, что, во-первых, свидетельствует о постоянном пристрастии графа, а во-вторых, ясным становится негативное, презрительное отношение рассказчика Сергея Зиновьева (Камышева). Во втором примере вводится характеристика героя «он никогда не пил», которая маркируется как противоречащая утверждению «прожил свое и женино состояние» (синтаксически это выражается с помощью уступительного придаточного), что в целом соотносится со стереотипными представлениями о человеке, теряющем свое состояние в результате пристрастия к спиртному, как в предыдущем примере о графе Карнееве.

4. **Метафорические характеристики.** А. С. Бойчук, исследуя гастрономические метафоры в произведениях А. П. Чехова, отмечает, что чеховские «алкогольные» метафоры имеют положительный аксиологический статус [1]. Приведем фрагмент из его письма А. С. Суворину (от 25 ноября 1892 г. Мелихово): *Вы горький пьяница, а я угостил Вас сладким лимонадом, и Вы, отдавая должное лимонаду, справедливо замечаете, что в нем нет спирта. В наших произведениях нет именно алкоголя, который бы пьянил и поработал, и это Вы хорошо можете понять. Отчего нет? Оставляя в стороне «Палату № 6» и меня самого, будем говорить вообще, ибо это интересней. Будем говорить об общих причинах, коли Вам не скучно, и давайте захватим целую эпоху. Скажите по совести, кто из моих сверстников, т. е. людей в возрасте 30–45 лет, дал миру хотя одну каплю алкоголя? Разве Короленко, Надсон и все нынешние драматурги не лимонад? Разве картины Репина или Шишкина кружили Вам голову? Мило, талантливо, Вы восхищаетесь и в то же время никак не можете забыть, что Вам хочется курить* (пример взят также из работы [1, с. 193]).

5. **Глаголы с семантикой ‘употреблять спиртное’.** Приведем перечень встречаемых глаголов в рассказах А. П. Чехова: для приблизительного подсчета использовались следующие сборники рассказов: [4; 5; 6]. Рассмотрено 313 контекстов, содержащих слова с семантикой, связанной с ситуацией винопития, в том числе

включаются и те случаи, в которых вакхическая лексика послужила источником образной номинации для других сфер, т. е. употреблена в переносном значении. В скобках указывается число употреблений: *пить* (69), *питься* (1); *выпить* (81), *выпивать* (22), *пьянствовать* (6), *запить* (7), *запивать* (1), *пропить* (5), *пропивать* (4), *пропиваться* (1), *напиться* (9), *напиваться* (1), *спиться* (1), *допиться* (1); *выкушать* (2), *трахнуть за галстук* (1), *тарарахнуть* (1), *подкрепляться* (1), *прихлебывать* (1), *заливать* (2), *спаивать* (2), *употреблять* (2), *трескать* (1), *стрескать* (1), *натрескаться* (2), *нализаться* (2), *погулять* (2), *переливать через край* (1), *хлестать* (1), *лакать* (1 – в просторечной форме *локает*), *дербалызнуть* (1), *насвистаться* (1); *пьянеть* (4), *опьянеть* (2), *опьянить* (1), *хмельть* (1), *ослабеть* (2). Если не учитывать видовые пары и возвратную форму на -ся в значении пассива (*напиться* – *напиваться* или *пить* – *питься*), всего встречается около 30 разных глаголов.

Подводя краткий итог, отметим, что в произведениях А. П. Чехова вакхическая лексика становится гендерно и социально маркированной, она входит в состав детали-характеристики персонажа, денотативная сфера, в которой применяется вакхическая лексика, расширяется.

Список литературы

1. *Бойчук А. С.* Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка // Ученые записки Забайкальского гос. гуманитарно-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 2 (43). С. 190–193.
2. *Димитриева О. А.* «В России пьяные люди у нас самые добрые...» : (об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) // Мир русского слова. 2019. № 3. С. 56–61.
3. *Катермина В. В.* Гендерный вакхический дискурс (на материале рассказа «Женщина с точки зрения пьяницы» А. П. Чехова) / В. В. Катермина, А. М. Прима // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : труды и материалы междунар. конф. : в 2 т. Казань, 2017. Т. 1. С. 144–146.
4. *Чехов А. П.* Дама с собачкой : рассказы. Москва : АСТ, 2021.
5. *Чехов А. П.* Руководство для желающих жениться. Москва : АСТ, 2021.
6. *Чехов А. П.* Степь. Москва : АСТ, 2020.

Т. Б. РАДБИЛЬ ©

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия

timur@radbil.ru

«ЭМПАТИЙНЫЕ КОНТЕКСТЫ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В статье освещаются основные разновидности «эмпатийных контекстов» в поэтической речи Осипа Манделштама, которые выступают в качестве когнитивных механизмов «конденсации смысла». Они представляют собой языковую реализацию когнитивного механизма, при котором в языковом выражении тем или иным образом совмещается номинация какого-либо явления и способ его восприятия сознанием говорящего. Рассмотрены «эмпатийные контексты» перцептивного (*близорукое небо*) и интерпретационного (*правдивая вода*) типов. Делается вывод, что изучение поэтического языка Манделштама помогает пролить свет на работу общеязыковых концептуальных механизмов порождения смысла.

Ключевые слова: эмпатийные контексты, язык поэзии, художественная речь Осипа Манделштама, конденсация смысла.

Radbil Timur Benyuminovich, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia
timur@radbil.ru

"Empatic contexts" in the Osip Mandelshtam's poetic speech

The main varieties of "empathic contexts" in the Osip Mandelshtam's poetic speech, which are cognitive mechanisms of "sense condensation" are presented in the article. They are considered as a linguistic realization of the cognitive mechanism, in which the nomination of a phenomenon and the mode it is perceived by the speaker's consciousness are combined in a language expression in one way or another. The "empathic contexts" of perceptual (*myopic sky*) and interpretive (*truthful water*) types are discussed. It is concluded that the study of Mandelstam's poetic language helps to shed light on the work of common language conceptual mechanisms for generating meaning.

Keywords: empathic contexts, language of poetry, Osip Mandelshtam's poetic speech, sense condensation.

Давно утвердившееся в лингвопоэтике общепринятое представление о повышенной смысловой емкости, насыщенности, нагруженности слова в поэзии [5] применительно к художественной речи Осипа Мандельштама приобретает исключительную наглядность, так сказать, полную очевидность и доказательность. Для поэзии Мандельштама особая смысловая сгущенность, особая смысловая нагруженность слова являются стилообразующим и текстообразующим фактором. Используя вполне обычные для «языка поэзии» модели употребления слов в неузуальных контекстах, синонимических замен, паронимической аттракции, контаминации, неодеривации, аграмматизма и т. п., Осип Мандельштам добивается удивительного эстетического эффекта, который мы в наших работах именуем «конденсация смысла» [11, с. 434].

В данной статье мы рассмотрим лишь один из многих когнитивных механизмов «конденсации смысла», которые в изобилии присутствуют в поэтическом мире Осипа Мандельштама. Речь пойдет о так называемых эмпатийных контекстах [11]. В общем виде под «эмпатийными контекстами» мы понимаем языковую реализацию когнитивного механизма, при котором в языковом выражении тем или иным образом совмещается номинация какого-либо явления и способ его восприятия сознанием говорящего. Как это работает, можно показать на следующем примере: *Твердь сияла грубыми звездами* («Умывался ночью на дворе», 1921) – прилагательное *грубый* (здесь в значении ‘жесткий, негладкий, шероховатый’) не является имманентной характеристикой звезд, но отражает актуальное негативное впечатление субъекта (за счет импликации на субъекта ситуации [3] → нарушающий норму, неприятный, производящий неприятное впечатление). «Эмпатийный контекст» в этом случае (в комплексе с другими языковыми средствами) выражает совокупную реакцию неприятия субъектом восприятия всей ситуации ночного умывания как некоего отступления от нормального положения вещей – ощущение холода, чуждого, враждебного пространства «снаружи», за дверями избы, состояние душевной тревоги и пр.

Почему же мы говорим именно о когнитивной, а не о собственно языковой (стилистической, риторической и т. п.) природе подобных явлений? По той простой причине, что в основе их образования лежат особенности работы нашего сознания по осмыслению феноменов физической, социальной или психической реальности. Так, в расчлененной номинации *печальные поляны* (пример Л. О. Чернейко) свойство *быть печальным* не является свойством, объективно присущим объекту *поляна* (в отличие от размера, формы, местоположения и пр.): оно принадлежит ментальной сфере воспринимающего субъекта. В трудах Л. О. Чернейко данные смысловые смещения трактуются как «проективные смыслы», т. е. смыслы, в каком-то плане имплицитированные позицией экспериментера (= воспринимающего) [13]. Ср. понятие «интерактивные характеристики» в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4]. Основными синтаксическими схемами языковой реализации «эмпатийных контекстов» являются модели атрибутивной сочетаемости (типа *сладкая речь*), генитивной сочетаемости (типа *сладость речи*) и предикативной сочетаемости (типа *речь сладка*), хотя не исключаются и другие грамматические форматы их актуализации в речи.

Конститутивным признаком «эмпатийных контекстов» является обязательное включение позиции воспринимающего сознания в номинацию объекта, состояния, явления или события. Однако сам тип этого включения может существенно различаться по разным параметрам, в зависимости от характера роли говорящего [6] или «точки зрения» [14]. В работах по коммуникативной грамматике Г. А. Золотова и ее соратники выделяют два возможных направления в концептуализации события говорящим в дискурсе: (1) **перцептивизация** как усиление, акцентирование, обогащение изобразительного плана; (2) **интерпретация** как усиление информативного плана через экспликацию цели, причины, намерения, объяснение смысла действия, выражение эмоционально-оценочной реакции [2]. В соответствии с этим мы на данном этапе исследования условно делим «эмпатийные контексты» на две группы: (1) контексты, включающие позицию перцептора, с использованием разных модальностей (зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной или осязательной) – ср. говорящий как субъект восприятия, который проявляется в конструкциях, предполагающих «фигуру наблюдателя» [6], или «точка зрения» в плане психологии [14]; (2) контексты, включающие позицию интерпретатора, т. е. его ментальную или эмоциональную реакцию, оценку и пр. – ср. говорящий как субъект сознания, который обнаруживает себя как субъект ментального, эмоционального или волевого состояния [6], или «точка зрения» в плане идеологии (оценки) [14].

1. Перцептивные «эмпатийные контексты»

«*Эмпатийный контекст*», *обызрывающий особенности зрительного восприятия наблюдателем*: *Я тебя никогда не увижу, // Близорукое армянское небо* («Армения», 1931). – Нетрудно увидеть, что свойство ‘быть близоруким’ в реальности приписано не небу, а опять же – особенностям его восприятия. Субъект воспринимающего

ет небо нечетким, в расплывчатых очертаниях, словно в дымке; возможно, и сам цвет неба, как это бывает на юге в солнечную пору, неопределенный, как бы выгоревший. О том, что в эпитете закодированы именно особенности перцепции неба с точки зрения наблюдателя, находящегося непосредственно в хронотопе воспринимаемой картины, свидетельствуют и следующие строки: *И уже не взгляну, прищурясь, // На дорожный шатер Арарата.*

«Эмпатийный контекст», обыгрывающий особенности слухового восприятия наблюдателем: *Как вполголосная органная игра // Сопровождает голос женский* («Я в львиный ров и в крепость погружен...», 1937). Отметим, что здесь «конденсация смысла» усиливается за счет использования не только лексико-семантических моделей неузальной сочетаемости, но и словообразовательных моделей неодеривации. Неодериват *вполголосный* реально является не признаком предмета *игра*, а признаком действия *играть* 'тихо, сопровождая основную партию'. Тем самым возникает семантически емкий образ, основанный на смещении смыслов производящей леммы *голос* – 'звуки вследствие колебания голосовых связок'; 'способность производить такие звуки, их качество'; 'вокальная партия', 'партия музыкального инструмента'; 'звуки, сопровождающие какое-либо явление, действие, работу инструментов и пр.', к которым прибавляется и переносное значение исходного наречия *вполголоса* 'негромко, приглушенно (о значении чего-либо)'. С когнитивной точки зрения здесь реализован такой когнитивный механизм, как перекатегоризация структуры события [1; 7; 8].

Имеются и более сложные модели порождения «эмпатийных контекстов», основанные на неузальной сочетаемости, которые могут актуализоваться посредством совмещения планов **внешнего восприятия** (общеперцептивный план, согласно [2]) и **внутреннего состояния** (план экспериенцера [3]): *Из густо отработавших кино, // Убитые, как после хлороформа, // Выходят толпы – до чего они венозны, // И до чего им нужен кислород...* («Полночь в Москве...», 1931). – Здесь на основе грамматической аномалии – переход относительного прилагательного в качественное – становится возможной одновременная реализация метафоры, отражающей внешний план восприятия (толпы людей после посещения кинотеатров растекаются по разным направлениям, как кровь бежит по венам), и метонимии (толпы = люди, образующие толпы), отражающей внутреннее ощущение выходящих из кино людей, которые, словно после хлороформа, с трудом приходят в себя, им не хватает воздуха, как при сердечной недостаточности, кровь только начинает разбегаться по венам.

2. Интерпретационные «эмпатийные контексты»

«Эмпатийные контексты» возможны не только на основе обыгрывания эффектов внешнего восприятия. В наших предыдущих работах рассматривались явления «ценностных сдвигов», когда посредством прилагательных с общеоценочной или частнооценочной семантикой атрибутируются объекты физического мира, вещи, предметы быта, артефакты, в норме оценке не подлежащие [11; 12]. У Мандельштама встречаем: *Захочешь пить – там есть вода такая // Из курдского источника Арзни – Хорошая, колючая, сухая // И самая правдивая вода* («В год тридцать первый от рожденья века...», 1931). – Эпитет *правдивый* также отнесен к воде не напрямую, а через оценочную сферу концептуализатора. *Правдивая* здесь – правильная, полностью соответствующая норме, с точки зрения говорящего, его представлениям о том, какой должна быть вода. Поэтому *правдивая вода* здесь – вода и прозрачная, и чистая, и холодная, хорошо утоляющая жажду в жаркий день.

В поэзии Осипа Мандельштама в составе «эмпатийных контекстов» широко представлены не только оценочные прилагательные, но и любые другие «предикаты внутреннего состояния» [6]. В строке: *И земля по совести сурова* («Умывался ночью во дворе», 1921) – прилагательное *сурова* содержательно не атрибутирует существительное *земля*, формально являясь его предикативным свойством. Содержательно данное предикативное прилагательное следует трактовать как каузатив, в рамках когнитивной модели 'X = каузирующий, вызывающий отношение X' (*грустный пейзаж* → 'пейзаж, вызывающий чувство грусти у человека'), в духе работы [3]. В нашем случае речь идет о восприятии земли как некоей неприятной, неблагоприятной по отношению к субъекту сущности.

В заключение скажем несколько слов о том, зачем поэту все это могло понадобиться. С прагматической точки зрения язык поэзии – это разрушение автоматизма восприятия, установка на неконвенциональное употребление узальных единиц и моделей, то, что Р. О. Якобсон называл «нарушением читательского ожидания» [15]. Не исключено, что одной из ведущих интенций таких авторов, как Осип Мандельштам или Андрей Платонов (не вполне, вероятно, осознаваемой), является тотальная деструкция стандартного языка с целью обнажить его бессилие в интерпретации мироздания и с целью довести до предела, порою до «разрыва» возможно-

сти, предоставляемые его системой, в поиске новых средств выразительности [7; 9]. С когнитивной точки зрения проанализированные «эмпатийные контексты» как проявление более общей тенденции «конденсации смысла» служат единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, тревожных, болезненных состояний внутреннего мира.

Список литературы

1. *Кобозева И. М.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка : противоречивость и аномальность текста : сб. науч. трудов / ИЯ АН СССР ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва, 1990. С. 194–224.
2. *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. Москва : Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 528 с.
3. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. Москва : Едиториал, 2004. 356 с.
5. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Ленинград : Художественная литература, 1974. 288 с.
6. *Падучева Е. В.* Семантические исследования : (семантика времени и вида в русском языке ; семантика нарратива). Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. *Радбиль Т. Б.* Концепт *игры* в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва, 2006. С. 308–316.
8. *Радбиль Т. Б.* Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 56–79.
9. *Радбиль Т. Б.* «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. / под ред. Л. А. Климовой, В. И. Супруна. Арзамас ; Саров, 2016. С. 49–54.
10. *Радбиль Т. Б.* Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
11. *Радбиль Т. Б.* Языковая аномальность как фактор конденсации смысла в поэтическом тексте (на материале языка поэзии Осипа Мандельштама) // Уральский филол. вестник. 2022. № 2. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Вып. 31. С. 431–445.
12. *Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской.* Москва : ФЛИНТА : Наука, 2018. 232 с.
13. *Чернейко Л. О.* Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминисистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.
14. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 352 с.
15. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей. Москва, 1975. С. 193–230.

Ю. А. ЮЖАКОВА ©

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Россия
yu.yuzhakova@mail.ru

М. В. СОМОВА ©

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Россия
m.somova@365.rsu.edu.ru

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА

В статье анализируется темпоральная лексика и ее использование в лирике С. А. Есенина. Лексико-семантическое поле *время* весьма значительно, поэтому авторы ограничились рассмотрением тематической группы «Части суток», которая реализуется в лексике лирики С. А. Есенина не в часовом эквиваленте, а в форме восприятия природных циклов, так что

наиболее значимы для поэта слова, называющие время суток относительно циклов солнца и луны: *закат, сумерки, полночь, рассвет, заря, полдень*.

Ключевые слова: С. А. Есенин, идиостиль, лексико-семантическое поле, темпоральная лексика.

Yu. A. Yuzhakova, M. V. Somova, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Russia

yu.yuzhakova@mail.ru, m.somova@365.rsu.edu.ru

TEMPORAL VOCABULARY IN THE POETRY OF S. A. YESENIN

The article analyzes temporal vocabulary and its use in the lyrics of S. A. Yesenin. The lexico-semantic field of time is very significant, so the authors limited themselves to considering the thematic group "Parts of the day", which is implemented in the vocabulary of S. A. Yesenin's lyrics not in an hour equivalent, but in the form of perception of natural cycles, so that the most significant words for the poet are the words naming the time of day relative to the cycles of the sun and moon: *sunset, twilight, midnight, dawn, dawn, noon*.

Keywords: S. A. Yesenin, idiostyle, lexico-semantic field, temporal vocabulary.

Темпоральность относится к тому типу объективно-субъективных синтаксических категорий, которые определяют и структурируют текст как коммуникативно-смысловую единицу. Функционируя в тексте, находя здесь выход в разноуровневых средствах языка, темпоральность предстает как мощный функционально-семантический пласт языка, фокусирующий в себе действие антропоцентрической силы. В распоряжении говорящего богатейший запас временных квалификаторов, предоставляемых ему языком [2].

Временное пространство текста (или так называемое сюжетное время) в русистике достаточно хорошо изучено (Н. С. Поспелов, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, З. Д. Тураева и др.).

Если рассматривать моделирование времени по данным языка, эти модели создаются посредством метафор и аналогий. Большинство исследователей классифицируют языковые модели времени на модели «Пути человека», в которых основной фигурой выступает человек, и модели «Потоки времени», которые ориентированы на время как таковое [5].

Наиболее частотные значения категории «время» в русской языковой картине мира, по данным исследователей, следующие:

1. Одна из основных – наряду с пространством – форм существования материи, которая выражает продолжительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире (в философии).

2. Продолжительность происходящего или существующего, которая измеряется в годах, месяцах, днях и т. п.

3. Последовательная смена часов, дней, лет и т. п.

4. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет.

5. Период, часы, которые отведены для тех или иных занятий.

6. Свободные от обычных занятий часы, дни и др.; досуг.

7. Категория глагола, которая отражает отношение действия или состояния к моменту речи или к моменту иного действия (в лингвистике).

8. Предикатив: о наступлении срока чего-либо; пора [6].

Какова же взаимосвязь между лексико-семантическим полем времени в общеупотребительном языке и лексико-семантическим полем времени в лирике С. А. Есенина? Для ответа на этот вопрос необходимо понять сущностное различие между ними. Лексико-семантическое поле в творческом произведении (группе произведений) складывается в процессе творчества. Сам творческий акт есть процесс создания творческого пространства. Художник, создавая свой собственный мир, одновременно познает его. Соответственно, творчество выступает как когнитивный процесс. Именно когнитивная составляющая и определяет особенность лексико-семантического поля художественного пространства по отношению к аналогичному лексико-семантическому полю литературного языка.

В языке лирической поэзии С. А. Есенина понятие времени представлено более широко, чем может показаться на первый взгляд. Непосредственно лексема *время* почти не используется поэтом, он подбирает словоформы, отражающие индивидуально значимые смыслы. Учитывая объем данного лексико-семантического поля, мы ограничимся рассмотрением тематической группы «Части суток».

В первую очередь обращает на себя внимание реализация в лексике лирики Есенина понятия времени не в часовом эквиваленте, а в форме восприятия природных циклов:

*Я плакал на заре, когда померкли дали,
Когда стелила ночь росистую постель [3, т. 4, с. 49];
Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари [3, т. 1, с. 28];
Рассвет рукой прохлады росной
Сишбаёт яблоки зари [3, т. 1, с. 40].*

То есть можно констатировать, что в ядерной зоне семантического поля понятие время воплощается в таких лексемах, как: *ночь, утро, вечер*. На первом месте по употребительности стоит лексема *вечер*: *Каждый вечер, как синь затуманится [3, т. 1, с. 22]; Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог [3, т. 1, с. 28]; В летний вечер голубой [3, т. 1, с. 48]; Что под вечер путнику [3, т. 1, с. 60]; Но к вечеру уж кони над лугами [3, т. 1, с. 91]; В зеленый вечер под окном [3, т. 1, с. 139]; До вечера она их ласкала [3, т. 1, с. 145]; А вечером, когда куры... [3, т. 1, с. 145]; В этот вечер вся жизнь мне мила [3, т. 1, с. 211]; В синий вечер над прудом [3, т. 1, с. 228]; Вечером синим, вечером лунным... [3, т. 1, с. 284]; Слушать вечером гуд комаров [3, т. 2, с. 17]; Отец его с утра до вечера [3, т. 2, с. 30]; И от вечера до ночи [3, т. 2, с. 52].*

Диалектный синоним *ввечеру* имеет значение 'вечером, по вечеру, вечерним временем, порою, около сумерок, незадолго до или по закате солнца' [6]: *У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру [3, т. 1, с. 21].*

Во всех этих примерах вечер – время суток, просто время, поэт не использует эту лексему в переносном значении (закат жизни, конец отношений, предсмертие, предвечность и т. д.). Тем не менее это таинственное время, когда вся природа отдыхает, труды окончены, впереди время сна, любви. Исключение составляет стихотворение «Песнь о собаке», где вечер – рубеж между жизнью и смертью, счастьем дня и трагедией, прошедшей ночью. Часто лексема *вечер* оказывается в окружении колоративной лексики – эпитетов *зеленый, голубой, синий*. Использует С. Есенин и фольклорную традицию – олицетворение: «*Вечер черные брови насопил*» [3, т. 1, с. 87].

Однако более значимы для поэта слова, называющие время суток относительно циклов солнца и луны: *закат, сумерки, полночь, рассвет, заря, полдень*.

Наступление вечера предваряет *закат*: *Нонче на закате с Божьего крыльца [3, т. 1, с. 298]; а затем сумерки, искажающие привычные предметы, показательны даже эпитеты при слове – долгие, зимние, мгlistые: Воят в сумерки долгие, зимние [3, т. 2, с. 17]; В злую заморозь в сумерки мгlistые [3, т. 2, с. 17].*

Вечер естественным образом переходит в *ночь* (по популярности лексема на втором месте в ряду темпоративов). Это время покоя и любви: *О ком-то шепчет, сгнувшись в ночи [3, т. 1, с. 74]; В глухую ночь не спать [3, т. 1, с. 99]; Кто видал, как в ночи кипит [3, т. 1, с. 153]; Мне бы в ночь в голубой степи [3, т. 1, с. 153];*

А когда ночью светит месяц [3, т. 1, с. 167]; Но всю ночь, напролет, до зари [3, т. 1, с. 167]; И от вечера до ночи [3, т. 2, с. 52]; Чего же я ругаюсь по ночам [3, т. 2, с. 102]; Вот в такую же ночь [3, т. 2, с. 114]; И лунными ночами [3, т. 2, с. 130]; В ночь у перелесиц [3, т. 2, с. 166].

Ночь – рубеж между прошедшим временем и новым, пора лихих людей, тех, кому есть что скрывать. И венчает ночь *полночь*: *Белый ангел этой полночью [3, т. 1, с. 127]; Брызжет полночью дуга [3, т. 1, с. 228].*

Важную роль в лексико-семантическом поле времени поэзии С. А. Есенина играют лексемы *заря* – яркое освещение горизонта перед восходом или после захода солнца [4]: *Но всю ночь, напролет, до зари [3, т. 1, с. 167]; Чтобы плугом он в зори ранние [3, т. 2, с. 61]; и рассвет* – время перед восходом солнца, начало утра [4]: *На рассвете он завтра промчится [3, т. 1, с. 115].*

Лексемы со значением времени суток образуют антонимические пары: *вечер – утро, заря – закат, полночь – полдень, рассвет – сумерки*. Не образует такой пары только лексема *ночь*, антоним которой *день* в значении времени суток не обнаружен у поэта.

Лексема *утро* традиционно символизирует зарождение нового дня, чего-то светлого и свежего: *Там с утра над церковными главами [3, т. 1, с. 22]; Солнышко утром в колодезь озер [3, т. 1, с. 93]; Утром в ржаном закуте [3, т. 1, с. 145]; Отец его с утра до вечера [3, т. 2, с. 30]; С утра над осенницею [3, т. 2, с. 52]; От утра и от полудня [3, т. 2, с. 52].*

Однокоренное наречие *поутру* носит диалектный характер: *Бабий крик, как поутру [3, т. 1, с. 35]; С августовской дрожью поутру [3, т. 1, с. 151].*

Кульминацией дня является *полдень* – *От утра и от полудня [3, т. 2, с. 52].*

Темпоративы со значением «времени года» встречаются у рызанского поэта гораздо реже, преимущественно это имена прилагательные (*летний, зимний, августовский* и т. д.) Значение времени «в момент речи» традици-

онно передают наречия: *скоро, завтра, нонче, рано* и т. п. «Контекстное обозначение времени» представлено шире, разными частями речи, словосочетаниями: *в купальницу, с далекого дня, через несколько лет...*

Таким образом, изучение семантического поля времени в лирике С. А. Есенина не представляется возможным без выделения лингвокультурных особенностей самой категории «время». Поэтому данное исследование имеет богатые перспективы.

Список литературы

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика : синонимические средства языка. Москва : Наука, 1974. 367 с.
2. *Востоков В. В.* Коммуникативный, когнитивный и эмотивный аспекты темпоральных значений в структуре текста. URL: <http://filologdirect.narod.ru/sra/sra200644.html>, режим доступа : свободный. Текст : электронный.
3. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Москва : Наука : Голос, 1995.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: около 53 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. Москва : АЗЪ, 2000. 768 с.
5. *Поспелов Н. С.* Категория времени в грамматическом строе русского глагола // Вопросы теории и истории языка. Москва, 1952. С. 286–305.
6. *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанова. Москва, 2001. С. 5–42.
7. *Шацкая М. Ф.* Функционирование актантов и сирконстантов локативного и темпорального типов в условиях языковой игры // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 12 (84). С. 188–196.

С. Р. НЕДБАЙЛИК ©

Петрозаводский государственный университет, Россия
snedbailik@mail.ru

ОБ ЭВОЛЮЦИИ МАЛЫХ САТИРИЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ КАК ГЕНОМА КОЛЛЕКТИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье затрагивается тема исторического развития малых сатирических форм в европейской литературе. В этой связи автор выделяет основные направления эволюции анекдотов и смежных малых жанров, начиная с античности и кончая Новым временем, акцентируя их характерные особенности в западной и восточной литературных традициях. Полученные в рамках проведенного исследования результаты дают полное основание утверждать, что анекдоты, так же как и смежные с ними малые формы (эпиграммы, шутки, басни, афоризмы и т. д.), могут считаться геномом коллективного человеческого интеллекта.

Ключевые слова: жанр, форма, литература, юмор, сатирический, анекдот, развитие.

Nedbailik Sabina Rudolphovna, Petrozavodsk State University, *Russia*
snedbailik@mail.ru

ON THE EVOLUTION OF SMALL SATIRICAL LITERARY FORMS AS THE GENOME OF COLLECTIVE HUMAN INTELLIGENCE

This article concerns the topic of small satirical forms historical development in European literature. In this connection the author marks the principal trends of anecdotes and adjacent small genres evolution from Antiquity to New times, putting accent to their specific features in Western and Russian literature traditions. The results of carried out research give full ground to state that anecdotes as well as adjacent literary forms (epigrams, jokes, aphorisms) can be considered as the genome of collective human intelligence.

Keywords: genre, form, literature, humor, satirical, anecdote, development.

As it is known, small satirical genres such as anecdotes, epigrams, fables, aphorisms, etc. have always been an object of high interest and numerous controversies in the literary criticism. The deep connection between these genre varieties is quite obvious, since they have common genetic base and similar compositional, structural features. Thus, according to existing encyclopedic references, anecdotes are a kind of small prosaic satirical, didactic stories or jokes making fun of any specific person or event. The main compositional features of anecdotes are recorded in the Dictionary of N. F. Ostolopov: "Two parts make up an anecdote, taken in its current meaning: One concludes a sentence of an

object or thing that produced the thought; the other is the very thought or, so to speak, a sharp phrase, which together can be called a knot or a denouement" [3, p. 134]. Of course, this definition can be also applied to epigrams which have been created as a small genre on the base of anecdotic stories. Both of them present satirical utterances, witty and caustic, aimed at a certain person or event, but epigrammatic works exist mostly in a rimed, poetic form. So, it is just the lapidary nature of epigrams that allows them to maintain structural stability as a sign of genre [6]. This structure makes it closely related to other short satirical genres – fables, aphorisms, parodies, proverbs, sayings, etc., whose forms variety is a necessary condition of European prosaic (poetic) literature successful development. Most often, it's a "sharp thought" fit into several sentences [3, p. 234]. The plot in all funny jokes, in particular, anecdotic ones, usually develops especially resiliently, being even compressed to the limit. So, in general, anecdotes, as well as epigrams are akin to proverbs and sayings, since for them the main thing is also condensation of meaning into a short verbal formula. The essence of an anecdote as a highly condensed thought, idea, framed in a laconic form and reflecting some important, meaningful events, problems, aspects of life, every day activity remains actually the same for centuries [3; 6].

As a rule, the topics of anecdotes cover not only family, love, friendship, but also political items, what is quite natural. War conflicts, political, international events are inevitably reflected in the people's witty thought and creative verbal activity. Thus, all the great or significant cultural events and socio-political changes accompanying different historical periods of humanity evolutionary development have always found their reflection in small literary genres. Of course, anecdotes specificity and thematic trends are greatly influenced not only by the social-cultural context, but also by historical, ethnic traditions, customs and particular features of national mentality. The popularity of anecdotes and epigrams as their "smaller sisters" is facilitated by the intensive fictionalization of these small forms, polished by human brain and immortal soul to a dazzling brilliance [2; 3]. They have always been used as a means of emotional discharge, producing impression and creating personal contacts. In fact, the humorous effect produced by an anecdote as a short joke is actually owing to stylistic means of an unexpected end, or so called "deceived expectation" widely used in this genre [2; 6].

Anecdotes as well as other small forms are greatly varied by their content and embrace a large scope of moods, involving humor, irony, satire, sarcasm, etc. Having originated in the era of antiquity, in the frame of ancient Greco-Roman traditions [2], anecdotes as well as epigrams have endured considerable modifications for more than two and a half thousand years before taking finally the forms and manifestations we are familiar with. One can suppose that small forms evolution is genetically predetermined by ancient epitaphs which are considered to be the earliest attempts of provoking comic, humor effect on people using laconic, condensed plots and non-standard (non)rimed forms [1]. Besides, the language of anecdotes, dating back to pre-history literary traditions, is greatly owing to a famous fabulist Ezop [2] who is considered to be creator of both rich fabled literary fund and specific language full of alliterations, reminiscences, insinuations and used mostly by oppressed simple people, deprived of any other means of expressing their thoughts, challenges and wishes. Probably, this ancient conceptual heritage has become widely used by Western and Eastern Europe authors who tried to apply it on their national grounds adding to Ezop's style and plots their individual elements, (nick)names, details, etc. The ancient jokes containing condensed wisdom of several generations and transmitted orally from mouth to mouth gave birth to other satirical small forms, such as epigrams and fables. So, the early people's funny, humorous stories fixed in the memory and greatly varying in size, style, topics, etc. probably served a platform on which most satirical genres were born and have been developing within centuries. But if in the period of antiquity the only form of anecdotes was a short oral utterance, from the 15-th century and up to our time they exist mainly in a written form, being fixed in various collections, including Internet ones. In fact, the so-called "low" small genres have been flourishing especially magnificently in Western literature [6]. Speaking of anecdotes and epigrams, we should always remember that it is impossible to isolate them in their pure forms, completely separating from parables, fables and parodies, pamphlets and feuilletons, as well as their folklore base.

As far as the authors of Western Renaissance epoch are concerned, small satirical forms have gradually ceased for them to be exclusively descriptive and moralistic. So, "philosophical" thoughtfulness was certainly reinforced by their ironic attitude to life, to society, to themselves [3]. And already in the 16th century the "acute esprit" so characteristic for satirical literature of medieval Western poetry happily came into contact with ancient experience, which gave these small genres clarity, measure, completeness and a certain elegance. In them, a joke wasn't more deliberately rude and obscene, as it carried a certain generalization and morality. Thus, critical notes on various aspects of human existence, acquiring universal generalization, retained the sharpness of the topical document. Of course, this couldn't be obtained immediately: one had to "overcome not only the inertia of the ancient tradition with its abstract philosophizing and descriptiveness, but also the obsessive didacticism of medieval thinking" [6, p. 145]. The appeal of Renaissance poets to

ancient forms was one of the symptoms of "classical antiquity revival" [2, p. 124]. The writers and poets of that era were able, perhaps for the first time in the history of world culture, to overcome their class and estate division, in general, any kind of limitation, and to realize the rights and power of a free human intellect and artistic word. They seemed to foresee the innate breadth and ideological emancipation of small satirical genres. In the literature of that time one can come across pure imitations, and even translations from ancient anthologies [6]. Especially often the object of reinterpretations was G. Martial with his sharp political and everyday epigrams, exposing human vices and weaknesses, as well as playful epitaphs and auto-epitaphs [1]. Among first true masters Renaissance epigrams one can mention a famous French poet C. Marot, who has successfully combined ancient experience and specific local humor, which, among other things, has always been characterized by balancing on the edge of what is permitted and even obscene. The skill of C. Marot, the author of a large cycle of anecdotes and epigrams, consisted in the fact that this poet "has never crossed this invisible line, never fell into either flat scoffing or rude greasiness" [4, c. 165].

During the 17th century, the main subject matters and characteristic formal features of small satirical forms have been defined, such as: laconism, topical satire, unexpected denouement. They have become real ironic genres and, as a result, a sharp weapon in literary disputes, social, political struggle. Just for this reason C. A. Montesquieu called them "small sharp arrows, inflicting deep and incurable wounds" [4, c. 237]. And what is paradoxical: if earlier the authors of funny jokes, who wrote "for themselves" or a few friends, still published their works, now they often remained handwritten and even oral for a long time, still quite instantly becoming known and interesting to the whole society and vividly responding to all the social and political events. This is how small anecdotic and epigrammatic forms have gradually become one of the sharpest satirical commentaries on the history of the era.

As far as East European small satirical literary forms are concerned, their base was prepared mostly by the people's actual folklore trends and genres, such as "chastushki", "potesunki", songs-jokes, as well as by sharp proverbs, sayings, etc. [2] In particular, in Russia the elements of small anecdotic jokes appeared rather early and even in the style of blaming words, dating back to Byzantine tradition of accusatory speech [6]. Most anecdotes of that time ridiculed idolatry, witchcraft, ritual dances preserved from the pre-Christian faith. Among most often targeted human vices one can name drunkenness, greediness, slander, malice, lies and fornication. In the Baroque era, the socio-historical setting for elegant satire has also matured. Foreign anecdotes, fables, jokes were translated into Russian, domestic wits mastered a new form and style. The personal principle, unknown to the literature of Russian Middle Ages, prompted the development of previously uncultivated genres. As a result of this awakening of a personality, as well as socio-historical differentiation of the community, i.e. the emergence of new features of world perception, there was also a craving for artistic and journalistic genres, and, above all, anecdotes, epigrams, which in the 18th century can be spoken of as an independent trend [1]. In this connection, rather fashionable at that time "curious" verses – palindromes or "crustacean poems" were considered by many literary men quite useless, and anecdotes, epigrams rose to the heights of political sound [2]. A murderous sarcasm gave these miniatures a touch of an acute social plan.

Many researchers suppose that one of the most significant positions at the origins of Russian small satirical genres is occupied by the follower of F. Prokopovich – A. Kantemir, translator from French and one of the founders of Russian satirical trend [1; 5; 6]. This author expressed the urgent need for growing national and aesthetic self-consciousness of Russian society, the top of which still clearly gravitated in its literary attachments to classicism [2]. Thus, the socium began to find more and more reflections not in ceremonial odes and tragedies, but in so-called "low" genres: prosaic and poetic satire and fairy tales, fables, comic poems, comedies. In the 18th century, when Russian small forms were only taking shape, the reliance on preceding European traditions seemed to be very important. Thus, one must mention the abundance of translated works, the widespread borrowings of plots from most famous masters of this genre [2]. However, there were no mechanical transplantations: Russian people interpreted foreign works in their own way, adapting them to local conditions, dressing them in a nationally original forms [6]. Thus, such newly born satirical creations have greatly contributed to the enrichment and further formation of Russian language. Actually, French, German and English authors moved along the same track, mastering the creative heritage of antiquity.

It's natural to suppose that Russian national humor is often difficult to understand even if you speak the language fluently. This is because many jokes are related to cultural stereotypes, political events, popular culture and Soviet-time movies. In fact, Russian jokes called anecdotes have a unique history. The first of them came to Russia through the European tradition of telling interesting, rather funny stories. They were popular in the aristocratic circles and eventually developed into classic jokes similar to those existing in the West [1]. However, these jokes took on a very political slant during all the Soviet period, which lasted for 70 years. This unique trend stipulated for the development of an unusual, specific Russian humor characterized by its themes of political or cultural relevance. A lot of material for such new

jokes has been provided by various stories about former Soviet political leaders, owing to their odd or funny behavior as well as paradoxical and claustrophobic nature of Soviet time existence. Some political jokes, anecdotes have been often composed by the ideological services. In the 1990s after the fall of the USSR a new trend of so called "New Russians", or "Russian nouveaux riches" appeared in the country. They have quickly become an object of jokes due to their lack of culture, education, manners, low intelligence and garish tastes. Nowadays small satirical stories, jokes, anecdotes are still in great demand. Among most famous Russian poets and prosaic authors of post-Soviet period we can mention I. M. Irtenyev, V. I. Gaft, S. Y. Marshak, V. P. Vyshnevsky and others [7].

The eternal and growing popularity of small funny genres in all European cultures is quite natural: in fact, they are accessible, emotionally attractive, short, non-standard, containing highly condensed, polished within centuries wisdom and life experience. As a rule, most people try to get necessary information from secondary sources, preferring laconic, acute funny stories and verses to classical literature with its huge volumes, hard plots and clumsy style. It's really more convenient, economical, what helps to save time and distract from every-day stereotypes. Actually, all this greatly contributes to a wide spreading of anecdotes, funny stories, jokes as an effective means of emotional discharge and relaxing. Besides, one mustn't forget that their structure is based not only on specific funny situations, episodes, but also on so called "brain games", what is especially precious for human intelligence development. Of course, intensive development of mass media and information technologies in our time of globalization has greatly contributed to anecdotes and short verses wide popularization as small forms. But it doesn't mean that the very principles of anecdotes composing have changed considerably within centuries. They are practically the same nowadays, as they were in Antiquity, Middle age, Renaissance and Post Renaissance times. Thus, we can really consider small satirical genres and, in particular, anecdotes the genome of collective human intelligence.

References

1. *Bronshtein B. M.* // Ironic: ironical and humorous verses. URL: <http://ironicpoetry.ru/autors/bronshteyn-boris/ovozvishennom.html>. Text : electronic.
2. *Chistyakova N. A.* The history of antique literature: Second edition. Moscow : Higher school, 1972. 454 p.
3. *Dictionary of ancient and new poetry/* ed. By N. K. Ostolopov. Saint-Petersburg, 1821. P. 1. 534 p.
4. *French classical epigram /* composed and translated by V. Vassilyev. Moscow : Art literature. 431 p.
5. *Kantemir A. D.* Collection of works. Leningrad : Soviet writer, 1956. 545 p.
6. *Muchnik Evgeniy* // Ironic : ironical and humorous literature. Electron. and text. Dan. URL: <http://ironicpoetry.ru/autors/muchnik-evgeniy/>. Text : electronic.
7. *Территория анекдотов.* URL: <https://anekdot-anekdoty.ru/russkii-anekdot/>. Текст : электронный.

А. С. УЛИТОВА[©]

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Университет «Синергия», Москва, Россия

ulitovs@mail.ru

ЧТО ТАКОЕ «АТРИБУТ» В ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКЕ И ИНФОРМАТИКЕ

В статье освещаются основные различия между пониманием термина «атрибут» в философии, лингвистике и информатике. Примененный впервые философами, «атрибут» «перекочевал» сначала в лингвистику, а затем в IT-сферу. При этом лингвистическое понимание того, что это такое, отличается от философского большей разработанностью (выделяются различные подвиды атрибутов), а в информатике данный термин носит более прикладной характер.

Ключевые слова: термин, атрибут, лингвистика, информатика, философия.

Ulitova Anastasiia Sergeevna, Russian Language Institute, Moscow, Russia

ulitovs@mail.ru

What does 'attribute' mean in philosophy, linguistics and IT?

In this article, we point on the major differences between philosophical, linguistical and mathematical understanding of the term "attribute". This term came from philosophy into linguistics and later into IT. Besides, linguists describe attributes more precisely, than philosophers (many types of attributes are distinguished), and in IT the term has a more applied character.

Keywords: term, attribute, linguistics, IT, philosophy.

Данная статья посвящена различиям в понимании атрибута в лингвистике, информатике и в философии.

В философии понятие атрибут используется дольше, чем в других науках. Определение «качества» у Аристотеля [2, с. 308] в общих чертах совпадает с позднейшими определениями атрибута: философ называл качеством «видовое отличие сущности... состояния движущегося... различия в движении».

Позднее Р. Декарт отделил атрибуты от модусов (свойств предмета, присущих ему лишь в некоторых состояниях) и качеств: «Под именем модусов я разумею здесь совершенно то же самое, что в других местах я именовал атрибутами или качествами. Но когда мы видим, что они воздействуют на субстанцию или вносят в нее различные оттенки, мы именуем их модусами; когда же в связи с этим разнообразием оттенков субстанция может быть названа такой, а не иной, мы именуем это качествами; и наконец, когда с более общей точки зрения мы видим, что только эти качества присущи субстанции, мы именуем их атрибутами. Поэтому мы говорим, что у Бога нет модусов или качеств в собственном смысле этого слова, но есть лишь атрибуты: ведь в нем не постигается никакой изменчивости. Более того, и в сотворенных вещах свойства, кои никогда не ведут себя различным образом, например бытие и длительность в существующей и длящейся вещи, следует именовать не качествами или модусами, но атрибутами». При этом ученый назвал мышление атрибутом духовной субстанции, а протяженность – атрибутом материальной [3, с. 339].

Б. Спиноза уточнил определение модуса и атрибута: «Под *атрибутом* я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее ее сущность. Под *модусом* я разумею состояние субстанции (Substantiae affectio), иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое» [6, с. 253].

Таким образом, под атрибутом в философии понимается «неотъемлемое существенное свойство». Атрибут есть **общее** свойство субстанции [4, с. 24].

Понятие «атрибут» в лингвистической науке используется не так давно. Одно из первых определений атрибута (точнее, его разновидности – прилагательного) предложил в своем лингвистическом труде русский философ К. С. Аксаков: «Прилагательное есть отвлеченная форма имени и поэтому выражает отвлеченное значение самого предмета, то есть качество» [1, с. 23]. Это определение еще близко к определению атрибута в философии и не выделяет специфических особенностей лингвистического атрибута. В современной лингвистике под атрибутивными подразумевают «такие отношения, при которых признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем. Зеленая трава – признак мыслится как внутреннее свойство предмета. В языках флективного строя атрибутивные отношения находят грамматическое выражение в согласовании определения с определяемым... Признак определения может быть пассивным (зеленая трава) и активным (зеленеющая трава),

абсолютным и относительным, характеризующим предмет через отношение к другому предмету (золотое кольцо – кольцо из золота). По отношению к определяемому определение выполняет, прежде всего, ограничительную функцию, выделяя обозначенный им предмет из ряда однородных. Вторая функция определения – описательно-распространительная, посредством определения слово может получать дополнительную, часто оценочную, характеристику (милый друг)» [8, с. 388].

В информационных технологиях атрибут определяется как часть информации о конфигурационной единице. Например, наименование, местоположение, номер версии и стоимость. Атрибуты записываются в базу данных управления конфигурациями и поддерживаются как часть системы [7]. Атрибут данных – это характеристика данных, например, длина, способ представления, необходимые для построения БД или массивов данных [Там же].

Теперь перейдем к сопоставлению понятия «атрибут» в разных науках. С одной стороны, под понятие атрибута в лингвистике и информатике может подпадать и то, что философы называют модусом, т. е. признак временный (зеленеющая трава) или характеризующий предмет через другой предмет (золотое кольцо). Но лингвисты заметили, что атрибут может не только называть свойство предмета, но и выполнять определенные функции: ограничительную и распространительную.

Встает вопрос: почему же и философам, и обыкновенным носителям языка потребовалось выделить атрибут (атрибутивные отношения в языках, как правило, развиваются не сразу, в некоторых языках, например папуасских, их нет)? Не вызывает сомнений тот факт, что с возрастом человек все лучше способен мыслить абстрактно. Отметим, что и человечество не сразу было способно обобщать познания об окружающей действительности. Данный факт отразился и в языке¹. Так, А. А. Потебня полагал, что в праславянскую эпоху имена не разделялись на существительные, прилагательные и т. д., но существовало одно недифференцированное имя (реликты этого явления: Царь-птица, душа-человек) [5, с. 54]. То есть имя определяло другое имя. Со временем появилось понятие признака². Появилась и потребность в формальном выражении признака (чтобы можно было понять, что в словосочетании является определением, а что – определяемым). Возникли формальные показатели для класса слов, обозначающих признак предмета (в русском языке это окончания -ой, -ая, -ое).

Таким образом, развитие в языках мира атрибутивных отношений и появление понятия «атрибут» в философии связано с развитием абстрактного мышления у человека (а философия – это и есть не что иное, как высший уровень абстракции человеческого мышления). Можно сказать, что то, к чему сознательно и в историческую эпоху пришли философы, неосознанно и в доисторическую (дописьменную) эпоху отразили в языке его носители. Позднее, вероятно, под влиянием лингвистики, понятие «атрибут» пришло и в информационные технологии. Можно заметить, что лингвистическое определение атрибута намного ближе к ИТ-определению, чем философское, что, возможно, объясняется большей практической применимостью этих наук. Важный аспект атрибута в информатике – это **измеримое** физическое или абстрактное свойство объекта (что является основным отличием данного термина в ИТ).

Примечания

¹ Ср.: литовск. Krantas – «берег» прекрасно соответствует др.-русс. «круть», т. е. свойство, присущее только берегу (крутизна) стало применимым к любому предмету.

² Отметим, что абстрактное мышление продолжает влиять на язык (по крайней мере, на русский). Например, в русских диалектах широко употребляются притяжательные местоимения «евонный, евонная, евонное, еённый, еённая, еённое» (ср. с болг. «егов», «егова», «неин», «неина» – его, её). То есть носитель диалекта должен отразить не только пол обладателя, но и род предмета, которым обладают, и получается шестичленная система. В русском литературном языке мы видим двухчленную систему: есть только формы «его» и «её». То есть важен только пол обладателя, поскольку род предмета понятен из контекста.

Список литературы

1. Аксаков К. С. О грамматике вообще. Прилагательное. Предлог : репр. изд. Москва : Либроком, 2011.
2. Аристотель. Метафизика. Москва : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. Кн. V. Гл. 14.
3. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Москва : Мысль, 1989.
4. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. Москва : ТК Велби : Проспект, 2008.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Москва : Просвещение, 1968.
6. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Сочинения : в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1999.

7. *Справочник* технического переводчика. URL: <http://find-info.ru/doc/dictionary/technical-translator/fc/slovar-192-110.htm#zag-10040>. Текст : электронный.
8. *Языкознание* : большой энциклопедический словарь. Москва : Большая Российская Энциклопедия, 1998.

С. В. ВЯТКИНА ©

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
s.vyatkina@spbu.ru

ЧУ ЦЗИНЖУ ©

Пекинский университет иностранных языков, КНР
chu.jingru@163.com

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ НА САЙТЕ «ЭКД!» («ЭТО КИТАЙ, ДЕТКА!»)

В статье рассматриваются вторичные поликодовые тексты сайта «ЭКД!» за 2019–2022 гг. В зависимости от коммуникативно-прагматических целей выявлены три основные стратегии российских журналистов: языковыми средствами и/или визуальным сопровождением привлечь внимание и повысить развлекательность; сформировать у российских читателей доброжелательное отношение к реалиям КНР; структурировать с помощью прагмем, представленных конструкциями экспрессивного синтаксиса, заголовки, а не текст публикаций.

Ключевые слова: речевые стратегии, информема, прагмема, поликодовый текст.

Vyatkina Svetlana Vadimovna, Saint Petersburg State University, Russia
s.vyatkina@spbu.ru

Chu Jingju, Beijing University of Foreign Languages, China
chu.jingru@163.com

The article deals with the secondary polycode texts of the site "EKD!" for 2019–2022. Depending on the communicative and pragmatic goals, 3 main strategies of Russian journalists were identified: to attract attention and increase entertainment with language means and/or visual accompaniment; to form Russian readers' friendly attitude towards the PRC realities; to structure with the help of pragmes represented by expressive syntax constructs, headings, and not the text of publications.

Keywords: speech strategies, informeme, pragrameme, polycode text.

В исследованиях по прагматике и коммуникативному синтаксису [4, с. 6] установлена связь стратегии с когнитивным и прагматическим аспектами речи, охарактеризованы тактика и стратегия создателя текста [3, с. 456], описаны речевые стратегии [2, с. 8]. Под коммуникативной стратегией понимается «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия» акта коммуникации [5, с. 45]. Исследование проведено на материале публикаций новостного сайта «ЭКД!» («Это Китай, детка!»). При обращении к информационному дискурсу важным представляется определить в тексте соотношение информем (единиц информативно-смыслового уровня текста) и прагмем (единиц прагматического уровня текста) [1, с. 42–43, 156–157], выявить основные стратегии российских авторов при составлении текстов. Публикации на сайте «ЭКД!» [<https://ekd.me/>] представляют собой переводные тексты, оригиналы которых можно найти на китайских сайтах, или оригинальные заметки на основе китайских публикаций, что позволяет определить их как вторичные тексты. Способ подачи информации определяется установкой автора, что позволяет исследовать стратегии русских журналистов.

Российские электронные СМИ характеризуются освобождением от строгой нормированности, штампованности; наблюдаемое в бумажной публицистике чередование стандартизованных и экспрессивных сегментов речевой цепи увеличивает свою значимость [7, с. 41–45]. Особенности китайских электронных СМИ проявляются в создании выразительности с помощью интернет-сленга, фотографий [8, с. 43–44]. Визуальное сопровождение позволяет определять публикации как поликодовые тексты [9, с. 117], формирование единого смыслового пространства в которых обеспечивается тем, что при их восприятии и интерпретации происходит слияние информации из разных кодовых систем [6, с. 106–107].

Сопоставление различных рубрик сайта (Последние новости, Истории, Статья недели) показывает, что в «Последних новостях» прагмемы отсутствуют и в заголовках, и в текстах публикаций, они сопровождаются

одной-двумя видовыми/протокольными фотографиями. Например, сводка новостей от 07.09.2022: в заголовок вынесена информация о двух из пяти заметках, целиком представленных информемами, этой же цели служит протокольная фотография Восточного экономического форума. В китайском оригинале, напротив, сопровождающая информация фотография Путина выполняет функцию прагмемы (подчеркнуто значение российского лидера для сотрудничества КНР с Россией). Противоположный прием – в публикации о землетрясении в Китае: русский автор сопроводил текст красивым видом мегаполиса, а китайским СМИ актуальным представляется сообщение о катастрофе, что отражают фотографии разрушенного города.

Рубрики «Истории» и «Статья недели» демонстрируют контраст заголовка и способа передачи информации в тексте. Распространенное оформление заголовка – расчленение его на два предложения для облегчения восприятия выделением значимой информации, например: *Китайский турист хотел выжить в горах без еды. На седьмой день он вызвал спасателей* (ЭКД!, 28.07.2021). Антифразис (прагмема) убеждает читателя в бессмысленности затеи туриста, текст публикации представлен информемами. В китайском аналоге заголовка *驴友应网友挑战荒野求生,山区七天没进食最终报警求助* (Новости Penguai, 27.07.2021) – дословно: *По предложению интернет-пользователей турист устроил себе челлендж с целью выжить в безлюдном месте, прожив семь дней в горах без воды, вызвал полицию* (перевод Ч. Ц.), напротив, даны сведения-информемы, значимая информация не акцентируется. В примере: *Китаянка украла шоколад на \$600. Есть его она не могла, потому что худеет* (ЭКД!, 06.06.2021) – реализована прагмема-абсурд (противоречие здравому смыслу). В отличие от русского заголовка, в китайском с авторской оценкой *удивительно!* детализируется информация: *唏嘘! 上海一时髦女子成“巧克力大盗”, 嚼一下就吐掉, 竟是因为...* (Вечерняя газета Xinmin, 07.07.2021) – дословно: *Удивительно! В Шанхае модная девушка стала шоколадным бандитом, жевала кусок шоколада и сразу его выплевывала, причиной является...* (перевод Ч. Ц.). Прагмемы в китайском источнике – оценочная лексика (*шоколадный бандит, модная девушка*) и многоточие как сигнал незаконченности фразы, стимулирующий познакомиться с текстом.

Выявлены случаи каламбура: *Не все то золото... Олимпийские чемпионы из Китая пожаловались на качество японских медалей* (ЭКД!, 28.08.2021). Языковая игра базируется на актуализации прямого и переносного значения слова *золото* благодаря неполноте пословицы *не все то золото, что блестит*. Китайский журналист использует риторический вопрос-прагмему и детализирует событие: *你们的金牌也掉皮吗? 我国奥运冠军吐槽金牌掉色, 遭日本网友炮轰* (Новости Tencent QQ, 26.08.2021) – дословно: *Поверхность ваших медалей тоже стирается? Наши олимпийские чемпионы пожаловались на облезшие медали, что вызвало сильный гнев у японских интернет-пользователей* (перевод Ч. Ц.).

В заголовках используются парцеллированные и вопросно-ответные конструкции, например: *В Китае отец дал годовалой дочери траву для тараканов. Случайно* (ЭКД!, 19.02.2019) Китайский аналог: *粗心爸爸喂错药 1岁多女童吃下蟑螂药致肝肾损伤* (online.sh.cn, 19.02.2019) – дословно: *Невнимательный отец по ошибке накормил годовалую дочку средством от тараканов, что привело к нарушению почек и печени* (перевод Ч. Ц.). Парцеллят-прагмема в русском заголовке создает семантическую неожиданность (акцент на безответственности отца). В китайском синтаксисе парцелляция невозможна, журналист детализирует событие. Очевидно разное понимание значимости информации журналистами двух стран. Аналогично использование парцеллята: *Китаец попытался уйти от полиции через окно... на 23 этаже* (ЭКД!, 04.04.2019) – *劫犯爬至23楼拒捕 民警抓人变救人* (Новости Tencent QQ, 06.04.2019) – дословно: *Пытаясь скрыться от полиции, преступник поднялся на 23-й этаж (пробел) Вместо задержания полиция стала спасать подозреваемого* (перевод Ч. Ц.). Пунктуационное оформление двух вариантов заголовка эксплицирует прагмемы.

Вопросно-ответной конструкции (цитата разговорной речи) и объясняющей информации в следующем предложении в китайском аналоге соответствуют два предложения, первое из которых эмоционально окрашено: *«Каникулы? Не, не слышал»: китайские дети ходили на дополнительные занятия в праздники* (ЭКД!, 11.02.2019) – *课外班停了线上课程顶上! 春节假期孩子依旧很忙* (Global Times, 11.02.2019) – дословно: *Дополнительные занятия перешли на дистанционную форму! В зимние каникулы школьники все равно заняты* (перевод Ч. Ц.). В русском варианте цель автора – убедить в том, что дети в праздники заняты, в китайском – информировать о форме обучения.

Анализ сайта «ЭКД!» показывает: в рубрике «Последние новости» прагмемы отсутствуют как в заголовках, так и в текстах публикаций, в рубриках «Истории» и «Статья недели» отмечаются контрастные информемам в текстах публикаций прагмемы в заголовках.

В поликодовых информационных текстах на сайте выявлены следующие стратегии: 1) при подборе необычных новостных материалов привлечь внимание читателей языковыми средствами и визуальным сопровождением; 2) сформировать доброжелательное отношение читателя к китайским реалиям; 3) в отличие от китайской традиции давать в заголовке максимально детализованный анонс информации, русские заглавия оформлены прагмемами (конструкции экспрессивного синтаксиса). Функция визуального сопровождения публикаций на «ЭКД!» – информировать русского читателя о китайских реалиях, а в китайских текстах фотографии выполняют функцию прагмем.

Список литературы

1. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. Москва : Флинта, 2021. 384 с.
2. *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
3. *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Москва : [б. и.], 2004. 544 с.
4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
5. *Михалёва О. Л.* Политический дискурс : специфика манипулятивного воздействия. Москва : Либроком, 2009. 256 с.
6. *Романова Т. В.* Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации : монография / Т. В. Романова, А. С. Винокурова, Д. А. Маликова. Нижний Новгород : Деком, 2021. 180 с.
7. *Сафина А. Р.* Особенности языка российских интернет-СМИ // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 41–46.
8. *Сонин А. Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.
9. *Хэй Цзычэнь.* Об особенностях языка современных китайских сетевых СМИ // Вестник Западного радио и телевидения. 2016. № 16. С. 43–44. 何紫宸. 试论我国当代网络新闻语言的特点 // 西部广播电视台. 2016年第16期 43–44页

Л. Г. СМЕРНОВА ©

Смоленский государственный университет, Россия
naksemit@gmail.com

АКТУАЛЬНАЯ АДГЕРЕНТНАЯ ОЦЕНКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается адгерентная (контекстуальная) оценка, которую приобретают в политическом дискурсе лексические единицы, называющие понятия, явления, актуальные для определенной исторической эпохи. Оценку, обусловленную политическими факторами, могут получать лексемы, нейтральные в системе языка, в том числе при углублении в специальное, «дальнейшее» значение языковой единицы. Адгерентная оценка во многих случаях выступает как амбивалентная, реализующая знаки плюс или минус в различных политически ангажированных дискурсах.

Ключевые слова: языковая оценка, актуальная лексика, адгерентная оценка, политический дискурс.

Smirnova Lyudmila Georgiyevna, Smolensk State University, Russia
naksemit@gmail.com

The actual adherent assessment of lexical units in the modern political discourse

The article deals with the adherent (contextual) assessment, acquired in political discourse by lexical units meaning the concepts and phenomena that are relevant for a certain historical era. The lexemes that are neutral in the language system can get an assessment caused by political factors. An assessment may appear when deepening into a special, "further" meaning of a language unit. Adherent evaluation in many cases acts as an ambivalent one, realizing plus or minus signs in various private politically biased discourses.

Keywords: language assessment, actual vocabulary, adherent assessment, political discourse.

Оценочное значение – особый тип прагматического значения, поскольку оценка явления действительности обусловлена не только внеязыковыми реалиями, но и отношением адресанта к предмету речи, его желанием «присоединить» адресата к своей оценочной позиции [4; 1; 7]. По словам Л. А. Сергеевой, «они (оценочные значения) способны “подключаться” к огромному массиву дескриптивных значений, реализуя свой потенциал предикатного значения. “Подключаясь”, они производят модификацию дескриптивных значений, обуславливая тем самым появление в языке новых значимостей (в том числе и прагматических)» [8, с. 288].

Широко используются средства выражения языковой оценки в политическом дискурсе, под которым здесь понимается широкий круг постоянно обновляющихся текстов, в том числе медиатекстов, обслуживающих сферу общественно-политических отношений. Проблематика современной политической лингвистики во многом связана с оценочными интенциями авторов медиатекстов. Это перлокутивные особенности политического текста, прагматический эффект медиатекстов, политическая метафорика, набор идеологем, присущих тому или иному политическому движению, и др.

Современная социополитическая ситуация характеризуется дроблением общенационального дискурса на более частные: официальный (властный) дискурс, коммунистический, патриотический, либеральный дискурсы, экологический, феминистский и некоторые другие дискурсы. Участники дискурсов (адресанты и адресаты текстов) объединяются на основе аксиологических предпочтений, общности когнитивной базы участников коммуникации, предполагающей однозначность восприятия оценки, заключенной в языковой единице.

В семантике лексической единицы, функционирующей в политическом дискурсе, можно противопоставить *устойчивую* и *актуальную* оценки. Если устойчивая оценка как компонент языковой единицы не меняет своего знака (*справедливость, предсказуемость, эффективность, подрыв, дезинтеграция*), то актуальная оценка конструируется в ряде случаев в результате целенаправленной пропагандистской деятельности. Подобная оценка содержится, например, в следующих единицах, актуальных для разных эпох: *православие, самодержавие, народность* (Российская империя), *индустриализация, коллективизация, космополиты, марристы, стахановское движение, культ личности* (СССР), *перестройка, гласность, лихие девяностые, модернизация, инновация, креативность, нанотехнология, успешность, толерантность, политкорректность, цифровизация, спецоперация* (современная РФ).

Актуальную оценку можно считать разновидностью *социальной оценки*, о которой писал в свое время Ш. Балли. В основном актуальные слова приобретают оценку в широком контексте общественно-политической ситуации и реализуют ее непосредственно в текстах. В лингвистической литературе контекстуально обусловленную оценку называют также *адгерентной* (речевой, окказиональной), в отличие от *ингерентной* (языковой, узальной) оценки [6; 5; и др.].

В современном политическом дискурсе крайне разнообразны приемы включения лексико-фразеологических единиц с оценкой. Могут быть использованы приемы дисфемизации, эвфемизации, интенсификация, деинтенсификация оценки, смена знака оценки (реверсивная оценка). Обычным является оценочное маркирование прямого или переносного значения нейтральных в системе языка единиц, в этом случае адгерентная оценка преимущественно отрицательная: *Основным управленцем станет госкорпорация ВЭБ РФ, которая после начала спецоперации подпала под жесткие санкции западных стран* (URL: <https://pravo.ru/story/239666/> (дата обращения: 10.09.2022)); *Нефть и газ накрыли потолками* (URL: https://www.kommersant.ru/doc/5546268?from=glavnoe_1 (дата обращения: 10.09.2022)).

В некоторых случаях основой для появления адгерентной оценки служат ассоциации историко-культурного характера: *Самая приятная новость для педагогов – ненавистный термин «образовательные услуги» из законов исключен. «Услужливая» школа уходит в прошлое* (<https://lgz.ru/article/-35-6849-31-08-2022/uslugam-zdes-nemesto/> (дата обращения: 10.09.2022)).

Оценочные ассоциации чаще всего коррелируют с конкретными идеологическими и аксиологическими установками автора. Так, в пространстве либерального дискурса слово *национализация* заведомо маркируется отрицательно, ассоциируясь с лексемой *грабеж*: **Недружественная национализация: как власти заберут иностранный бизнес. Неэффективный «грабеж»** (<https://pravo.ru/story/239666/> (дата обращения: 09.09.2022)).

Оценка может появиться при углублении в «дальнейшее» значение слова при нейтральности его «ближайшего значения» (термины А. А. Потебни). Обратим внимание на «адгерентное оценочное наполнение» термина *профицит*: *...За все время существования РФ ее внешняя торговля всегда характеризовалась превышением экспорта над импортом. Иначе говоря, профицитом... <...> ...Профициты трансформируются в вывоз из страны частного капитала, который уходит на Запад и в офшорные юрисдикции. ...Хронические профициты*

торговых балансов являются проявлением **колониального ограбления России Западом** (URL: <https://sovross.ru/articles/2309/58166> (дата обращения: 10.09.2022).

Оценку, входящую в семантику лексемы и способную реализовывать в разных контекстах знаки плюс или минус, мы определяем как *амбивалентную*. Адгерентную амбивалентную оценку могут получать в медиа-текстах некоторые ключевые идеологемы. Так, мелиоративная оценка в первом из приведенных ниже фрагментов противопоставлена пейоративной оценке во втором примере: *Европу объединяют... капитализм, наличие на определенном этапе буржуазии как главенствующего, руководящего класса общества, обладающего высокой степенью социальной ответственности, существование гражданского общества, политической демократии* [3, с. 42]; *Но на произнесение слова «капитализм» в нашем обществе наложено негласное табу. Потому что даже более молодые люди, которые не учили политическую экономию капитализма, интуитивно (на генетическом уровне) чувствуют, что это что-то нехорошее* (<https://sovross.ru/articles/2306/58128> (дата обращения: 11.09.2022).

Адгерентная амбивалентная оценка может быть присуща и проприальным именам: *... У нас сейчас Александру Третьему возводят памятники, выставляют его чуть ли не эталоном государственного деятеля. Ну, для правящей верхушки да, действительно, это эталон. Но для простого народа... Один «закон о кухаркиных детях» чего стоит* (<https://sovross.ru/articles/2308/58156> (дата обращения: 11.09.2022).

Характер адгерентной оценки (пейоративная или мелиоративная) идентифицирует принадлежность автора текста к определенной идеологии или точке зрения. Противопоставленность оценок, характеризующих одно и то же явление, свидетельствует о пропагандистской функции оценивания. Согласимся с Е. Бартминьским в том, что «агрессивность оценок и оценивания, приводящая к размыванию, а иногда и к полному уничтожению познавательного содержания слов, – явление, хорошо известное исследователям языка политической пропаганды» [2, с. 118].

Столкновение позитивных и негативных «образов», порождаемых словами с амбивалентной адгерентной оценкой, усиливает конфликтогенность современного общества. Аксиологическое размежевание обуславливается сегодня во многом не приверженностью к той или иной идеологии (идеологии «стерты»), а отношением к актуальным проблемам общества: пандемии, глобализации, принятым формам демократии, рыночной экономике, спецоперации и т. д. Общество распадается на отдельные корпоративные группы, объединенные своими интересами, аксиологическими доминантами, в том числе и языком. Достичь взаимопонимания в оценочной интерпретации актуальных явлений – важная задача современных гуманитарных наук, в частности лингвистики.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : оценка, событие, факт. Москва : Наука, 1988. 341 с.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике : пер. с польского. Москва : Индрик, 2005. 528 с.
3. Бушев А. Б. Медиадискурс миграционного кризиса // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2015. С. 37–42.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Наука, 1985. 228 с.
5. Куликова В. А. Особенности формирования адгерентной негативной оценочности медийных новообразований // Научный диалог. 2020. № 5. С. 97–112.
6. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления : проблемы семантики : монография. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1986. 227 с.
7. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1996. 47 с.
8. Сергеева Л. А. Оценочная семантика : опыт интерпретационного анализа : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004. 316 с.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Исследование выполнено в русле медиалингвистики, предметом изучения которой является медиатекст как дискурсивная дискретная единица. В статье описываются политические эвфемизмы, образно интерпретирующие события, происходящие в социуме. Экспрессивные субституты являются интенциональными единицами речевого акта, воздействующими на сознание массового адресата. Несмотря на то что эвфемистическая зашифровка формально позитивизирует стигматичность денотата, его реальное конситуативно обусловленное значение сохраняется в подтексте. Материалом для анализа послужили комментарийно-оценочные публикации, размещенные на страницах информационных агентств.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатекст, эвфемизм, экспрессема, эвфемистическая зашифровка, денотат.

Novoselova Victoria Andreevna, Petrozavodsk State University, Russia

novosita@mail.ru

Expressive euphemisms in the media texts of political discourse

The research was carried out in the mainstream of media linguistics, the subject of which is the media text as a discursive discrete unit. The article describes political euphemisms that figuratively interpret events taking place in society. Expressive substitutes are intentional units of a speech act that affect the consciousness of the mass addressee. Despite the fact that the euphemistic encoding formally positivizes the stigmatization of the denotation, its real consituatively conditioned meaning remains in the subtext. The material for the analysis was the commentary on the evaluation publications posted on the pages of information agencies.

Keywords: media linguistics, media text, euphemism, expresseme, euphemistic encoding, denotation.

Активное изучение эвфемизмов в отечественном языкознании начинается только в последние десятилетия прошлого века, тогда как явление эвфемии вызывало интерес у зарубежных исследователей еще в начале XX столетия [2]. В 1981 г. в Нью-Йорке появляется словарь эвфемизмов английского языка Х. Роусона [9]. В Великобритании широкой популярностью пользуется выдержавший уже несколько изданий словарь Р. Холдера, в котором представлено 60 лексико-семантических групп эвфемистических номинаций [10].

В современной русистике эвфемизмы являются предметом интенсивного исследования. Рассматриваются квалификационные признаки этих единиц [6, с. 17], критерии их идентификации [8], сферы функционирования [4, с. 398–400; 1], разрабатывается типология заменных номинаций [3; 5], поставлены вопросы о целях эвфемизации [4, с. 391–398], прослеживаются связи эвфемии и средств речевой выразительности [6]. В 2008 г. вышел «Словарь эвфемизмов русского языка Е. П. Сеничкиной [7].

Эвфемизмы функционируют в различных областях человеческой деятельности. Они употребляются в официально-деловой, научной, художественной, публицистической, разговорной речи. Л. П. Крысин разделил сферы эвфемизации на личные и социальные. Первые касаются личной жизни, личного взаимодействия коммуникаторов, а социальные сопряжены со сферой общественных отношений [4, с. 390].

Социальные эвфемизмы широко используются в актах политического дискурса с целью снижения напряженности в обществе, вуализации истинного смысла нежелательных явлений, камуфлирования негативных реалий. Эвфемистические замены смягчают высказывания, порождают в сознании человека положительные ассоциации. Однако позитивация (улучшение) негативного денотата носит формальный характер и не устраняет его настоящего значения, понятного коммуникантам.

В медиатекстах социальные эвфемизмы способны употребляться в функции экспрессем. Учитывая адгерентную коннотацию этих языковых единиц, Е. П. Сеничкина относит их к окказионализмам [6, с. 17–18]. По ее мнению, окказиональные эвфемизмы обладают «максимальной степенью эвфемизации» [7, с. 17].

Как показывают наблюдения, окказиональные эвфемизмы широко используются в комментарийно-оценочном жанре, который отличается направленной экспрессивностью. В публикациях аналитического характера отчетливо проявляется творческая индивидуальность автора, его идеологическая позиция, отношение к деятельности государственных и общественных структур и их лидеров. Комментарийные медиатексты, как правило, освещают события в иронической тональности, создаваемой различными способами, в ряду которых видное место занимают окказиональные эвфемистические выражения.

Рассмотрим эвфемизмы с иронической модальностью в контексте политического дискурса при освещении тем, актуальных для мирового сообщества.

Поскольку смысловое содержание окказиональных эвфемизмов и их экспрессивная функция констатирующе обусловлены, анализ субститутов предваряется соответствующими сведениями информативного характера.

1. Американский профессор, специалист по вопросам международных отношений Чарльз Купчан считает, что США и страны Запада допустили стратегический просчет, проигнорировав предостережения Москвы относительно расширения НАТО на Восток и оставив без внимания право Москвы на ее безопасность:

География и геополитика имеют значение; крупным державам не нравится, когда другие крупные державы забредают на их задний двор (РИА Новости, 02.09.2022)¹.

Забредают на их задний двор – строят военные базы НАТО и размещают войсковые подразделения блока на территориях бывших союзных республик СССР, граничащих с Россией².

В окказиональном эвфемизме метафора *задний двор* синонимична понятию *ближнее зарубежье*. Следует отметить, что в политическом дискурсе традиционно функционирует устойчивое выражение *задний двор Америки*, обозначающее страны Латинской Америки, на которые распространяется влияние Соединенных Штатов.

Аллюзия к фразеосочетанию *задний двор Америки* объясняет недоумение автора относительно позиции США в вопросе безопасности России: Вашингтон защищает собственные границы, следуя принятой еще в 1823 г. Доктрины Монро, декларирующей принцип невмешательства других стран в его политику, но при этом не учитывает, что право на безопасность и суверенитет имеют и другие государства, не желающие попадать под влияние Соединенных Штатов и стран Запада.

2. В медиатексте телеграм-канала «Государственник»³ под заголовком «Приготовьтесь к эпическому финалу» анализируется социально-политическая ситуация стран Евразии и США в связи с введением антироссийских санкций и прогнозируется тенденция к замедлению темпов экономического роста в этих государствах.

Автор задается вопросом о том, можно ли предотвратить или замедлить рецессию, и сам отвечает на него:

Можно ли остановить кризис? Да. Для этого нужна Новая Ялта, которая пока невозможна без Нового Нюрнберга – это 80 лет назад у союзников по антигитлеровской коалиции не было противоречий по поводу нацизма в Германии, а сейчас весь мир соткан из таких противоречий (Государственник, 01.09.2022).

Нужна Новая Ялта, которая пока невозможна без Нового Нюрнберга – необходимо объединение политических элит Запада, выступающих против возрождения фашизма и нацистской идеологии, которое станет возможным только после международного суда по военным преступлениям киевского режима.

Экспрессивный эвфемизм вызывает ассоциации с известными эпохальными историческими событиями: Ялтинской конференцией лидеров стран антигитлеровской коалиции и Нюрнбергским военным трибуналом над нацистскими преступниками.

Аллюзия раскрывает содержание медиатекста: стабильность экономического развития государств возможна только при условиях мирного сосуществования стран, независимо от их общественного строя, на основе равноправия, уважения к суверенитету, соблюдения международных правовых норм.

3. В настоящее время, как известно, Великобритания переживает не только политический, но и экономический кризис. Проблемы в энергетической отрасли и инфляция стали следствием недальновидной санкционной политики правительства.

В медиатексте «Голодранцы» в ироническом ключе нарисована гипотетическая картина недалекого будущего Соединенного Королевства в условиях энергетического коллапса:

Это к тому, что Британия начинает возвращаться во времена ландо, кэбов и дилижансов – так и вижу чопорных британских джентльменов и леди, оседлавших сверхтехнологичное средство передвижения на мускульной тяге в одну (1) лошадь (Государственник, 18.11.2022).

Британия начинает возвращаться во времена ландо, кэбов и дилижансов – в Британии отмечается беспрецедентная инфляция, постепенно снижающая уровень жизни большинства населения.

В экспрессивном эвфемизме используется гипербола, с помощью которой автор в насмешливо-ироническом тоне акцентирует внимание на негативных тенденциях в сфере экономического развития страны, сопряженных с колониальными традициями политической элиты. Иронию усиливает антифразисный эпитет *сверхтехнологичный*, характеризующий ретро-экипажи на конной тяге.

4. Накануне семнадцатого саммита G20 (2022) министр финансов США Джанет Йеллен посетила с однодневным визитом Индию с целью повлиять на политику Нью-Дели в угоду интересам Америки.

Сегодня министр финансов США Джанет Йеллен вылетела в Нью-Дели, дабы уговорить товарища Моди присоединиться к потолку цен на российскую нефть – как показал визит главы МИД Индии в Москву, обратно в Вашингтон **мадам Йеллен полетит в стае птиц обломинго** (Государственник, 11.11.2022).

Мадам Йеллен полетит в стае птиц обломинго – Джанет Йеллен не удалось заставить Нарендру Моди присоединиться к антироссийским санкциям и поддержать установление потолка цен на российскую нефть.

Насмешливо-иронический тон эвфемизма усиливает окказионализм *обломинго*, образованный способом телескопической аббревиации – соединением разговорной лексемы *облом* (фиаско) и финали слова *фламинго*: облом + -инго.

5. В последние 20–30 лет в Европе пропагандировалась «зеленая» энергетика, которая, как оказалось, не оправдала себя. Ветряные турбины и солнечные батареи вырабатывали при идеальных погодных условиях максимум 16 % электроэнергии, а зимой генерация снижалась до нуля. Ситуацию спасали резервные традиционные источники энергии – тепловые, атомные, водяные. Отказ Европы от нефти и газа из России поставил промышленность стран «коллективного Запада» на грань выживания.

Умные люди это понимают без перевода, а для альтернативно одаренных дойдет через альтернативное отопление, альтернативное электричество и альтернативную еду этой зимой. И да, через альтернативную работу весной, когда промышленность Европы вдруг куда-то денется – не вся, но в большей своей части (Государственник, 05.10.2022).

Для альтернативно одаренных – для людей с невысокими умственными способностями; *альтернативное отопление* – отопление дровами или каменным углем; *альтернативное электричество* – зажженные свечи в доме и костры на улице; *альтернативная еда* – вегетарианская дешевая еда с насекомыми и желтыми мучными червями вместо мяса, официально разрешенная Еврокомиссией и пропагандируемая в СМИ; *альтернативная работа* – неквалифицированный труд разнорабочего.

В экспрессивных эвфемистических словосочетаниях с повторяющимся определением прослеживается саркастическая характеристика критического состояния экономики европейских стран, возникшего вследствие их неадекватной агрессивной политики по отношению к России.

6. Чтобы лишить Россию прибыли от продажи энергоресурсов, западные страны снизили потребление нефти и газа, что вызвало повышение цен на топливо и спровоцировало энергетический кризис в Европе. С целью минимизировать риски члены Большой семерки, нарушая принципы рыночной экономики, решили установить потолок цен на газ и нефть из России, однако не учли, что Москва прекратит поставки энергоресурсов в недружественные страны, но увеличит их экспорт в Индию и Китай и останется в выигрыше.

Комментируя эти события, автор медиатекста делает вывод:

Танец с саблями постепенно перерастает в народный европейский танец с соплями (Государственник, 07.09.2022).

Танец с саблями постепенно перерастает в народный европейский танец с соплями – агрессивная санкционная политика США и Европы с целью уничтожения экономики России бумерангом ударила по благосостоянию населения стран Запада.

С помощью эвфемистического выражения автор в образной форме интерпретирует события, связанные с экономическим кризисом в Европе. Западные лидеры, размахивающие санкционным оружием против России, лишь на первый взгляд напоминают танцоров из балета А. Хачатуряна «Гаянэ», которые демонстрируют виртуозное владение саблями перед восхищенными зрителями. На самом деле неуклюжие, нелепые, нескладные манипулятивные действия еврочиновников с рестрикциями значительно снижают уровень жизни своих собственных граждан, что не вызывает у них восторга.

7. Пандемия и беспрецедентное санкционное давление на Россию стали причиной разбалансированности экономики стран Еврозоны.

...Именно там аккумулируются последствия событий последних двух лет, начиная от пандемии и заканчивая лихорадочными попытками потушить костер инфляции ведрами с керосином (Государственник, 03.10.2022).

Потушить костер инфляции ведрами с керосином – устранить инфляцию путем введения очередных санкций против России и выделения военной и финансовой помощи Киеву на деньги налогоплательщиков.

Чтобы показать абсурдность деятельности Евросоюза, в метафорическом эвфемизме используется алогизм, создающий комический эффект.

8. Венгерское правительство проводит независимую политику в отношении событий на Украине. Лидер правящей партии Виктор Орбан выступает против поставки вооружений Киеву и не поддерживает антироссийские санкции.

А санкции продлеваются исключительно при стопроцентном консенсусе – и пока Еврокомиссия с апреля этого года только грозила Будапешту пальчиком, венгры дружно гребли в одной лодке с остальным Евросоюзом (Государственник, 19.09.2022).

Пока Еврокомиссия только грозила Будапешту пальчиком, венгры дружно гребли в одной лодке с остальным Евросоюзом – председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен выражала неудовольствие по поводу самостоятельной внешней политики Виктора Orbana, но не шантажировала его, не угрожала и не применяла санкций против Венгрии до тех пор, пока премьер-министр в категорической форме не выступил против введения эмбарго на российскую нефть.

В качестве средств речевой выразительности в эвфемизме употребляются трансформированные фразеологические обороты. В компонентной структуре устойчивого словосочетания *грозить пальцем* вместо слова *пальцем* используется диминутив *пальчиком* с субъективно-оценочным значением, что создает комический эффект, порожденный стилистическим несоответствием этой языковой единицы с терминологической лексикой, употребляемой в контексте. Замена и расширение компонентного состава фразеологизма *быть/находиться в одной лодке* позволяют автору показать насмешливо-презрительное отношение к странам «коллективного Запада», которые напоминают рабов, прикованных цепями к галере. Премьер-министр Виктор Орбан заслуживает уважения, поскольку он смог разорвать цепи Евросоюза, когда решения этого объединения стали приносить вред экономике Венгрии.

9. В комментарий-оценочной статье «А нас-то за шо?!», опубликованной на портале «Рука Кремля», раскрываются двойные стандарты США, Великобритании и Евросоюза, анализируются факты, доказывающие вину Запада в сознательном разрушении не только российской, но и мировой экономики, поэтому не стоит удивляться, что агрессивная политика Евросоюза бумерангом ударила по «коллективному Западу». Делая вывод, автор публикации отвечает на вопрос, поставленный в заголовке:

Так что вот за это всё! И это ещё генерал Мороз не прибыл на службу... (Рука Кремля, 20.10.2022; Natalie R)⁴.

И это ещё генерал Мороз не прибыл на службу – с наступлением зимы тяжелое экономическое положение стран Еврозоны может стать критическим.

В экспрессивном эвфемизме дается аллегорический образ беспощадного генерала Мороза, в котором воплощается представление о российском климате в условиях суровой зимы. Этот мифический персонаж был создан в период войны 1812 г.: французские генералы рассматривали зимние морозы как основную причину поражения своей армии в войне с Россией. На генерала Мороза зарубежные военные эксперты списывают и разгром немецких войск под Москвой⁵. Следует отметить, что в настоящее время в медиатекстах аналитического характера, описывающих взаимоотношения России, Украины и Запада, все чаще упоминается образ генерала Мороза, который призван помочь России в ее борьбе за сохранение своего суверенитета.

В заключительной части публикации выражается надежда, что генерал Мороз расставит все по своим местам, приведет в чувство неадекватную политическую элиту западных стран и заставит их осознать то, что они натворили в Европе и мире. Знак многоточия (фигура умолчания) в конце предложения свидетельствует о незаконченности высказывания и наводит на размышления о непредсказуемости грядущего.

10. Многомиллиардное финансирование и систематические поставки тяжелого вооружения нацистскому режиму Зеленского затягивают проведение специальной операции и препятствуют мирным переговорам. Западное оружие активно используется ВСУ не только в военных целях, но и для уничтожения мирных людей, разрушения их жилья и инфраструктуры на неподконтрольных Киеву территориях и в приграничных российских поселениях. С назначением генерала Сергея Суровикина командующим ВКС России и Южной группой войск связываются надежды россиян на принуждение Украины к миру.

Утро действительно выдалось добрым, генерал Сергей «Армагеддон» Суровикин привычно взялся за старое – уж что-то, а говорить на языке, понятном бармалям, он умеет в совершенстве (Государственник, 10.10.2022).

Говорить на языке, понятном бармалям, он умеет в совершенстве – генерал имеет богатый опыт ведения войны в Афганистане, он сражался с афганскими и сирийскими бандитскими формированиями, и этот опыт поможет ему уничтожить озверелых неонацистов на Украине.

Аллюзивное слово *бармалеи* отсылает адресата к кровожадному персонажу из детских сказок Корнея Чуковского. Стилистический прием антономасии помогает создать образ врага – злого, безжалостного, жестокого.

Характеризуя Суровикина, автор упоминает прозвище *Армагеддон*, данное ему в Сирии за умение стратегически мыслить, принимать неординарные жесткие решения, которые противник не в состоянии разгадать, что и приводит к его поражению. Благодаря метонимическому переносу исходного значения лексемы *Армагеддон* (война, конец света), формируется представление о волевом, сильном человеке, военачальнике, который ведет беспощадную борьбу с террористами, неонацистами и их приспешниками.

Вызывает интерес происхождение слова *Армагеддон*. Оно восходит к названию горы (холма) Мегиддо, что находится на территории Израиля. В Апокалипсисе (Откровении) Иоанна Богослова предсказывается, что именно на этом месте произойдет решающая битва добра со злом перед вторым пришествием Иисуса Христа на землю.

Как показывают наблюдения, без экспрессивных эвфемизмов не обходится ни один комментарийно-оценочный медиатекст, так как в нем, по определению, гармонично сочетаются стандарт и экспрессия. Образные субституты являются продуктом творчества участников политического дискурса – государственных и общественных деятелей, политологов, социологов, журналистов. Авторы публикаций с помощью окказиональных экспрессем рисуют образные картины реальной действительности, в которых отражается жизнь социума. Субъективно-оценочные замененные номинации, как правило, носят шутливо-иронический или саркастический характер, они создаются с использованием разнообразных тропов, стилистических фигур, выразительно-образовательных приемов повествования. В контекстуальном эвфемизме, как и в узуальном, автор сохраняет истинность высказывания, поэтому «улучшение» стигматичности денотата носит формальный характер, что позволяет адресату понять, о каком предмете или явлении идет речь.

Таким образом, экспрессивные окказиональные эвфемизмы в комментарийно-оценочном медиатексте выполняют изобразительно-выразительную, характеризующую, собственно номинативную, речетворческую функции. Неузуальная интерпретация негативных социальных явлений оказывает аттрактивное воздействие на адресата и влияет на формирование его представлений о реалиях современности.

Примечания

¹ РИА Новости – Российское информационное агентство «Новости».

² Денотативное значение эвфемизма указывается после его отдельной иллюстрации и оформляется через тире.

³ Государственник – телеграм-канал О. А. Коршунова на платформе Яндекс Дзен.

⁴ Рука Кремля – информационно-аналитический портал. Главный редактор портала – Александр Малькевич – член Общественной палаты России, генеральный директор телеканала «Санкт-Петербург».

⁵ Французский обозреватель Филипп Леймари в своей публикации для газеты *Le Monde diplomatique* пишет, что Украина находится под угрозой «генерала Мороза»: «Генерал Мороз с чередой дождей, снегов и сильных холодов черырежды в истории был решающим оружием России, затем Советского Союза: против монголов, шведов, французов (при Наполеоне в 1812 году) и немцев (при Гитлере в 1941 году) (Царьград, 20.11.2022).

Список литературы

1. Заварзина Г. А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» // Русская речь. 2006. № 2. С. 54–55.
2. Зверева М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики : науч.-теорет. и прикл. журнал. 2017. № 12, ч. 4. С. 86–90.
3. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу. Ленинград : ЛГУ, 1988. 80 с.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : [коллективная монография] / Ин-т русского языка РАН. Москва, 2000. С. 385–408.
5. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 64–67.
6. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс. Москва : Высшая школа, 2006. 161 с.
7. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. Москва : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
8. Солодилова И. А. Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2017. № 11 (211). С. 73–78.
9. Rawson X. A Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk. New York : Crown. Cop., 1981. 312 p.
10. Holder R. W. Oxford Dictionary of Euphemisms. London : Oxford University Press, 1987. 524 p.

ВЫРАЖЕНИЕ НЕУВЕРЕННОСТИ В ИНТЕРВЬЮ

В статье анализируются фрагменты интервью с юристами, где они не могут сразу дать ответ на вопрос, касающийся их профессиональной области. В центре внимания находятся средства выражения неуверенности: языковые явления разного порядка, а также телесные действия. Одна единица может отражать колебания и выполнять при этом другие функции: позволить взять черед, отложив ответ, выражать эмоции и отношение, оформлять неудобную тему и косвенную речь, выделять слова. Сгущения хезитаций внутри ответа могут отражать низкую степень отрефлексированности проблемы.

Ключевые слова: неуверенность, интервью, хезитации, конверсационный анализ, юрист.

Rudneva Ekaterina Alekseevna, St. Peterburg State University; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Russia
katja1985mt@yandex.ru

Expressing uncertainty in interviews

The article analyzes excerpts from interviews with lawyers, where they cannot immediately answer a question related to their professional area. The analysis focuses on means of expressing uncertainty: various language phenomena as well as bodily actions. An element can reflect hesitation and at the same time perform other functions: allow to take a turn, postpone the answer, express emotions and attitudes, frame a sensitive topic and indirect speech, highlight words. Hesitation clusters within a response may demonstrate lack of reflection on the problem.

Keywords: uncertainty, interviews, hesitations, conversation analysis, lawyer.

Цель исследования – проанализировать, какими средствами выражается неуверенность в ходе интервью, где задаются вопросы, касающиеся профессиональной области респондентов. В этом случае человек с меньшей вероятностью открыто признает, что не может ответить на вопрос и настойчивее пытается найти ответ. Более того, если в такой ситуации оказывается юрист (как в нашем материале), то отсутствие четкого ответа на вопрос входит в противоречие с представлениями о ценностях профессии, такими как четкость и ясность.

В работах по психолингвистике и дискурсивному анализу выражение неуверенности связывается с хезитациями, или колебаниями в речи [1]. В основополагающем исследовании, материалом для которого стали записи выступлений в университете, Маклай и Осгуд рассматривают следующие виды хезитаций:

- повторы («любой длины, которые считаются семантически незначимыми»);
- фальстарты («неполные высказывания или самоперебивания»);
- заполненные паузы, в том числе «хезитационными средствами» (как англ. *er*);
- незаполненные паузы [1, с. 24].

Данный список, как видно, имеет довольно размытые границы. Кроме того, он не является конечным и может быть расширен, в том числе за счет тех лексических единиц, которые также могут выполнять хезитационную функцию (например, вводных слов и частиц) [2].

Более узкое понимание предлагается в исследованиях, основанных на корпусах устной речи: хезитации – один из видов сбоев (наряду с самоисправлением), когда «артикуляция текущей “порции” завершена прежде, чем подготовлено дальнейшее развертывание дискурса, и требуется заполнить время, пока завершится подготовка следующей “порции”». Такие «перерывы... для планирования или перепланирования следующей порции дискурса... могут воплощаться как абсолютные паузы, как заполненные паузы (“долексические” заполнения, “мэканье”), а также как удлинение (нефонологическая долгота) отдельных звуков в словах» [3, с. 3]². Часть языковых единиц, которые относятся к хезитациям в других работах (например, «актуализаторы» *да* и *нет*), здесь попадают в категорию дискурсивных маркеров, «функции которых находятся в сфере организации и регулирования дискурсивного потока» [4].

Другая точка отсчета предлагается в рамках подхода, который можно назвать *лингвоантропологическим* или *интеракционным*. Выражение неуверенности рассматривается как социальное действие, открывающее определенные возможности для дальнейших действий [5]. Оно привлекает внимание к тому, что иначе осталось бы без внимания, позволяет проверить догадки о социальном положении собеседников (например, насколько схожи их знания о ситуации и можно ли их объединить в пару), предоставляет возможности подстроить разговор

под разных участников, совместного поиска слова, работы над идентичностью, изменения хода взаимодействия. Такой взгляд на явления, которые относились бы к хезитационным в рамках других подходов, обнаруживает их новые функции.

Анализ хезитаций в интервью важен еще и потому, что позволяет глубже понять полученные ответы. Материал настоящего исследования составили интервью с юристами, проведенные в рамках гранта РФФ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика». Встречи проводились в личной форме или в программе Zoom, велась аудио- или видеозапись. Ниже анализируются три фрагмента и показывается, как в них выражается неуверенность и как оформляется поиск слов, а также предлагаются интерпретации функций хезитационных явлений. Транскрипция выполнена по правилам конверсационного анализа (см., например, [6]). Используются следующие обозначения:

(4.2)	длительность паузы
,	интонационный контур продолжения
.	нисходящий интонационный контур
ну:	удлинение звука
((поворачивает))	телесное действие
>как-то<	произносится быстрее, чем окружение
=	отсутствие паузы между соседними репликами
<u>заложили</u>	просодическое выделение
дума-	обрыв слова
[]	одновременное говорение
°вот°	произносится тише, чем окружение
(???)	неразборчивая речь

Первый фрагмент выбран из интервью, проведенного в Zoom, которое записывалось на видео:

- 01 Е: а может, какие-то случаи приведете,
- 02 когда вот непонимание
- 03 ну, привело к какой-то проблеме?
- 04 непонимание документов.
- 05 (4.2)
- 06 они должны что-то подписывать вообще?
- 07 (2.6)
- 08 Д: ну:
- 09 (0.5)
- 10 ппп ой слушайте ну:
- 11 подписывать естественна: (0.6)
- 12 (1.5) это довольно (1.7) вообще наверно
- 13 распространенная
- 14 распространенная практика
- 15 ((поворачивает голову в сторону))
- 16 ((руку подносит к подбородку))
- 17 я все пытаюсь подумать
- 18 на каком-то примере (4.0)

В этом фрагменте речь идет о людях, находящихся в психиатрических больницах, как правило, лишенных дееспособности. После первой части вопроса (в строках 1–4) и незаполненной паузы (5) интервьюер предлагает другую формулировку вопроса (6), поскольку воспринимает паузу как отсутствие ответа или непонимание. Такая последовательность действий может быть связана с онлайн-форматом, когда возможны технические сбои и, в отличие от коммуникации лицом к лицу, менее очевидна обратная связь и меньше возможностей мгновенно удостовериться в том, что тебя слышат. Получается, чтобы показать, что он в принципе планирует отвечать, респондент не может просто молчать. Кроме того, первое «ну:» (8) с эмфатической интонацией, как видно

далее, имеет продолжение «ну, естественно». Затем идет цепочка хезитационных явлений (11) и как раз то самое «естественно», которое произносится с заметным удлинением конечного гласного (длительность звука – 0,6 сек.), выполняющим также эмфатическую функцию. Таким образом, хезитации здесь, во-первых, позволяют продемонстрировать намерение и взять черед (произнести свою реплику в диалоге). Во-вторых, они вербализуют мыслительный процесс, который требует времени, о чем Д. сообщает и эксплицитно (17, 18). Хезитационную функцию могут выполнять и телесные действия, отражающие раздумья (15, 16).

Второй фрагмент взят из личной беседы в офисе юридической компании:

- 01 Р: то есть ну мы как бы, на другом делаем бизнес.
02 мы не не помогаем как-то там моше:нничать или
03 >как-то там что-нидь такое< выкру:чиваться,
04 >и нам конечн-, ((смешок)) когда нас в этом<
05 обвиняют,>мы просто сидели дума-<,
06 как, ну в смыс-, как это возможно вообще говорить,
07 что мы там, что-то заложили в договор такое какое что
08 значит потом можно будет весь бизнес отнять обратно, ну=
09 Е: =а почему они такое говорили?
10 Р: э: (0.6)
11 Е: такое бывает вообще? юристы делают, да?
12 Р: ну, недобро-, ну да, конечно. да. да.
13 но:, во-первых, э:, условно говоря, есть как бы э,
14 есть юристы, которые занимаются, тоже, ну >обслуживают
15 определенные интересы клиентов<
16 °вот ну клиенты говорят, давайте мы там как-нибудь°,
17 ну юрист делает. ну мы таким не занимаемся прост-,
18 я не к тому, что там, мы там, такие ры-рыцари, значит, на белом
19 [коне а есть такие]
20 Е: [к тому к тому] ((со смешком))
21 Р: чернокнижники понимае- юридические

Этот фрагмент насыщен хезитационными явлениями, которые выполняют и другие функции, в том числе участвуют в оформлении неудобной темы. Так называемые маркеры «препаративной подстановки» «для отложенной части» [7, с. 11] «как-то там», «как-то там что-нидь такое» (произнесены быстрее окружения) здесь не только позволяют подобрать слова, но и выделить их, в том числе через варьирование темпа речи. Выделение осуществляется также путем удлинения гласных звуков «моше:нничать», «выкру:чиваться». Второе из этих слов выделяется особенно четко, по контрасту с произнесенным более быстро окружением. В строке 7 перед цитированием чужой речи также идет маркер «там, что-то».

Удлиненный звук э в строке 10 (длительность 0,6 сек.) представляет собой нарочитое исполнение хезитации, т. е. говорящий использует ресурс, чтобы показать отношение к вопросу (можно интерпретировать как «сложно сказать, почему»). Вводные слова, такие как «во-первых» и «условно говоря» в строке 13, могут выполнять собственно прямую функцию, выражая отношение говорящего или упорядочивая поток речи, но вместе с тем и хезитационную, отражая подбор слова в случае неудобной темы. Это подтверждается тем, что здесь эти лексические единицы находятся в составе цепочки хезитаций. Кроме того, хезитационные явления участвуют в оформлении косвенной речи, вместе с темпом и громкостью, как мы наблюдаем в строках 13–16.

Третий фрагмент был записан в программе Zoom, но велась только аудиозапись, в соответствии с желанием респондента:

- 01 Е: наверное, последний у меня вопрос,
02 а скажите пожалуйста, что такое юридический документ?
03 с вашей точки зрения
04 (2.1)
05 С: юридический документ, м: °а° (0.6) ((смешок))
06 ну, э, документ в принципе, он не может быть

- 07 не юридическим и это я с точки зрения,
- 08 как бы своего восприятия
- 09 Е: угм
- 10 (0.7)
- 11 С: э:м (2.5) филологического, да, значения слова документ.
- 12 но в целом, это, наверное, документ, который (0.5)
- 13 эм(1.0), удостоверяет (0.3) э: (2.1) те или иные
- 14 права (1.1) или (0.2) права и обязанности
- 15 (???) какого-то лица.

Это тот случай, когда у респондента нет внятного ответа и это расходится с представлениями о социальных ролях, так как вопрос касается профессионального понятия. После паузы (4) и повтора словосочетания идет цепочка хезитационных элементов, включающая звуки, в том числе растянутый, паузу, смешок, частицу. Таким образом, такое действие, как смех, может становиться в один ряд с хезитационными явлениями, но при этом способно выполнять и другие функции – в частности, как в нашем случае, проявлять отношение говорящего к обсуждаемому вопросу и ситуации. После первой части ответа (5–8) идет вторая с множеством пауз, незаполненных и заполненных растянутыми звуками (11–15). В этом фрагменте цепочки хезитаций внутри длинного ответа показывают мыслительный процесс и то, что человек не задумывался над вопросом ранее (низкую степень отрефлексированности).

Наконец, в выражении неуверенности участвуют языковые единицы и явления разного порядка: лексические единицы, повторы, самоисправления, сбивчивая речь, удлинение звуков, смена темпа речи, незаполненные паузы, а также телесные действия. Одна языковая единица может отражать колебания и выполнять при этом другие функции: позволить взять черед, выражать эмоции и отношение, оформлять неудобную тему и косвенную речь, выделять слова.

Хезитационный элемент в интервью дает возможность взять очередь для отложенного ответа, если трудно сформулировать его сразу. Хезитации могут участвовать в оформлении косвенной речи и вкраплении фрагментов других дискурсов, вместе со сменой громкости и темпа речи. Реплики, насыщенные хезитационными явлениями, могут быть продолжительными, когда респондент стремится продемонстрировать профессиональную компетентность и не склонен кратко признавать, что не знает ответ. Сгущения хезитационных явлений внутри реплики-ответа могут отражать низкую степень отрефлексированности проблемы, а также указывать на отношение к теме.

Список литературы

1. *Maclay H.* Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech / H. Maclay, Ch. Osgood // *Word*. 1959. 15 (1). P. 19–44.
2. *Богданова-Бегларян Н. В.* Кто ищет – всегда ли найдет? : (о поисковой функции вербальных хезитативов в русской спонтанной речи) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. 2013. Вып. 12 (19) : в 2 т. Т. 1. С. 125–136.
3. *Подлеская В. И.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи / В. И. Подлеская, А. А. Кибрик // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. 2007. № 2. С. 2–23.
4. *Подлеская В. И.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа : опыт корпусного исследования / В. И. Подлеская, А. А. Кибрик, 2009. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 28.09.2022). Текст : электронный.
5. *Goodwin Ch.* Forgetfulness as an interactive resource // *Social Psychology Quarterly*. 1987. Vol. 50 (2). P. 115–130.
6. *Jefferson G.* Glossary of transcript symbols with an introduction // Lerner H. G. (ed.) *Conversation Analysis: Studies From the First Generation*. Amsterdam, 2004. P. 13–31.
7. *Podlesskaya V. I.* Parameters for typological variation of placeholders // Amiridze N., Davis B. (eds.). *Fillers in discourse and grammar*. Amsterdam, 2010. P. 11–32.

МОДЕЛИ НЕУЗУАЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМЫ ПАТРИОТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются особенности неузальной речевой реализации лексемы *патриот* в моделях генитивной сочетаемости (патриот чего?) в свете языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ в современной русской речи. Показано, что генитивная сочетаемость этой лексемы является очень репрезентативной, так как именно она демонстрирует расширение сферы приложимости понятия о патриоте применительно к таким сферам, для которых раньше это было невозможно. Речь идет, по сути, о том, патриотом чего может мыслиться человек в современном мире. Также лексема *патриот* в сочетании с существительными в родительном падеже входит в разнообразные игровые модели, что свидетельствует о ее значительном экспрессивно-оценочном потенциале.

Ключевые слова: лексема *патриот*, концепт ПАТРИОТИЗМ, концептуальный анализ в лингвокультурологии, семантические преобразования, модели генитивной сочетаемости, Национальный корпус русского языка.

Radbil Natalya Valeryevna, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia
nagov@list.ru

Models of non-usual compatibility of the lexeme "patriot" in modern Russian speech

The work deals with the features of the non-usual speech implementation of the lexeme *patriot* in models of genitive compatibility (patriot of what?) in the aspect of language objectification of the concept PATRIOTISM in the modern Russian speech. It is shown that the genitive compatibility of this lexeme is very representative, since it demonstrates the expansion of the scope of applicability of the concept PATRIOT in relation to such areas for which it was previously impossible. It is, in fact, about what a person in the modern world can think of as a patriot. Also, the lexeme *patriot* in combination with nouns in the genitive case is included in a variety of game models, which indicates its significant expressive and evaluative potential.

Keywords: the lexeme *patriot*, the concept PATRIOTISM, conceptual analysis in cultural linguistics, semantic transformations, models of genitive compatibility, Russian National Corpus.

В статье представлен фрагмент комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ, предпринятого в наших предыдущих работах [4; 5]. В центре исследования новые явления в языковом воплощении концепта ПАТРИОТИЗМ в современной русской речи, которые реализованы на лексико-семантическом уровне системы языка посредством актуализации моделей неузальной сочетаемости лексемы *патриот* по генитивной синтаксической схеме ПАТРИОТ (чего?).

Методологической основой исследования являются идеи и принципы современной лингвокультурологии [1; 8], когнитивно ориентированной теории языковой концептуализации мира [3; 7; 9] и теории языковой картины мира [2; 6]. В качестве непосредственного метода исследования используется методика комплексного анализа ключевых концептов культуры, принятая в Нижегородской концептологической школе [10]. Материалом для исследования выступают контексты генитивной сочетаемости, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

В соответствии с принятой концепцией исследования новые явления в речевой реализации концепта ПАТРИОТИЗМ связаны с семантическими и оценочными преобразованиями слов – репрезентантов концепта на лексико-семантическом и словообразовательном уровне. Нас в данной работе будут интересовать только лексико-семантические инновации на основе функционирования лексемы *патриот* в современной русской речи. Они связаны с обогащением семантического объема концепта и с развитием его коннотативно-оценочного потенциала за счет расширения сочетаемости, в том числе актуализации моделей сочетаемости неузальной. Мы рассмотрим только один тип такой сочетаемости, а именно модели сочетаемости лексемы *патриот* с существительными в родительном падеже. По нашим наблюдениям, наряду с атрибутивной сочетаемостью, сочетаемость генитивная является очень репрезентативной, так как именно она демонстрирует расширение сферы приложимости понятия о патриоте применительно к таким сферам, для которых раньше это было невозможно. Речь идет, по сути, о том, патриотом чего может мыслиться человек в современном мире.

Так, в ряде случаев лексема *патриот* сочетается с существительными, имеющими конкретное значение – они могут обозначать химические элементы, препараты, вещества и пр.:

Кандидат геолого-минералогических наук Игорь Яницкий – ее заведующий. И, естественно, большой **патриот гелия**. Потому что, и он это повторяет неустанно, изучению гелиевых потоков из глубин к поверхности огромное значение придавал еще Вернадский [Андрей Тарасов. Когда Земля вздрагивает // Знание – сила, 1998];

– Я – **патриот** нашей **вакцины**: она менее травматична, она дешевле, с одного эмбриона получаем несколько доз, а инактивированной – только одну, – говорит Брызгалова [Александр Торгашев. 280 спасателей мира // «Русский репортер», № 43 (122), 12–19 ноября 2009];

– Елена Глебовна приняла бутылку; тональность голоса – лукавая милота. – Эти **патриоты** отечественных **вин**... – Ну, я вообще-то не француз, – уклончиво возразил Леон, – но винно-французский патриот, да [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)];

Инициатива пылких **патриотов** тысячелетнего **флага** с крылатым львом св. Марка на сей раз встала если не в ряд, то в группу подобных событий в разных уголках Европы... [Михаил Визель. Несерьезный референдум // «Эксперт», 2014].

В таких случаях реализуется потенциальная сема слова *патриот* – ‘поклонник, любитель’ на основе семантической импликации (следования).

Сочетание лексемы *патриот* со словами, обозначающими виды человеческой деятельности, способы существования или какие-либо иные абстрактные понятия, реализуют потенциальную сему ‘сторонник, защитник’:

И лишь после многих трудов и мучений **патриоты науки** получают возможность спокойно поработать [Самая устойчивая «нестабильность» (1998) // «Профессионал», 01.07.1998];

Я, как **патриот театра**, могу рассказывать о нем бесконечно [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)];

Патриот детства, я, пожалуй, известность Котикова среди очень строгого в ту пору отбора дачного населения поставил бы выше [Александр Нилин. Белая глина // «Октябрь», 2003];

Но когда к двум часам дня со всей Москвы в бар приехали настоящие **патриоты семейной жизни**, мы выяснили, что способов укреплять семью на самом деле больше [Рустам Арифджанов, Василий Гулин. 14 способов укрепления семьи (1997) // «Столица», 15.07.1997];

...партия владельцев иностранных машин боролась с партией **патриотов** отечественного **автомобилестроения** [Дуня Смирнова. Вероломное нападение продуктов на человека (1997) // «Столица», 12.08.1997];

Надолго не только члены бюро секции, но и весь ее актив стали постоянными, чуть ли не ежедневными, посетителями водолазного класса ЦМК, где собирались такие же **патриоты подводного спорта** – представители многих предприятий Москвы. [В. А. Степанов. Четыре года (Из опыта работы секции подводного спорта) // «Спортсмен-подводник», 1962];

И хочу спросить кой у кого: имею я право, как советский гражданин, как **патриот сибирского спорта**?.. [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)];

Нам не хочется становиться **патриотами советского оружия** (лучше уж быть патриотами по мясу и башкамак) [Леонид Загальский, Юрий Щекочихин. Уроки чужой беды // «Огонек», № 14, 1991].

Интересны случаи сочетания слова *патриот* с существительными, обозначающими процесс:

С тех пор и по сегодняшней день Володя Панченко – один из самых главных и верных **патриотов спасения стерхов** [Владимир Флинт. Журавль в небе // «Знание – сила», 1998];

Правда, Марк Иванович не устроил Кучиева в летчики, но, горячий **патриот освоения Арктики**, посоветовал ему: «Испытайте себя Севером, юноша...» [Ю. Лушин. «Арктика» против Арктики // «Огонек», 1975].

В этих случаях также можно говорить о реализации имплицитной потенциальной семы ‘сторонник, защитник’.

В обследованном материале, кроме того, представлены контексты неузуальной генитивной сочетаемости, в которых реализуются модели «языковой игры», в экспрессивном, чаще иронически сниженном плане, как, например, во фрагменте: – К чему чернить всех патриотов, барон? – недовольным тоном сказал Колчак. – Обыватели – **патриоты брюха**! Да и кто теперь в нашем активе? [А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966–1973)] – где можно видеть, что употребление емкой образной формулы *патриоты брюха* призвано выразить негативно-ироническое, даже презрительное отношение говорящего к обывателям, которые, по его мнению, лишены духовных интересов и заражены потребительским отношением к жизни, озабочены исключительно материальными интересами.

В примере: *Облако плыло над Скифией*. – Ты **патриот пространства**! – доносился издали голос Жени Рейна [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)] – актуализована модель семантической компрессии: имеется в виду, что

объект такой метафорической характеристики любит наблюдать открытые пространства, любоваться ими, пребывать в них.

В ряде случаев мы имеем дело с метафорической субституцией – заменой прямого обозначения какого-либо места на его косвенную номинацию посредством называния какого-либо атрибута, характерной приметы данной локации:

Злата, умевшая все «изузорить» (создать уют), в ответ сшила ему, «патриоту» местных вод, Андреевский флаг – память, которую он увезет с собой даже в эмиграцию... [В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)];

– *А ты не патриот родных помоек, а я вот патриот родных помоек* [Андрей Пермяков. Темная сторона света // «Волга», 2013].

В этих случаях в иронически сниженном ключе обыгрывается идея «местечкового» патриотизма.

В целом проведенное исследование продемонстрировало, что слова – репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ, в частности лексема *патриот*, существенно расширяют сферу приложимости, употребляясь применительно к таким тематическим областям, для которых представление о патриотизме раньше не предусматривалось. Также лексема *патриот* входит в разнообразные игровые модели, что свидетельствует о ее значительном экспрессивно-оценочном потенциале.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. Москва : Русские словари, 1997. 416 с.
2. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
4. *Наговицына Н. В.* Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 120–131.
5. *Наговицына Н. В.* Особенности языкового воплощения концепта «патриотизм» в современном русском языке: синтагматический, парадигматический и деривационный аспекты // Русский язык в поликультурном мире : II Междунар. симпозиум (8–12 июня 2018 г.) : сб. науч. статей : в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Т. 2. Симферополь, 2018. С. 270–277.
6. *Радбиль Т. Б.* Концепт *игры* в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва, 2006. С. 308–316.
7. *Радбиль Т. Б.* Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 56–79.
8. *Радбиль Т. Б.* «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. / под ред. Л. А. Климовой, В. И. Супруна ; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас ; Саров, 2016. С. 49–54.
9. *Радбиль Т. Б.* Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
10. *Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов* : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2018. 232 с.

В. Е. ЗАМАЛЬДИНОВ©

Нижегородская академия МВД России, Россия
zvlad-nn@yandex.ru

МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются медийные новообразования в социокультурном аспекте. Анализируются узуальные (префиксация, суффиксация, аффиксоидация) и неuzuальные (междусловное наложение, графическая гибридизация) способы дерива-

ции. Делается вывод о том, что новые номинации обладают экспрессивностью, привлекают внимание носителей языка, отражают реалии современной действительности.

Ключевые слова: новообразования, русский язык, социокультурный аспект, способы словообразования, язык СМИ.

Zamal'dinov Vladislav Evgen'evich, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russia
zvlad-nn@yandex.ru

Media innovations: socio-cultural aspect

The article discusses media nominations in the socio-cultural aspect. The article analyzes the conventional (prefix, suffixation, affixation) and non-conventional (inter-conditional overlap, graphic hybridization) methods of derivation. It is concluded that the new nominations have expressiveness, attract the attention of native speakers, reflect the realities of modern reality.

Keywords: word-formation innovations, Russian language, socio-cultural aspect, ways of word-formation, language of mass media.

Основным средством воздействия на сознание аудитории является язык средств массовой информации (СМИ). Медийная коммуникация участвует в распространении культурных ценностей, формирует общественное мнение, реагирует на социальные изменения, происходящие в обществе.

Одним из средств отражения социальной действительности являются словообразовательные неологизмы (новообразования). С помощью новых слов адресант манипулирует сознанием носителей языка, создает определенную картину мира.

Цель исследования – проанализировать медийные новообразования в социокультурном аспекте.

Теоретической базой для проведения данного исследования послужили работы отечественных ученых, посвященные изучению медийных новообразований в различных аспектах (см., например: [3; 5; 2; 4]).

Для создания медийных номинаций журналисты активно используют узуальные и неuzuальные (оказиональные) способы. Узуальные слова образуются в соответствии с имеющимися в языке способами деривации. При создании же оказионализмов адресант сознательно нарушает языковую норму.

В медийных текстах широко представлены такие узуальные способы деривации, как префиксация, суффиксация и аффиксоидация. Так, в языке СМИ распространены префиксальные номинации, созданные на базе ключевого слова *санкции*: *Зампред Совбеза РФ добавил, что с точки зрения устава Организации Объединенных Наций (ООН) такие санкции нелегитимны, то есть это квазисанкции* («Комсомольская правда», 30.06.2022); *Интересная ситуация и с российским газом. Пока Запад призывал от него отказаться, Газпром сам сократил поставки, мотивируя тем, что оборудование на ремонте в Канаде, а забрать его из-за санкций невозможно. Пришлось Германии уговаривать США и Канаду вернуть России турбину. Та, в порядке исключения, согласилась это сделать. Вот такие недосанкции* («Хорошие новости», 11.07.2022); *Алиханов заявил, что России есть чем «экономически ответить», что весьма критично для Литвы; <...> И заметил, что «транспортный комплекс Прибалтики может быть уничтожен в случае, если Россия применит антисанкции по отношению к грузам, которые идут в сторону балтийских стран и из них* («Baltnews», 13.07.2022). Для создания подобных номинаций журналисты активно используют приставки *квази-* со значением неистинности, *недо-* со значением неполноценности, *анти-* со значением противоположности.

Востребованы в медийных текстах и суффиксальные номинации, созданные на базе ключевых слов эпохи (*коронавирус, ковид, вакцина*): *Мамочки, перестаньте «коронавирусить»!* (заголовок) («FLB.ru», 03.03.2020); *«Ковидовщина» внесла свой вклад в мошеннические стратегии и модели поведения – появилось множество «историй», связанных с выплатой компенсаций пострадавшим в результате пандемии и самоизоляции, а также проекты «удачных вложений» в лекарства и вакцину от COVID-19* («Вологда регион», 24.11.2020); *Вакциноид!* – *яростно крикнул Иван Иванович своему недавнему доброму другу и соседу Ивану Никифоровичу* («Проза.ру», 02.09.2021). Как видно из примеров, в медийных текстах продуктивны такие суффиксы, как *-и-*, *-цин(а)*, *-оид*. Для подобных номинаций характерна отрицательная оценочность, которая усиливается контекстуальным окружением.

Продуктивным способом образования новых номинаций является аффиксоидация. Под аффиксоидами мы понимаем морфемы, которые не могут употребляться в виде корней простых слов. Разновидностью аффиксоидации является префиксоидация. С помощью новообразований префиксоидного характера журналисты привлекают внимание читателей к актуальным явлениям действительности, выражают собственную позицию или позицию издания.

Так, развитие цифровых валют в современном мире повлияло на распространенность префиксоида *крипто-* семой 'скрытый, тайный' в медийных текстах: *Украивший \$36 миллионов **криптовор** спалился, купив редкий*

ник в онлайн-игре (заголовок) («Onliner», 19.11.2021); *И хотя президент Кубы Мигель Диас-Канель говорил о продолжении информирования общественности по вопросу цифровых активов, он все же предупредил о том, что на острове продолжаются **криптомахинации** вроде «схем инвестиционных пирамид»* («Crypto News», 08.12.2021); *Стали известны детали организации финансовой пирамиды одного из крупнейших **криптомошенников**, задержанного в Испании* («Красная весна», 04.01.2022). Для подобных новообразований с префиксоидом *крипто-* довольно часто характерна негативная экспрессия, которая обусловлена семантикой мотивирующего слова (*вор, махинация, мошенник*).

Достаточно употребителен в медийных текстах исконный префиксоид *лже-* со значением ложности, неистинности: *В Москве **лже-таксисты** ограбили пассажиров на 6 миллионов рублей* (заголовок) («Российская газета», 06.04.22); *93-летняя псковичка отдала накопления мошенникам ради помощи **лже-внучке*** (заголовок) («Московский комсомолец в Пскове», 19.07.2022); *Во Владимире **лже-отделочник** обманул горожан на 1,6 млн рублей* (заголовок) («Московский комсомолец во Владимире», 21.07.2022); *У **лже-майора**, оказывается, бизнес по производству продуктов питания. А она все это время кормила клиентов сказками. За что теперь, вроде как, кается* («Smotrim.ru», 23.07.2022). Префиксоид *лже-* присоединяется, как правило, к основам одушевленных имен существительных. Подобные номинации отражают распространение фальшивых идей и подделок в современном мире, обозначают лиц с ложным социальным/профессиональным статусом.

Для привлечения внимания читателей адресант довольно часто использует в медийной коммуникации номинации, образованные с помощью неузальных способов деривации: *Без вины **свиноватые*** (заголовок). *Рост производства, сокращение экспорта на фоне сложностей с логистикой в связи с военными действиями на Украине, а также снижение внутреннего спроса из-за падения доходов населения могут серьезно ухудшить положение российских производителей свинины* («Коммерсантъ», 21.06.2022) ← *свиц(ина) + **виноватые***; *В **запчастном** порядке* (заголовок). *ОСАГО подорожает из-за роста цен на автомобильные комплектующие* («Коммерсантъ», 23.06.2022) ← *запчаст(и) + **частный***; *Удачная **МАСКировка*** (заголовок). *Илон Маск захватывает мир в интересах США* («Наша версия», 16.05.2022); *НеуДАЧА* (заголовок). *Аренда дач стала дороже отдыха в Турции* («Наша версия», 06.06.2022). Для создания номинаций неузального характера авторы статей часто используют такие способы словообразования, как междусловное наложение и графическая гибридизация. Окказиональные слова являются средством языковой игры, обладают повышенной экспрессивностью.

Подводя итог, отметим, что медийные новообразования являются средством отражения действительности. Как отмечает И. В. Ерофеева, «активизация словообразовательных процессов в определенный исторический период всегда обусловлена социальным заказом» [1, с. 226]. Для создания новых номинаций журналисты используют узальные (префиксация, суффиксация, аффиксоидация) и неузальные (междусловное наложение, графическая гибридизация) способы деривации. Медийные новообразования привлекают внимание читателей, свидетельствуют об общественных умонастроениях.

Список литературы

1. *Ерофеева И. В.* Активные процессы в именном словообразовании современного русского языка // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей VI Междунар. симпозиума, Ялта, 8–12 июня 2022 г. Симферополь, 2022. С. 226–232.
2. *Замальдинов В. Е.* Актуальные антропонимы и их словообразовательные возможности в современных медиатекстах // Текст. Структура и семантика : доклады Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 дек. 2016 г. Москва, 2017. С. 245–250.
3. *Катермина В. В.* Прагматическая функция неологизмов в англоязычном дискурсе социальных сетей // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 474–479.
4. *Надин Д. А.* Медийные новообразования в эпоху пандемии коронавируса // Новые горизонты русистики. 2021. № 13. С. 96–102.
5. *Соснина Л. В.* Медийные новообразования как средство отражения социокультурных процессов // Язык как отражение духовной культуры народа : материалы Междунар. науч. конф., Архангельск, 18–20 окт. 2018 г. Архангельск, 2018. С. 195–199.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИФИНГОВ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИД РОССИИ)

Статья посвящена изучению стратегий негативной вежливости в политическом дискурсе. Как стратегия отдаления, стратегия негативной вежливости может эффективно предотвращать сбои в общении, вызванные вторжением в область собеседника. На брифингах официальным представителям часто необходимо донести официальные взгляды и требования, поэтому важно позитивно и правильно использовать негативные стратегии. По результатам исследования, проведенного авторами статьи, можно резюмировать следующие стратегии негативной вежливости: использование косвенных и смягченных высказываний, пессимизм, выражение уважения, выражение извинения.

Ключевые слова: стратегии негативной вежливости, брифинг, особенности русской коммуникативной культуры.

Zhao Zehong, Saint Petersburg State University, Russia

zhaozehong@mail.ru

Implementation of the communicative strategy of negative politeness in political discourse (based on briefings of Russian Foreign Ministry officials)

This article is devoted to the study of negative politeness strategies in political discourse. As a withdrawal strategy, the negative politeness strategy can effectively prevent disruptions in communication caused by intrusion into the interlocutor's area. At briefings, officials often need to convey official views and demands, so it is important to use negative strategies positively and appropriately. Based on the results of the study conducted in this article, the following strategies of negative politeness can be summarized: the use of indirect and softened statements, pessimism, expression of respect, expression of apology.

Keywords: negative politeness strategies, briefing, features of Russian communicative culture.

Вежливость необходима в общении, поскольку каждый человек «постоянно нуждается в признании, в устойчивой и, как правило, высокой оценке собственных достоинств, каждому из нас необходимы и уважение окружающих нас людей, и возможность уважать самого себя» [3, с. 88]. С точки зрения речевой коммуникации вежливость определяется как универсальная коммуникативная категория, которая выступает в качестве модератора в речевом общении людей с целью достижения бесконфликтного общения и содействия успешной коммуникации. Две известные коммуникативные стратегии вежливости были предложены П. Брауном и С. Левинсоном – стратегия позитивной вежливости и стратегия негативной вежливости, обе они основаны на концепции лица.

В теории вежливости Брауна и Левинсона «лицо» определяется как своеобразный социальный имидж, который каждый член общества хочет сохранить [4, с. 61]. Понятие «лицо» включает в себя «позитивное лицо» и «негативное лицо»; при этом «позитивное лицо» понимается как положительный образ, который каждый хочет создать – «желание быть желанным другими» [4, с. 62], а «негативное лицо» понимается как свобода действий, которую каждый хочет иметь без вмешательства со стороны других [4, с. 129]. «Позитивная вежливость» направлена на то, чтобы удовлетворить позитивное лицо собеседника. Ее стратегия проявляется в общении как установление и поддержание контакта, сокращение дистанции друг от друга, проявление внимания и интереса к собеседнику, а также взаимопонимание и взаимное признание [4, с. 101]. «Негативная вежливость» описывается П. Брауном и С. Левинсоном как «основа уважительного поведения» [4, с. 129], ее стратегии направлены на то, чтобы продемонстрировать признание независимости собеседника и избежать вторжения в его сферу за счет поддержания социальной дистанции [4, с. 145]. Можно сказать, что в речевом общении коммуникант надеется сократить дистанцию между собой и собеседником, но при этом все же сохранить уместное дистанцирование, чтобы не обидеть собеседника. Следовательно, коммуникативные стратегии вежливости проявляются в двух направлениях: демонстрация солидарности и сохранение дистанции [1, с. 39].

В настоящее время существует очень мало исследований коммуникативных стратегий вежливости в политическом дискурсе, при этом источником материала чаще всего становятся выступления политиков. Брифинги еще не использовались в качестве источника для изучения стратегий вежливости, поэтому их анализ представляется новым и необходимым. Материалы исследования взяты с сайта МИД РФ¹, где представлены 409 текстов,

из которых методом систематической выборки отобраны 40 текстов. Временные рамки материалов – с 19 марта 2009 г. до 13 января 2022 г. Представлены выступления трех официальных представителей МИД: А. А. Нестеренко, А. К. Лукашевича и М. В. Захаровой. На основе анализа материала были обнаружены следующие стратегии негативной вежливости.

1. Использование косвенных и смягченных высказываний.

(1) Еще раз **хотели бы напомнить** нашим гражданам, планирующим отдых за рубежом, о необходимости тщательно оценивать всевозможные риски, связанные с путешествием в ту или иную страну (13.05.2021).

(2) Однако в случае отсутствия на данном направлении видимого прогресса мы **не исключаем возможности** оказания на иранцев дополнительного давления с помощью санкций (25.03.2010).

(3) **Хотели бы отметить, что если** возникнет ситуация, когда Вашингтон не возобновит дипломатический иммунитет нашей собственности, **то** ответ в отношении американских объектов в России будет зеркальным (08.06.2017).

(4) Беспрецедентное терпение и по-настоящему дружеское отношение России, которое было продемонстрировано по отношению к Украине и украинскому народу, тоже **не безгранично** (26.12.2018).

(5) Поэтому по всем вопросам, связанным с визитами Президента В. В. Путина, **будьте добры** обращаться в Пресс-службу Президента (27.08.2015).

(6) Если вы увидите, то, **пожалуйста**, направьте нам такие сообщения, и мы ознакомимся с этими публичными оценками (24.03.2016).

(7) **Хотел бы обратить внимание на то**, что в этих сообщениях содержится неточность: речь идет всего лишь о заседании Консультативной группы (25.03.2010).

(8) **Если позволите, я бы хотела** рассказать очень уместный в данном случае анекдот (12.05.2016).

(9) **Можно я возьму это в качестве домашнего задания?** Обязательно на следующем брифинге предоставлю Вам подробные комментарии (08.02.2018).

(10) О планах северокорейского коллеги, **наверное, лучше** поинтересоваться в Посольстве КНДР в Москве (05.06.2013).

(11) **Посоветовала бы** американским коллегам быть повнимательнее с тем предметом, о котором они так безапелляционно говорят и уверенно рассуждают (27.08.2015).

В приведенных примерах нетрудно найти взаимосвязь между негативной вежливостью и побудительным речевым актом (пример 1 – напоминание, примеры 2 и 3 – угроза, пример 4 – предупреждение, примеры 5–9 – просьба, примеры 10–11 – совет). Побудительные речевые акты называют опасными коммуникативными действиями [5, с. 58], поскольку они оказывают влияние на слушателя и побуждают его к определенным действиям. Стратегия негативной вежливости заключается в том, чтобы свести к минимуму воздействие на слушателя и проявить уважение к его независимости. Следовательно, побудительные речевые акты должны быть скорректированы с помощью некоторых лингвистических средств, чтобы соответствовать требованиям вежливости, а стратегии для этих корректировок являются стратегиями негативной вежливости. Можно заметить, что в примерах косвенные и смягчающие стратегии в основном достигаются с помощью маркеров вежливости (будьте добры, пожалуйста), сослагательного наклонения и вопросительных предложений.

Кроме того, при анализе материала были отмечены некоторые особенности русской коммуникативной культуры. В следующих примерах мы можем видеть совет, приказание и приглашение, которые не были смягчены дополнительными средствами. Российские коммуникаторы и в настоящее время являются представителями культуры коллективизма, близость отношений всегда была характерна для русской коммуникации, поэтому для коммуникаторов приемлемо абсолютно прямо говорить о своих желаниях, намерениях и публично выражать свое мнение. Можно сказать, что воздействие на слушателя не нарушает коммуникативных норм русской культуры [2, с. 218–221], а в некоторых случаях коммуникаторы даже преднамеренно усиливают влияние на слушателя, как в примере 15.

(12) В этой связи **рекомендуем** российским туристам, собирающимся на отдых в Хургаду и Шарм-эш-Шейх, проявлять бдительность и избегать посещения других городов и районов Египта (31.03.2011).

(13) **Давайте посмотрим**, что там происходит в самом деле (24.03.2016).

(14) Это потрясающий интернет-проект. Я Вас всех **приглашаю** его посетить, посмотреть (28.01.2021).

(15) Мы **очень просим** обращать особое внимание граждан на конкретные примеры, которых очень много, для того, чтобы убеждать их в необходимости подобных заблаговременных мер (08.06.2017).

2. Пессимизм.

Стратегия заключается в том, чтобы уменьшить влияние на собеседника. Говорящий демонстрирует, будто он сомневается в возможности своего влияния на собеседника, тем самым помогая собеседнику в случае необходимости иметь возможность отказаться от действий [2, с. 99–100].

(1) **Было бы здорово, если бы** наши британские коллеги-журналисты обратили внимание еще и на другие новости (26.12.2018).

(2) **Не могли бы Вы привести какой-нибудь международный документ, который говорит о нелегитимности этих властей, процитировать его или хотя бы назвать?** (06.10.2015)

3. Выражение уважения.

В материале данная стратегия проявляется в виде использования полного имени:

19 марта в Москве состоялось заседание «квартета», в котором приняли участие **Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, Министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров** (25.03.2010).

4. Выражение извинения.

Стратегия заключается в том, что говорящий заранее приносит извинения за слова, которые вот-вот затронут собеседника:

Извините за напоминание, но, действительно, это очень важный момент (08.06.2017).

Подводя итоги, отметим, что, в силу влияния национально-культурной специфики, в России нетипично использование стратегий негативной вежливости; а отсутствие разнообразия стратегий негативной вежливости в материале вызвано стилистикой текстов – источников материала, в силу чего стратегия негативной вежливости обладает характеристиками повторяемости и единичности в данном материале.

Примечание

¹ URL: https://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings.

Список литературы

1. *Вильданова Г. А.* Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект : монография. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 162 с.
2. *Ларина Т. В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2003. 494 с.
3. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой ; вступ. ст. Н. Н. Акулиной. Санкт-Петербург : Евразия, 1999. 478 с.
4. *Brown P.* Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. D. Levinson. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1987. 345 p.
5. *Fasold R.* The Sociolinguistics of Language. Oxford : Blackwell, 1990. 342 p.

СУНЬ МИНЦЗЭ©

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия – КНР

547360687@qq.com

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье сопоставляется использование различных риторических приемов в текстах МИД РФ, посвященных нынешней международной ситуации, с передачей этих риторических приемов в текстах на китайском языке главного новостного агентства КНР Синьхуа Новости. Проанализированы пути, по которым производится перевод риторических приемов, позволяющий сохранить эмотивность текста при переводе с русского на китайский, что необходимо для осуществления главных стратегий дипломатического дискурса. В центре внимания переводы текстов, содержащих анафору и антитезу, и методы их передачи китайскими переводчиками сайта Синьхуа Новости.

Ключевые слова: риторические приемы, дипломатический дискурс, перевод.

The article compares the use of various rhetorical devices in the texts of the Russian Foreign Ministry on the current international situation with the translation of these rhetorical devices in the Chinese texts of China's main news agency Xinhua News. This article analyses the ways in which rhetorical devices are translated to preserve the emotionality of the text when translated from Russian into Chinese, which is necessary to implement the main strategies of diplomatic discourse. The focus is on the translations of texts containing anaphora and antithesis, and the methods of their transmission by Chinese translators of Xinhua-news.

Keywords: rhetorical devices, diplomatic discourse, translation.

В современной политической ситуации дипломатический дискурс приобрел совершенно новое звучание. Если раньше русский дипломатический дискурс был нацелен на то, чтобы использовать «мягкую силу» в международной коммуникации, то в настоящий момент русский дипломатический дискурс предельно заострен в полемическом смысле. В этом плане важно сопоставить русские оригиналы (заявления дипломатов) с переводом их на китайский язык и посмотреть, в какой степени китайские журналисты и переводчики (в частности те, кто переводит на китайский язык новости на основных порталах и сайтах) стремятся сохранить новое звучание русского дипломатического дискурса.

Для анализа новаций в политическом дискурсе и их перевода на китайский нами были рассмотрены фрагменты выступления русских дипломатических представителей и переводы данных текстов на китайский язык.

Сразу отметим, что политические новости из России занимают отнюдь не первые и не вторые позиции на главном китайском политическом новостном портале Синьхуа Новости.

Прежде всего, наметим самые главные и самые общие стратегии дипломатического дискурса. Дипломатический дискурс представляет собой особую форму политической коммуникации, в нем наблюдается использование тех речевых стратегий, которые часто появляются в политическом дискурсе. К ним относятся *убеждение, смягчение, театральность* и т. д. Если мы тщательно изучим тексты и высказывания представителей дипломатического ведомства, которые были опубликованы в СМИ или на официальном сайте, то можно заметить, что для реализации данных стратегий дипломаты нередко используют в своей речи разнообразные риторические приемы, которые позволяют максимально полно раскрыть тему выступления, сделать его живым, понятным и интересным для аудитории.

Проанализируем воплощения ряда риторических приемов, таких как анафора, эпитифора, параллелизм, антитеза, в тех высказываниях, которые были опубликованы на сайте МИД России в первой половине 2022 года, и сравним оригиналы с их переводами на китайский язык, для того чтобы понять, насколько китайские переводы совпадают с русскими оригиналами по структуре и эффекту воздействия используемых риторических приемов. Сосредоточимся лишь на риторических приемах, оставив за скобками политический подтекст.

Рассмотрим отрывки сообщения МИД России по поводу нынешней международной ситуации:

1. *Там же прозвучали вопросы: Где западные журналисты? Где те самые профильные западные неправительственные организации, выступающие против использования подобного вида оружия? Они молчат и «не видят».* [1]

还有人问，西方记者在哪里？那些反对使用此类武器的非常专业的西方非政府组织在哪里？他们都沉默不语，“视而不见”。[2]

2. *Что только наши журналисты и средства массовой информации на себе не вынесли. Это и выдворение, это и недопуск, это и включение в стоп-листы, закрытие, штрафы, и просто стигматизация, то есть навешивание ярлыков, обзываний, культура отмены (по-русски лучше всего сказать – травли), которую развернули против них* [3].

还有什么是我们的记者和媒体没有经历过的。他们被驱逐，被拒绝、被列入禁止名单、被关闭、被罚款和被直接污名化，也就是被贴上标签、被点名，以及针对他们发起的废止文化（用俄语说就是“迫害”）。[4]

В вышеуказанном оригинальном русском тексте используется риторический прием – анафора, который состоит в повторении слов или группы слов в начале фразы, используется для того, чтобы привлечь внимание аудитории к говорящему. Анализируя оригиналы и их переводы, отметим очевидную разницу при использовании данного приема в двух языках. В первом примере анафора осуществляется повторением вопросительного наречия “где”, а в его китайском переводе ситуация выглядит иначе. Согласно правилам китайского языка в вопросительном предложении наречие 在哪里 (“где”) обычно ставятся в конце предложения. Однако китайский

переводчик успешно выходит из положения, заменяя анафору другой, близкой риторической фигурой – эпифорой (повтором слова в конце предложения, которое имеет сходный эффект воздействия на слушателя/читателя). Во втором примере анафора воплотилась с помощью повторения группы слов “это и”. Перечисляя несправедливые поступки латышской стороны, говорящий также осуществил прием градации. А в китайском варианте тот же эффект достигается при повторении служебного слова 被, которое обозначает воздействие, служит для образования пассивной формы глагола. Значение иероглифа 被 совсем не соответствует значению “это и”, его способ употребления ближе к “быть”, т. е. 被驱逐 (“быть выдворены”), 被罚款 (“быть штрафованы”). Поэтому в китайском переводе прием анафоры более похож на параллелизм с эмфазой. Тем не менее в этих примерах эффект китайских переводов соответствует его русским оригиналам – выражает сильную эмоцию говорящего и сарказм по отношению к Западу.

Рассмотрим еще один отрывок:

Это не начало войны. Это операция для окончания войны [3].

这不是战争的开始。这是为了结束战争的行动。

В данном примере используется риторический прием – эпифора, который, наоборот, состоит в повторении слов или речевых конструкций в конце предложения в целях усиления выразительности выступления. Кроме того, в этом примере также используется другой прием – **антитеза**, которая заключается в «резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом». Если мы сравним русский оригинал с китайским переводом, мы ясно увидим, что в китайском варианте уже отсутствует признак эпифоры в связи с тем, что это не позволяет сделать синтаксис китайского языка: другой порядок слов во фразе для обозначения отношения принадлежности (начало войны / окончание войны – в русском языке значение принадлежности, части целого передается генетивной конструкцией: часть + целое в Р. П., а в китайском – иначе). Тем не менее в китайском варианте сохраняется признак антитезы – 开始, 结束 (“начало”, “окончание”). Использование данного приема в этом отрывке усилило выразительность и убедительность речи, потому что контраст принесет слушателям сильное впечатление, другими словами, импонирует слушателям.

Рассмотрим еще один пример с китайским переводом, в котором также используется антитеза:

В любом случае членство в НАТО не повысит уровень безопасности Швеции хотя бы потому, что стране никто не угрожает, но приведет, безусловно, к утрате суверенитета в принятии внешнеполитических решений [5].

无论如何，加入北约都不会提高瑞典的安全水平，至少是因为没有人威胁该国，但是这样做必将导致其在外交决策中丧失主权。[6]

Анализируя оригинал и перевод, мы видим, что в китайском варианте полностью сохранилось использование антитезы по указанию противоположных понятий: 提高安全水平 – 丧失主权 (“повысить уровень безопасности” – “утрата суверенитета”). Итак, можно утверждать, что в этом примере китайский перевод прекрасно и верно воплощает антитезы, передавая истинную мысль русской стороны. Указание этих противоположных понятий делает заявление России более убедительным, якобы исходя из интереса Швеции, а на самом деле выражает решимость защиты российского интереса.

Анализируя риторические приемы в русском дипломатическом дискурсе и переводы русских текстов на китайский язык, мы можем прийти к выводу, что риторические приемы нередко встречаются в современном дипломатическом дискурсе, использование которых делает его более экспрессивным и полемически острым. Что касается перевода русских текстов на китайский язык, то из-за разных, в том числе синтаксических, особенностей обоих языков в некоторых случаях отсутствует признак используемых риторических приемов. Для того чтобы адаптироваться к привычкам экспрессии китайского языка, в китайских вариантах наблюдаются изменения, иногда используются другие приемы, которые делают переводы понятными и в то же время создают схожие эффекты воздействия на аудиторию. А в других случаях китайские переводы полностью совпадают с русскими оригиналами по структуре и эффекту воздействия используемых риторических приемов.

Список литературы

1. Захарова М. В. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1824782/ (дата обращения: 02.08.2022). Текст : электронный.
2. 俄罗斯外交部官方发言人玛利亚·扎哈罗娃新闻发布会, 莫斯科, 2022年8月2日
URL: https://mid.ru/cn/press_service/statements_spokesperson/briefings/1824782/. Text : electronic.
3. Захарова М. В. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1800470/ (дата обращения: 25.02.2022). Текст : электронный.
4. 俄罗斯外交部官方发言人玛利亚·扎哈罗娃新闻发布会, 莫斯科, 2022年2月25日
URL: https://mid.ru/cn/press_service/statements_spokesperson/briefings/1800470/. Text : electronic.
5. Заявление МИД России о членстве Швеции в НАТО. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1813545/ (дата обращения: 16.05.2022). Текст : электронный.
6. 俄罗斯外交部关于瑞典申请加入北约的声明, 2022年5月16日. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1813545/?lang=cn. Text : electronic.

ЧЖАО ЦЗЭЛИ ©

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

zhaozeli@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ УСТНОГО МОНОЛОГА-РАССКАЗА НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ: НАЧАЛО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ)

В статье анализируются в сопоставлении особенности зачина (начала) монолога-рассказа одних и тех же информантов-китайцев на родном и неродном языке, а также устанавливается корреляция между этими особенностями и индивидуальными характеристиками говорящих. Результаты анализа могут быть полезны в исследовании первичной и вторичной языковой личности, а также в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: монолог-рассказ, зачин, речевой корпус, социолингвистика, психолингвистика.

Zhao Zeli, Saint Petersburg State University, Russia

zhaozeli@mail.ru

Features of the construction of an oral monologue-story in the native and non-native languages: the beginning of the text (based on the material of Chinese speech)

The article analyzes in comparison the features of the beginning (beginning) of the monologue-story of the same Chinese informants in the native and non-native languages, and also establishes the correlation between these features and the individual characteristics of the speakers. The results of the study can be useful in the study of primary and secondary linguistic personality, as well as in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: monologue-story, inception, speech corpus, sociolinguistics, psycholinguistics.

Монолог – одна из основных форм устной речи. В отличие от диалога, основанного на обмене репликами, монолог обращен говорящим к самому себе и не рассчитан на обязательную словесную реакцию другого лица [3, с. 120]. Монолог имеет такие важнейшие текстовые категории, как цельность и связность, которые проявляются и на содержательном, и на формальном уровнях организации его структуры [2, с. 65]. В результате построение монолога явно сложнее, чем диалога, и по его особенностям можно судить об уровне владения человеком речью [1, с. 310].

Способ построения монолога во многом зависит от характеристик языковой личности. Однако в дополнение к *первичной языковой личности*, сформированной родной языковой средой, при изучении иностранного языка рождается и *вторичная языковая личность*. Особый интерес представляет в этом отношении сопоставительное описание монологов на родном и неродном для говорящего языке.

Материалом для исследования стали 29 монологов-рассказов на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека», записанных от 20 китайских информантов (20 – на русском языке и 9 – на китайском). Все информанты – учащиеся петербургских вузов, в возрасте 23–

28 лет. Их состав был сбалансирован по полу (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком (ТРКИ) (10 человек с более высоким уровнем С1 и 10 – с более низким уровнем В2). Все информанты прошли также психологический тест Г. Айзенка (на китайском языке), который выявил в их составе 9 интровертов (И), 6 амбивертов (А) и 5 экстравертов (Э).

Структура монолога предполагает три части: зачин, основная часть и концовка [4, с. 11]. Анализ материала показал, что такая полная структура встречается далеко не во всех монологах, как на родном, так и на неродном языке. На неродном (русском) языке наиболее частотны оказались тексты неполной структуры – 45 %, монологи полной структуры составили лишь 35 %. 20 % текстов не имеют ни зачина, ни концовки. В материале на родном (китайском) языке также наиболее распространены монологи неполной структуры (55,5 %), однако почти половина (44,5 %) текстов имеют все же и зачин, и концовку, а монологов без зачина и без концовки не встретилось вовсе. То есть с точки зрения структурной целостности монологи на неродном языке немного уступают текстам, построенным на родном для говорящего языке. Дальнейший анализ показал, что в речи на любом языке информанты уделяют больше внимания зачину, чем концовке: на родном языке 77,7 % монологов имеют зачин, 66,7 % имеют концовку. На неродном языке данное соотношение составляет 60 и 45 %. В этой ситуации особый интерес к началу монолога представляется вполне оправданным.

Зачин в рассказах на обоих языках имеет несколько разновидностей, в русских монологах удалось выделить три типа:

- повтор вопроса:

1) *как я провожу каникулы / это хороший вопрос // сл э-н мп когда [я-я в-э детстве / н-н иногда [люди] задали мне такой вопрос* (И11, дев., С1, И)¹;

- изменение вопроса в соответствии с пониманием каникул:

2) *как я провожу [ы своё свободное время это-о <вдох> мп для меня это тоже [такой-то вопрос / который [на который я [ы-ы не могу-у сразу ответить* (И20, юн., С1, А);

- представление себя:

3) *меня зовут Вера / я-я ы-н сейчас я аспирант первого курса сл н-н н-н у нас сейчас занятий не очень много / поэтому [ы у меня [много свободного времени* (И15, дев., В2, И).

Наиболее распространенным оказался тип 2 (58,3 %), за ним следует тип 1 (33,3 %), тип 3 встретился в этих монологах только один раз. В текстах на китайском языке встретился только зачин типа 1 (4) и фразы с ключевым словом (КС) *каникулы* (5)–(7), причем частота их появления почти одинакова (42,9 vs 57,1 %), ср.²:

4) *как провести мои каникулы // на самом деле для меня / каникулы ничем не отличаются от обычной жизни* (И8, юн., С1, А);

5) *ы-н мои каникулы / мои каникулы / обычно не очень увлекательны* (И4, дев., С1, И);

6) *каникулы это время для отдыха / я теперь дорожу каждым каникулами* (И7, дев., С1, И);

7) *каникулы это [слово которое звучит очень взволнованно для всех* (И3, дев., В2, И).

Такие результаты во многом связаны с уровнем владения языком. Информанты более свободны, когда говорят на родном языке, это снимает необходимость в таких зачинах, как самопредставление или модификация темы для облегчения ее понимания. На родном языке информанты легко улавливают суть вопроса и с помощью КС сразу переходят к основному содержанию.

В ходе анализа была сделана попытка установить связь между особенностями зачина на разных языках и характеристиками информанта. Результаты представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Доля зачинов разного типа в речи разных информантов на неродном языке (в %)

ЗАЧИН	ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАТОВ						
	ГЕНДЕР		ТРКИ		ПСИХОТИП		
	Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
Тип 1	75.0	25.0	25.0	75.0		44.4	
Тип 2	14.3	85.7	71.4	28.6	40.0		83.3
Тип 3	100.0		100.0			11.2	
Есть	41.7	58.3	33.3	66.7	40.0	55.6	83.3
Нет	62.5	37.5	75	25.0	60.0	44.4	16.7

Доля зачинов разного типа в речи разных информантов на родном языке (в %)

ЗАЧИН	ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАТОВ				
	ГЕНДЕР		ПСИХОТИП		
	Дев.	Юн.	Э	И	А
Тип 1		60.0	50.0		100.0
Фраза с КС	75.0	20.0		80.0	
Есть	75.0	80.0	50.0	80.0	100.0
Нет	25.0	20.0	50.0	20.0	

Видно, что в текстах на неродном языке зачины типа 1 чаще были в речи девушек, информантов с уровнем С1 и интровертов. Зачины типа 2, соответственно, чаще используются в речи юношей, информантов с уровнем В2, экстравертов и амбивертов. Зачин типа 3 выявлен только в речи девушки-интроверта с уровнем В2. В монологах на родном языке зачины типа 1 были частотнее в речи юношей, экстравертов и амбивертов. Зачин с КС чаще встречается в речи девушек и интровертов. В целом юноши и амбиверты чаще начинают монолог с зачина на любом языке, а девушки и экстраверты – чаще без зачина. Информанты с уровнем В2 чаще начинают монолог без зачина, чем информанты с уровнем С1.

Из таблиц видно, что во всех группах информантов монологов с зачином больше в речи на родном языке, чем на неродном, однако тексты женщин и экстравертов оказались в этом отношении более разнообразны. Девушки чаще начинают монолог без зачина на неродном языке и с зачином – на родном. Экстраверты чаще начинают монолог без зачина на неродном языке и поровну – с зачином и без него – на родном.

Для проверки стабильности особенностей начала монолога на разных языках были сопоставлены зачины в текстах тех 9 информантов, которые записали и русский, и китайский материал. Оказалось, что у двоих из них зачины одинаковы на обоих языках, у остальных семи – разные. Из этих семи 75 % мужчин, а также все экстраверты и интроверты использовали простой тип 1 в текстах на китайском языке и более сложный тип 2 в русских монологах. У 50 % интровертов и 66,7 % женщин в русских монологах либо нет зачина, либо есть только простые зачины типа 1, но в китайских монологах у них более сложный зачин, содержащий объяснение КС.

Все эти данные показывают, что юноши, экстраверты и амбиверты в незнакомых или сложных обстоятельствах склонны больше думать и делиться своими идеями, чем девушки и интроверты, но когда они находятся в более знакомой ситуации, т. е. в речи на родном языке, они более непринужденны и выбирают самый простой и быстрый способ начала текста. Девушки и интроверты, наоборот, более свободны и готовы раскрыть свои мысли, когда говорят на родном языке, но более осторожны и консервативны, когда говорят на русском. Конечно, эта точка зрения основана на том, что информанты – китайцы, и поскольку материалов относительно мало, этот вывод подлежит дальнейшей аргументации.

В целом очевиден определенный разрыв между зачинами в текстах китайцев на родном и неродном языке. Как уровень владения языком, так и социально-психологические характеристики информанта оказывают влияние на начало его монолога, особенно последнее, из-за чего зачины информантов имеют очень разные выражения в речи на родном и неродном языке. Однако вопрос о том, исчезают ли эти особенности или усиливаются по мере роста уровня владения языком, требует дополнительных исследований.

Примечания

¹ В атрибуции к примерам указан номер информанта, его пол, уровень ТРКИ и психотип. Знак / в расшифровках означает паузу хезитации, большой буквой в слове обозначено неверное ударение.

² Примеры даны в переводе на русский язык.

Список литературы

1. *Винокур Т. Г.* Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990. С. 310.
2. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи* : коллективная монография. Ч. 1 : Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург, 2013. 532 с.
3. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Москва : Просвещение, 1985. 399 с.
4. *Stubbs M.* Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Oxford : Blackwell, 2001. 11 с.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГРИБОВ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ: КЛАССИФИКАТОР «ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНОМУ»

В статье представлена категоризация грибов на материале языков народов Прибайкалья. Подтверждается положение о том, что лексическая категоризация отражает особенности познания мира представителями разных культур. На формирование категорий грибов в том числе влияет опыт взаимодействия языкового коллектива с определенными животными и место, отводимое животному в культуре этноса.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лексическая категоризация, классификатор, названия грибов.

Petrova Nataliia Alexandrovna, Irkutsk State University, Russia

natanataliya5@mail.ru

MUSHROOM'S CATEGORIZATION IN THE LANGUAGES OF BAIKAL REGION: CLASSIFIER "CONNECTION WITH THE ANIMAL"

The article studies mushroom's categorization based on the material of the Baikal region languages. The statement that lexical categorization reflects the view of the world by people of different cultures is confirmed. The formation of mushroom categories is influenced, among other things, by the experience of people with certain animals and the role of these animals in culture.

Keywords: cognitive linguistics, lexical categorization, classifier, names of mushrooms.

Категоризация, т. е. способность членить мир на категории, – важнейшая особенность человеческого когнитивного аппарата. Этой проблеме посвящены крупные научные работы [2; 5; 6; 8 и др.], общим местом в них признается положение о том, что категоризация и язык тесно связаны.

Новый импульс в исследованиях дало введение понятий **лексическая категоризация** и **классификатор**. Согласно Н. Н. Болдыреву, «лексическая категоризация представляет собой языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека» [2, с. 11]. Соответственно, на основе анализа лексики можно выявить, как членят все предметы вселенной носители языка. Объект включается в класс на основе **классификационного признака** [8], или **классификатора** [6; 4], который часто становится основой для выбора наименования и отражается во внутренней форме слов.

В статье мы исследуем категоризацию грибов, распространенных на территории Прибайкалья, на материале русского, бурятского, татарского, монгольского, якутского, эвенкийского языков. Важное место при категоризации занимает классификатор **отношение к животному**, который характеризует наименования грибов во многих языках, однако в каждом языке члены класса внутри категории распределяются по-разному.

В русском языке данная группа представлена следующими названиями:

- *Валуй*. «Др.-русс. волуи – первонач. прилаг. от основы на -и – воль» [11, с. 345].
- *Волчий гриб*.
- *Заячий трутовик*.
- *Ежовики*.
- *Козляки*.
- *Лягушник (масленок лягушачий)*.
- *Петушьи гребешки*.
- *Свинушка тонкая*.
- *Собачий нос*.

Особого внимания заслуживает название *волчий гриб*. Прилагательное *волчий* в сознании носителя русского языка связывается с негативной зоной аксиологической шкалы. Это отражается в переносных значениях слова и в устойчивых сочетаниях с ним: «*волчий* (перен.) – ‘полный злобы и человеконенавистничества’... *волчий*

паспорт, *волчий билет* (дорев. разг.) – ‘свидетельство о неблагонадежности’, *волчий закон* – ‘беззаконие’, *волчья пасть* (мед.) – ‘уродливое, неправильное сращение половин твердого неба» [10]. Этот факт фиксируется и в названиях ядовитых природных объектов: *волчья ягода*, *волчье лыко*, *волчий гриб*.

Заячий трутовик назван так по причине того, что им питаются зайцы, *козляк* – потому что его ест скот, в том числе козы. *Маслёнок лягушачий* по внешнему виду напоминает скользкую переливающуюся лягушачью кожу. *Свинушка* похожа на ухо свиньи. *Валуи* именуется по сходству с волом на основании нескольких признаков¹. *Ежовики* и *петушьи гребешки* появились посредством метафорического переноса на основании сходства формы.

В целом грибы, объединенные классификатором **отношение к животному**, обладают в русской ценностной системе низким рангом. Их часто сравнивают с более ценными представителями. Ср.: «Да что грибное плебейство – свинушки и сыроежки!»²; «Никуда не годный валуй принял сверху обманчивый вид боровика!»³; «Одно – масляник, и совсем другое – козляк»⁴. Это либо ядовитые (*волчий гриб*), либо несъедобные (*собачий нос*, *заячий трутовик*, *петушьи гребешки*), либо невкусные и / или сложные в приготовлении грибы.

В бурятском языке обнаружено одно подобное название:

- *Үнэгэн мөөгэ* (лисичка) – букв. ‘гриб лисы’.

Это заимствование из русского, где и *лисичка*, и *лиса* возводятся к прилагательному *лисий* ‘желтоватый’ [12, с. 500]. Когда наименование переводилось, связь слов *лисичка* и *лисий* в русском языке была уже затемнена, поэтому в бурятском название соотносится только с животным. В бурятской культуре лиса занимает важное место, часто упоминается в мифах, фольклоре, эпосе [7], поэтому заимствование легко прижилось.

В якутском языке выявлено три подобных названия:

- *Ыт мунна* (трут) – букв. ‘собачье рыло’.
- *Ыт мурун* (дальдинья концентрическая) – букв. ‘собачий нос’.
- *Саһыл тэллэй* (лисичка) – букв. ‘гриб лисы’.

Основной промысел народов Якутии – разведение ездовых собак. Собаки занимают центральное место в национальных традициях, мифах, сказаниях⁵. Значимое животное отражено в топонимах (некоторые реки именовались *собачьими*⁶), это проявилось и в названиях двух несъедобных грибов. Отметим, что лиса тоже важное животное для якутов (ср. заимствование из русского *саһыл тэллэй* – ‘гриб лисы’).

В татарском языке обнаружено четыре подобных наименования:

- *Аю тәмәке* (дождевик) – букв. ‘медвежья сигарета’.
- *әтәч мәшкә* (лисичка) – букв. ‘гриб петуха’.
- *Чөбөн мәшкә* (мухомор) – букв. ‘гриб мухи’.
- *Кәжә гөмбәсе* (сморчок) – букв. ‘гриб козы’.

В татарских названиях грибов находят отражение животные, которые часто упоминаются в фольклоре – медведь, петух, коза⁷. Отметим, что имя для съедобного и вкусного гриба *лисичка* не заимствовалось из русского языка, а выбрано по ассоциации с птицей, т. е. с национальным символом [3]. Остальные грибы из данной группы не считаются у татар ценными.

В эвенкийском языке есть одно подобное наименование:

- [Графическая форма не зафиксирована] (масленок сухой), – букв. ‘оленок’, ‘оленьи уши’ [1, с. 104].

Основное занятие эвенков – оленеводство. Упоминание самого значимого в культуре животного наблюдается во множестве местных номинаций, например в названиях транспорта [9], также к нему отсылает и название гриба. Отметим, что в целом грибы не представляют ценность для данного народа, более того, долгое время эвенки считали, что «грибы – пища оленей»⁸.

Итак, грибы, соотносимые с классификатором **отношение к животному**, признаются во многих культурах не ценными, т. е. несъедобными / невкусными / сложными в приготовлении. Некоторые названы так, потому что использовались только как корм для скота или их ели дикие звери, некоторые внешне напоминают живых существ или их части. Соответственно, чаще классификатор соотносится с отрицательной зоной аксиологической шкалы. Это ярче всего проявляется на материале русских названий.

В целом анализ названий грибов, объединенных в языках народов Прибайкалья одним классификатором, позволяет сделать следующие выводы. Значимость объекта в жизни языкового коллектива и способ взаимодействия этого коллектива с объектом может являться основанием для включения в категорию. Изучение категорий на основе языкового материала, в том числе названий грибов, позволяет получить информацию о быте и культуре разных народов.

Примечания

1. Гриб валуй по прозвищу «бычок». URL: <https://lesnoy-dar.ru/gribi/grib-valuj-po-prozvishhu-bychok.html>. Текст : электронный.
2. В. Солоухин. Третья охота (1967). URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Ck8KL9CU0LAg0YfRgtC%2BINcz0YDQuNCx0L3QvtC1INC%2F0LvQtdCx0LXQuGB0YLQstC%2BIhUKCAgAEAoYMiAKKJTYh%2BLWkpIHQAoqAggVMgEB>. Текст : электронный.
3. С. В. Ковалевская. Воспоминания детства (1890). URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkkKKdCd0LjQutGD0LTQsCDQvdC1INCz0L7QtNC90YvQuSDQstCw0LvRg9C5IhUKCAgAEAoYMiAKKMaT9efAqowOQAoqAggVMgEB>. Текст : электронный.
4. М. А. Осоргин. Времена (1942). URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Ck0KLdC4INGB0L7QstGB0LXQvCDQtNGA0YPQs9C%2B0LUg4oCTINC60L7Qt9C70Y%2FQuiIVCggIABAKGDIgCii2%2Buy7782UckAKKgПАТІВАQ%3D%3D>. Текст : электронный.
5. Собака в мифах и традициях народов Якутии. URL: <https://республика-саха-якутия.рф/stati/mifologija/sobaka-v-mifah-i-tradicijah-narodov-jaku.html>. Текст : электронный.
6. Якутская лайка / сост. С. Гордилов. Якутск : НКПЯЛ, 2018. 44 с.
7. Татарские народные сказки. URL: <https://fantlab.ru/edition196114>. Текст : электронный.
8. Янушевская Ю. Наедине с тайгой: в шаманов верят не только эвенки. URL: https://stfond.ru/articles_htm_id_9018. Текст : электронный.

Список литературы

1. *Биота* Витимского заповедника : флора / Л. В. Бардунов [и др.]. Новосибирск : Гео, 2005. 207 с.
2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная природа языка : сб. статей. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 251 с.
3. *Габидуллина Ф. И.* Образ птицы в татарской литературе / Ф. И. Габидуллина, Л. И. Хабибуллина // Филологические науки. 2014. № 9, ч. 1. С. 32–34.
4. *Горбунова Л. И.* Перцептивная основа наивной категоризации предметного мира // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2017. № 48. С. 5–18.
5. *Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2018. 280 с.*
6. *Лакофф Д.* Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. *Николаева Н. Н.* Лиса в эпическом фольклоре бурят // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2010. № 10. С. 277–283.
8. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
9. *Потанова О. К.* Лексико-семантическая группа названий оленного транспорта у эвенов // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2013. № 1. С. 81–87.
10. *Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой.* Москва : Рус. яз, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. Текст : электронный.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва : Прогресс, 1986. 576 с.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва : Прогресс, 1986. 672 с.

ВОКРУГ ПРИНЦИПА УНИФОРМИТАРНОСТИ: ЗА И ПРОТИВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРЕОЛЬСКИХ И НЕКОТОРЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается и анализируется принцип униформитарности, сущность которого заключается в постулировании идентичности механизмов развития языка в разные исторические эпохи. Продемонстрировано на примерах, что возможным нарушением принципа униформитарности может быть эволюция контактных идиомов, а именно возникновение пиджинов и превращение их в креольские языки. Со ссылкой на других исследователей указывается, что отношения между пиджинами и креолами и их языками-лексификаторами носят парагенетический характер. Утверждается, что парагенетическое родство может также иметь место между искусственными апостериорными языками и теми естественными языками, на основе которых они были созданы.

Ключевые слова: принцип униформитарности, языковые изменения, эволюция языка, пиджины, креольские языки, искусственные языки, эсперанто, межславянский язык.

Kalinin Stepan Sergeevich, International Slavic Institute, Russia

rage_of_gods@inbox.ru

Around the uniformity: "pro" and "contra" arguments (on the basis of emergence and further development of Creole and some constructed languages)

The article examines so-called principle of uniformity. Its main essence is that the language changes are following quite identical rules and are regulated by identical mechanisms both in synchrony and in diachrony. However, some cases are to be discussed. First, it is the emergence of contact idioms of different type. Particularly, we emphasize on the emergence of pidgins, their further development and their transformation into Creole languages. We assume that this case is an exception out of the principle of uniformity. Second, following the work of some creolists we postulate that the relationship between pidgins, Creoles and their lexifier languages are paragenetic. That is, there are no regular phonetic correspondences between their word lists. Third, we assume that the paragenetic relationship can be found in case of constructed languages of a-posterioric type, particularly, between them and those natural languages which function as bases of their construction.

Keywords: principle of uniformity, language changes, evolution of language, pidgins, Creole languages, constructed languages, Esperanto, Interslavic language.

Если рассуждать кратко, то сущность принципа языковой униформитарности (или языкового униформизма) заключается в следующем [3, с. 121]: это предположение о том, что законы и механизмы языка (в частности, те механизмы, которым подчинена языковая эволюция) в прошлом, т. е. в диахронии, были аналогичны засвидетельствованным в синхронии. Данный принцип лег в основу сравнительно-исторического направления в языкознании.

Из рассматриваемого принципа следует, помимо прочего, утверждение, что языковые изменения на всем протяжении развития того или иного языка протекают равномерно и по аналогичным законам, справедливым как для синхронного, так и для диахронного языкового состояния.

Тем не менее существует ряд языковых явлений, которые, как можно предполагать, нарушают данный принцип. Прежде всего, это такой недостаточно освещенный в сравнительно-историческом языкознании материал, как пиджины и креольские языки (т. е. контактные идиомы). На то, что в сравнительно-историческом направлении исследований языка в недостаточной мере учитывается материал идиомов такого типа (в частности, при обсуждении проблемы родственных связей креолов) справедливо указывается в исследовании В. И. Беликова [2, с. 60–61]. Ср., однако, взгляд с другой стороны, а именно с позиции традиционной компаративистики: «креолистика обычно стоит где-то на обочине сравнительно-исторического языкознания» [9, с. 57].

Проблема униформитарности тесно связана с проблемами генеалогического родства языков, родственных связей между отдельными языками, языковыми группами и семьями, а также связи языков-потомков с праязыком. Этот принцип, как отмечает Т. М. Николаева [7, с. 86], зачастую подвергается критике представителями эволюционной лингвистики, в частности за отсутствие теоретического обоснования данного принципа, на чем в дальнейшем изложении будет сделан особый акцент.

Оставаясь в рамках модели «родословного древа», нам тем не менее будет затруднительно поместить на ту или иную ветвь этого древа какой-либо контактный идиом. На это правомерно указывается в работе М. В. Дьячкова о языке крио (один из англокреольских языков Западной Африки), где сказано следующее: «Своеобразно решается вопрос о генеалогическом родстве креольских языков. В этом плане они находятся в ином положении, чем языки, сформировавшиеся в результате непрерывного эволюционного процесса. Языком-предком креольского языка правомерно считать лишь тот пиджин, на основе которого он сформировался. Что же касается пиджина, то у него вообще нет языка-предка в традиционном понимании этого термина, поскольку сам механизм его формирования (редукция и переструктуризация) является нарушением нормального эволюционного процесса. Таким образом, неправомерно относить, например, язык крио к германским языкам, несмотря на преобладание в нем лексики, имеющей германское (англосаксонское) происхождение» [5, с. 13].

Если в процессе пиджинизации, а также креолизации происходит нарушение естественного эволюционного процесса, то, следовательно, можно говорить о том, что применительно к контактным идиомам (или, по крайней мере, к какой-то их части) принцип униформитарности не является релевантным. По историческим меркам креолизация происходит практически мгновенно, зачастую в течение одного поколения. Как говорится в исследовании В. И. Беликова [1, с. 16–17], креолизация – это дискретный процесс: пиджин в той или иной форме либо креолизовался, либо нет. Однако не следует полагать, что пиджинизация и креолизация являются исключительными процессами; к примеру, такая мысль высказывалась Г. С. Старостиным [9, с. 54–55].

Пиджинизация и креолизация не представляют собой исключительного явления: в частности, сабир (или средиземноморский пиджин), являющийся одним из наиболее ранних засвидетельствованных контактных идиомов, бытовал в активной коммуникации практически на протяжении девяти столетий. Есть основания предполагать, что и некоторые из ныне известных языков, традиционно относимых к определенной группе той или иной семьи, в своей истории претерпевали пиджинизацию и(или) креолизацию, по крайней мере, частичную. Здесь уместно будет сослаться на «Атлас структур пиджинов и креольских языков» (Atlas of Pidgin and Creole language structures), в котором среди прочих в качестве пиджинов и креолов упоминаются такие языки и идиомы, как африкаанс и афро-американский английский.

В частности, африкаанс в данном исследовании описывается в качестве частично креолизованного языка (semi-creole language), который сохраняет относительную близость к своему основному языку-лексификатору, а именно к нидерландскому [11]. Помимо прочего, на развитие африкаанса оказывали влияние местные южноафриканские койсанские языки (в частности, язык нама), всевозможные региональные южноафриканские варианты английского языка, южноафриканский вариант малайского, а также, по всей вероятности, пиджины и(или) креольские языки на португальской основе [11]. Можно сопоставить такое описание генеалогической аффилиации языка африкаанс с его более традиционными описаниями, например с тем, что дано в статье С. А. Миронова, написанной для издания, посвященного германским языкам в серии «Языки мира»: там африкаанс классифицируется как язык, принадлежащий к западногерманской подгруппе германской группы индоевропейских языков [6, с. 88], возникший в результате смешения и взаимодействия (в частности, интеграции) различных нидерландских диалектов на территории Южной Африки с преобладанием южноголландского диалекта.

История афро-американского варианта английского языка, как отмечается в очерке Л. Грин [10], посвященном данному идиому, также тесно связана с процессами пиджинизации и креолизации. Предлагаются различные сценарии эволюции данного идиома [10]: либо он восходит к одному из англокреольских языков Карибского бассейна, либо же он восходит к какому-то западноафриканскому пиджину или креолу. Кроме того, афро-американский вариант английского языка может восходить к каждой из указанных выше языковых групп, сочетая в себе их черты. Частичным подтверждением этому может служить тот факт, что в афро-американском вернакуляре обнаруживается существенное субстратное влияние различных африканских языков. О том, что афро-американский английский возник за счет процесса декреолизации, пишет и Е. В. Перехвальская [8, с. 68].

Невозможно подвергать сомнению взаимосвязь пиджинов и креольских языков со своими лексификаторами [8, с. 76]: ее природа, однако, может обсуждаться, поскольку, как мы постарались показать выше, данная взаимосвязь далеко не всегда отображает нормальный эволюционный процесс, основанный на языковой дивергенции. В этом отношении уместным представляется использование предложенного В. И. Беликовым термина «парагенетический» [1, с. 33–34], характеризующего особенности взаимосвязи между пиджинами и креолами, с одной стороны, и их лексификаторами – с другой. Парагенетическое родство характеризуется, в том числе, нерегулярностью в фонетических соотношениях [1, с. 33]: это касается, в частности, соотношений между пиджином/креолом и их лексификатором. Можно также постулировать, что парагенетическое родство имеет

место и между пиджином/креолом и их субстратными языками, поскольку в данном случае также естественным образом отсутствует регулярность в соотношениях между грамматически значимыми элементами.

Представляется, что о парагенетическом родстве можно говорить и в случае апостериорных искусственных языков, т. е. искусственных языков, вокабуляр и грамматика которых основаны на существующих естественных языках. В частности, как мы полагаем, правомерно говорить о парагенетическом родстве эсперанто с романскими и германскими языками, а также с рядом языков, «отпочковавшихся» от эсперанто. К таковым можно отнести, например, язык идо, заимствования из которого (префиксы и суффиксы, в частности) вошли в систему морфологии и словообразования эсперанто [4, с. 104]. Таким образом, здесь можно видеть пример сложных дивергентно-конвергентных отношений между эсперанто и его языком-потомком. В этом случае говорить о действии принципа униформитарности также представляется затруднительным, поскольку стратегии развития данных языков во многом определяются «волюнтаривно». Эволюция таких языков также регулируется искусственно, в частности при помощи нормирования. То же самое можно сказать и об отношениях между искусственным межславянским языком и естественными славянскими языками (в частности, засвидетельствованными исторически, например старославянским), из которых первый наследует вокабуляр и существенную часть грамматической системы. Тем не менее данный вопрос требует отдельной детальной проработки и более подробного изучения.

Список литературы

1. *Беликов В. И.* Пиджины и креольские языки Океании : социоллингв. очерк. Москва : Восточная литература, 1998. 198 с.
2. *Беликов В. И.* Конвергентные процессы в лингвогенезе : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2006. 101 с.
3. *Бердичевский А.* Языковая сложность (language complexity) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101–124.
4. *Дановский Н. Ф.* Эволюция эсперанто // Проблемы интерлингвистики: типология и эволюция международных искусственных языков. Москва, 1976. С. 92–113.
5. *Дьячков М. В.* Язык крио. Москва : Наука, Гл. ред. вост. литературы, 1981. 60 с.
6. *Миронов С. А.* Африкаанс язык // Языки мира : Германские языки. Кельтские языки. Москва, 2000. С. 87–101.
7. *Николаева Т. М.* Теория происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 79–89.
8. *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. 363 с.
9. *Старостин Г. С.* К истокам языкового разнообразия : десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским / Г. С. Старостин (при участии А. В. Дыбо, А. Ю. Милитарёва, И. И. Пейроса). Москва : Дело, 2016. 584 с.
10. *Green L.* African American English // The Survey of Pidgin and Creole Languages / Eds. by S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Hasplemath & M. Huber. Vol. 1: English-based and Dutch-based Languages. Oxford, 2013. URL: <https://apics-online.info/surveys/14> (дата обращения: 28.12.2022). Текст : электронный.
11. *Sluijs R., van.* Afrikaans // The Survey of Pidgin and Creole Languages / Eds. by S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Hasplemath & M. Huber. Vol. 1: English-based and Dutch-based Languages. Oxford, 2013. URL: <https://apics-online.info/surveys/29> (дата обращения: 28.12.2022). Текст : электронный.

У НАНЬ ©

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
st103099@student.spbu.ru

ФОРМЫ-ИДИОМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: УПОТРЕБЛЕНИЕ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о понимании и употреблении русских форм-идиом (ФИд) носителями китайского языка. По данным проведенных лингвистических опросов о значениях этих форм и анализа лексических минимумов по русскому языку как иностранному (РКИ) можно поставить новые задачи перед преподавателями РКИ. Результаты исследования пока-

зали, что учащиеся, носители китайского языка, плохо воспринимают подобные единицы, в то время как конкретные контексты из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) помогают им понимать значения ФИД, что свидетельствует о необходимости уделять формам-идиомам больше внимания в процессе обучения РКИ.

Ключевые слова: форма-идиома, устная речь, лингвистический опрос, русский язык как иностранный, звуковой корпус.

Wu Nan, Saint Petersburg State University, Russia
st103099@student.spbu.ru

IDIOM FORMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE USE OF NATIVE CHINESE AND THE PROBLEMS OF LEARNING

The article is devoted to the issue of understanding and use of Russian form idioms (FIId) by Chinese speakers. According to the data of linguistic surveys on the meanings of these forms and lexical minimums in Russian as a Second Language (RSL), new tasks are set for RSL teachers. The results of the study showed that students who are native speakers of Chinese do not perceive such units well, while specific contexts from the corpus of everyday Russian speech "One Speech Day" (ORD) help them understand the meanings of FIId, which indicates the need to pay more attention to idiom forms. attention in the process of teaching Russian as a Second Language.

Keywords: form idiom, oral speech, linguistic survey, Russian as a Second Language, sound corpus.

Под иностранным языком понимается язык, «который изучается вне условий его естественного бытования, то есть в учебном процессе, и который не употребляется наряду с первым в повседневной коммуникации» [1, с. 5]. Для обучающихся уровень владения иностранным языком может выражаться в степени беглости говорения на русском языке в повседневной коммуникации. В результате обучение иностранцев повседневному общению на русском языке приобретает в современной лингводидактике особую актуальность.

В русской разговорной речи существует большое количество особого рода «стабилизовавшихся построений» [1, с. 7]. Говорящий, «находясь в условиях непринужденного, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к *готовым языковым формулам* (здесь и далее в цитате курсив автора. – У Н.), в том числе всякого рода *клише, шаблонам, стереотипам*» [2, с. 6]. Одной из разновидностей таких единиц являются неоднословные, чаще предложно-падежные, словоформы: *по барабану, до дури, по понятиям, не вопрос* и т. п. Вслед за П. А. Лекантом [5, с. 42] мы называем их *формами-идиомами* (ФИД). Все эти единицы, как правило, хорошо знакомы носителям языка, но отсутствуют в академических толковых словарях и потому обычно не попадают в сферу внимания лингводидактики, что составляет серьезную проблему для иностранцев, изучающих русский язык.

В рамках настоящего исследования были проведены два лингвистических опроса – с целью выявления уровня понимания и умения употреблять подобные формы-идиомы носителями китайского языка, изучающими русский. Полученные результаты сравнивались с лексическими минимумами для иностранцев. ФИД, ставшие материалом для опросов, были выбраны из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [4; 3]. В ходе лингвистического анализа фразеологических единиц [6, с. 164–168] из подкорпуса ОРД, в числе прочих фразеологизмов, были извлечены 30 форм-идиом в более чем 300 контекстах, ср.:

- *ну может быть // # ну это наверно () после вот этого // # давайте резекцию сначала сделаем / посмотрим всё @ то есть пока да / значит пока это не горит (M1 # И1)¹;*
- *ну / что у тебя там ? это семьдесят рублей где-то // @ *Н // # или даже восемьдесят // и пачку // # была б моя / я б тебе дал / без базара (И15 @ M2).*

Участниками опросов стали китайские студенты, изучающие русский язык. В первом опросе респондентов просили написать значения предложенных форм-идиом и придумать предложения с ними, чтобы выявить их знакомство с подобными единицами и точность их понимания. В ходе второго опроса участникам были предложены контексты из ОРД с просьбой определить значения форм-идиом в них.

По данным полученных опросов удалось сделать следующие выводы.

1. Результаты первого опроса показали плохое восприятие ФИД китайскими учащимися: правильное понимание составило только 26,0 %. В ряде случаев студенты отвечали, что знают ту или иную форму, но придуманные ими предложения показывали обратное.

2. Контекст из реальной речи носителей русского языка способен помочь китайцам понять ФИД: по данным второго опроса, правильное понимание составило 28,3 %, что несколько выше первой цифры.

3. Только 15 % респондентов правильно узнают более половины предложенных ФИД, и около 41 % знают значения не более 5 ФИД из 30. Другими словами, общий уровень знакомства китайцев с русскими разговорными формами-идиомами достаточно низкий.

4. Чем дольше китайцы живут и учатся в России, тем больше форм-идиом им становятся знакомы. Опрос показал, что после трех лет жизни в России китайцы овладевают (по преимуществу вне учебной аудитории!) почти половиной рассматриваемых ФИД, а у тех студентов, которые были в России меньше года, процент понимания ФИД – 23,2 %.

5. Ожидаемо зависит понимание рассматриваемых ФИД и от уровня владения китайцами русским языком – см. ниже данные таблицы.

**Зависимость понимания ФИД
от уровня владения китайцами русским языком**

Уровень владения русским языком	Понимание ФИД (в %)
ТРЯ 4 ²	14,7
ТРЯ 8	23,3
B2	47,5
C1	35,8
C2	46,7

Видно, что на уровнях B2 и C2 процент понимания самый высокий, но и он не превышает 50 %. Это связано с тем, что в лексических минимумах по РКИ формы-идиомы представлены лишь в незначительном количестве: так, в лексическом минимуме ТРЯ 4 присутствуют ФИД *не проблема* и *в принципе*, а в ТРЯ 8 и C1 – форма (*не*) в духе. Во всех случаях формы даются без толкования и контекстов употребления, что затрудняет их понимание и использование в речи. Думается, что это предъявляет новые требования к современному преподаванию русского языка: необходимо больше внимания уделять формам-идиомам, в целом устной речи, улучшению навыков устной коммуникации.

В процессе анализа полученных данных были выявлены некоторые общие проблемы в понимании и использовании конкретных форм-идиом носителями китайского языка.

1. Неправильное понимание ФИД *без разницы*. Значения этой формы-идиомы в словарях: ‘несущественно, не имеет никакого значения’; ‘безразлично что-либо’ [7; 8]. Однако проведенный опрос показал, что почти 60 % китайцев поняли эту форму-идиому неправильно, в их языковом сознании ее значение: ‘одинаково’, ср. придуманные ими предложения:

- *Они выглядят без разницы;*
- *Они двойня и без разницы по внешности.*

Видно, что студенты не знают не только лексику, но и грамматику: форма-идиома *без разницы* в данных примерах используется как обстоятельство, в то время как в русской устной речи – как сказуемое. Это типичная проблема обучения: вроде бы студенты знают это слово, но на самом деле они неправильно понимают его значение и, соответственно, неправильно используют.

2. Форма-идиома *в принципе* в словарях литературного русского языка имеет два значения: ‘в основном’ и ‘в сущности говоря’. Второе значение представлено в лексических минимумах по РКИ, поэтому китайцы понимают такие употребления довольно хорошо: опрос показал 62,5 % правильных ответов. Первое же значение ‘в основном’ отсутствует в лексических минимумах, и китайцы понимают его значительно хуже. Это лишний раз показывает важность лексических минимумов по РКИ.

3. Среди форм-идиом преобладают именные, в основном предложно-падежные словоформы, в 20 % случаев это конструкция <по + Dat>. Респонденты использовали эту конструкцию так, как будто предлог *по* управляет дательным падежом, а не как устойчивые единицы. Почти 80 % респондентов поняли эту конструкцию буквально: например, *в лаборатории все выполняется по определению*. Ср. использование этой конструкции в ОРД:

- *не могли бы () ты не можешь () быть похожим на Чехова\$ // # ну конечно я не могу *Н // # *С ну да // # по определению (ИЗ4 # М1).*

4. Использование ФИД в *десятку*. Респонденты в основном использовали в придуманных предложениях фразеологизм *попасть в десятку*, что представлено в русско-китайских словарях, но не использовали отдельную форму-идиому *в десятку*. Другими словами, такие стандартные справочные издания, как словари, лексические минимумы по РКИ, действительно играют важную роль в процессе изучения русского языка как иностранного.

В заключение можно сказать, что в ментальном лексиконе носителей китайского языка, изучающих русский, практически нет представления о таком типе устойчивых единиц, как форма-идиома, и даже в лексических минимумах по РКИ не существует подробных их толкований и пояснений к употреблению. Думается, что и в теоретическом, и в прикладном аспектах таким единицам необходимо уделять больше внимания.

В целом результаты проведенного исследования могут быть полезны для изучения речи на неродном языке, в таких аспектах, как коллоквиалистика и лингводидактика.

Примечания

¹ Все примеры из корпуса ОРД атрибутируются с указанием номера информанта (И1, И2...) и его собеседников-коммуникантов: мужчин (М1, М2...) или женщин (Ж1, Ж2...). Знаком (#) обозначена мена говорящих, знаком (@) – наложение их речи, () – заминка говорящего, *П – хезитационная пауза, *С – смех. О других особенностях расшифровки корпусного материала (конвенциях дискурсивной транскрипции) ОРД см., например, [9, с. 242–243].

² Уровни ТРЯ 4 и ТРЯ 8 приняты в китайской системе тестирования и соответствуют начальному и среднему уровням русской системы.

Список литературы

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : АРКТИ, 2003. 192 с.
2. Земская Е. А. Русская разговорная речь : общие вопросы, словообразование, синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Москва : Наука, 1981. 276 с.
3. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи : коллективная монография. Ч. 1 : Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург : Филол. фак-т СПбГУ, 2013. 532 с.
4. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А. М. Молдован ; отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. Москва, 2019. С. 101–110.
5. Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965. С. 41–43.
6. Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2020. 201 с. (Машинописный текст.)
7. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
8. Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. Москва : Си ЭТС : Бука, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Текст : электронный.
9. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах : коллективная монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург : ЛАЙКА, 2016. 244 с.
10. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва : Наука, 1960. 378 с.

СРЕДСТВА СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОМ И ЛИВВИКОВСКОМ НАРЕЧИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА¹

В статье рассматриваются синтаксические связи и отношения в сложных предложениях собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка. Делается акцент на средствах сочинительной связи. В качестве источников для сбора языкового материала выступили диалектные словари карельского языка и образцы карельской речи.

Ключевые слова: карельский язык, синтаксис, сложное предложение, союзы, сравнительно-типологическое исследование.

Karakin Jevgenii Valentinovich, Petrozavodsk State University, Russia

karakin.86@mail.ru

Pashkova Tatjana Vladimirovna, Petrozavodsk State University, Russia

tvpashkova05@mail.ru

Means of corrective communication in the Karelian proper and Livvian dialects of the Karelian language.

The presented scientific article deals with syntactic connections and relations in complex sentences of the Karelian proper and Livvian dialects of the Karelian language. Emphasis is placed on the means of compositional communication. Dialect dictionaries of the Karelian language and samples of Karelian speech acted as sources for collecting linguistic material.

Keywords: Karelian language, syntax, complex sentence, unions, comparative-typological study.

Данная статья посвящена описанию синтаксических связей и отношений в сложных предложениях собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка, средством объективации которых служат союзы. Актуальность исследования сложного предложения на материале карельского языка обусловлена тем, что синтаксис карельского языка исследован гораздо менее детально, чем его морфологический, лексический и фонетический уровни. Из синтаксических объектов карельского языка более изучены связи и функции падежных форм, управление, т. е. система словосочетаний языков, а также некоторые структурные типы простого предложения. Первое и единственное системное описание синтаксиса карельского языка представлено в научном труде В. П. Федотовой [11].

При проведении исследования по классификации союзов и союзных слов использовались теоретические источники по вопросам синтаксиса в русском и карельском языках [1; 2; 3; 5; 11].

В ливвиковском наречии карельского языка представляется возможным выделить следующие группы сочинительных союзов по их значению:

1) соединительные союзы: *da* ‘да, и’ *elettih ukko da akku* ‘жили старик да (и) старуха’ [8, с. 41], *i* ‘и’ *kai brihačut i tytöt ollah pihal* ‘все мальчики и девочки находятся на улице’ [14, с. 49], *sego...sego* ‘и...и’ *osta sego pal’to, sego paikku* ‘купи и пальто, и платок’ [8, с. 329], *ni...ni* ‘ни...ни’ *ei ole gor’al ni tuattua, ni muamua* ‘нет у бедняжки ни отца, ни матери’ [8, с. 227];

2) разделительные союзы: *eiga* ‘или, либо, а [не] то’ *voit tulla tänäpäi, eiga huomei* ‘можешь прийти сегодня или завтра’ [14, с. 28], *libo, vai* ‘или’ *minul libo sinul pidäy lähtie* ‘мне или тебе надо пойти’ [8, с. 184], *ongo tämä sinun sizär vai mičoi kartočkal* ‘это твоя сестра или жена на фотографии?’ [12, с. 447] (союз *vai* употребляется только в вопросительном предложении. Союз *libo* чаще всего употребляется в утвердительном предложении. В вопросительных предложениях может выступать в таком, где не требуется делать выбор: (ср.: *Elätgo Jovensuus vai* Куопиос? ‘Живешь в Йоэнсуу или Куопио?’ – известно, что в одном из этих городов, но неизвестно точно, в каком, в этом случае употребляется союз *vai*. Ср.: *Elätgo Jovensuus libo* Куопиос? *Vastua kuzymysih!* ‘Живешь в Йоэнсуу или Куопио? Ответь на вопросы! – в этом случае подразумевается ситуация, если ты живешь в Йоэнсуу или Куопио, то тогда ответь на вопросы. Но следует заметить, что в последнем случае чаще используется потенциальная конструкция: *Elänet Jovensuus libo* Куопиос, *ga vastua kuzymysih*);

3) противительные союзы: *a* ‘а, но’ *guado ei ole jygei, a väzyttäy* ‘работа не тяжелая, а утомляет’ [8, с. 15]; *kiirehtettih äijäl, a yksikäi myöhästytih* ‘они сильно спешили, но все равно опоздали’ [14, с. 9], *ga* ‘но, однако’

minä tulizin, ga en ehti ‘я пришел бы, но не успею’ [14, с. 32]), но ‘но’ iänet kuuluttih, no rahvastu ei nägynyh ‘голова были слышны, но людей не было видно’ [13, с. 191].

В собственно карельском наречии карельского языка выделяются такие же группы сочинительных союзов:

1) соединительные союзы: ta ‘да, и’ poika on kašvan ta harteutun ‘парень вырос да (и) стал плечистым’ [10, с. 282]; da ‘да, и’ verkkuo piemmä rannoissa da lakšiloissa ‘сети мы держим по берегам и в заливах’ [15, с. 120]; i ‘и’ aššumma i juokšemma ‘ходим и бегаем’ [10, с. 161], šeinäzet šalvettu i närien ketulla katettu ‘стенки срублены, и еловой корой [крыша] покрыта’ [7, с. 168], keviäl’l’ä kyn’n’et’t’ih adralla i aštoidih puuhizella aštovalla ‘весной пахали сохой и боронили деревянной бороной’ [9, с. 66]; ni...ni ‘ни...ни’ hänellä ei ollun ni tuattu ni miattu (севернокарельские диалекты) ‘у него не было ни отца, ни матери’ [4, с. 116];

2) разделительные союзы: el’i ‘или’ miekō tulen siun luoksi el’i siekō tulet meilä? ‘я ли приду к тебе или ты придешь к нам?’ [4, с. 97]; al’i ‘или’ metrov d’es’at’ al’i dvadsat’ šūri näre ‘метров десять или двадцать большая ель’ [7, с. 169], istujah jän’iks’eh al’i t’edrih pid’äy hil’l’azeh männä ‘к сидящему зайцу или тетереву надо подкрадываться осторожно’ [9, с. 13–14]; eli...eli ‘или... или’ eli ossa tämä veneh, eli mane tiehes ‘или покупай эту лодку, или иди своей дорогой’; ili ‘или’ miekō tulen siun luo ili sie tulet meilä? ‘я ли приду к тебе или ты придешь к нам?’ [16, с. 138]; elikkä ‘или’ tule rutompah, el’ikkä mie mänen ‘иди быстрее, или я уйду’ [10, с. 28]; vai ‘или’ latvat otat vai tyven? ‘вершки возьмешь или корешки?’ [4, с. 97]; l’ibo ‘или, либо’ joga vuotta kenen nibuite upottā l’ibo kažin l’ibo kenen ‘каждый год кого-нибудь утопит: либо (или) кошку, либо (или) еще кого-нибудь’; ei n’i ‘а не то, или’ el’ä juo vel’l’i ei n’i varžane l’ienet ‘не пей, братец, а не то в жеребенка превратишься’ [7, с. 169];

3) противительные союзы: a ‘а, но’ ken kunne, a muč kot’ih ‘кто куда, а мы домой’; ka ; ga ‘но, да’ Idhellд on куундльрд, ka et pure ‘близко локоть, да не укусишь’, laržet tuttih kot’ih, ka mie en kuullun ‘дети пришли домой, но я не услышала’ [10, с. 78]; vain ‘но’, ‘только’; no ‘но’ i suvaии i kaikki, no oñua ei tullun ‘и любил он и все, но счастья не получилось’; составной союз а еі льто ‘а не то что’ nyt omal’ta otveiainet, а еі льто vierahal’ta ‘теперь за своего отвечаешь, а не то что за чужого’ [7, с. 169], используемый в сопоставительно-присоединительном значении – при присоединении однородного члена предложения при отрицательном сравнении его с другим(и) однородным(и) членом (-ами); onnako ‘зато, (но, в то же время ‘однако’)’ korttieri vaik-ka on kallis, onnako / ka on huvä ‘квартира хоть и дорогая, зато хорошая’ [6, с. 118].

Исследователь тихвинского говора собственно карельского наречия карельского языка В. Д. Рягоев обращает внимание на то, что в описываемом им говоре вычленяется четыре группы сочинительных союзов: соединительные, разделительные, противительные и пояснительные. Согласно В. Д. Рягоеву, к четвертой функциональной подгруппе относятся: соп һе ‘также, тоже’, nin; сi...сi ‘как...так’, ка ‘так’, льто ‘что’ [7, с. 168–169].

Таким образом, в настоящем исследовании представлена классификация сочинительных союзов в двух наречиях карельского языка, собственно карельском и ливвиковском. Анализ показал, что в обоих наречиях группы союзов являются идентичными. Исключение составляет тихвинский говор собственно карельского наречия, где исследователем карельского языка В. Д. Ряговым предлагается еще одна группа сочинительных союзов: пояснительная. Полученные данные являются актуальными для проведения дальнейших исследований по морфологии и синтаксису карельского языка.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-00092/>.

Список литературы

1. *Дискурсивные слова русского языка* : опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. Москва : Метатекст, 1998. 446 с.
2. *Зайков П. М.* Грамматика карельского языка. Петрозаводск : Периодика, 1999. 120 с.
3. *Инькова-Манзотти О. Ю.* Коннекторы противопоставления во французском и русском языках : (сопоставительное исследование). Москва : Изд-во МГУ, 2001. 429 с.
4. *Карельско-русский словарь* / сост. П. М. Зайков, Л. И. Ругоева. Петрозаводск : Периодика, 1999. 224 с.
5. *Манаенко С. А.* Категоризация служебных слов на основе дискурсивного употребления // *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 37. С. 495–500.
6. *Русско-карельский словарь* (северно-карельские диалекты) / сост. Зайков П. М. и др. Петрозаводск : Периодика, 2015. 359 с.

7. *Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Ленинград : Наука, 1977. 287 с.
8. *Словарь* карельского языка / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990. 495 с.
9. *Словарь* карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск : Карелия, 1994. 396 с.
10. *Словарь* собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск : ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2009. 751 с.
11. *Федотова В. П.* Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск : Карелия, 1990. 157 с.
12. *Karjalan kielen sanakirja.* Lexica Societatis Fenno-Ugrica, XVI:6. Helsinki, 2005. 782 s.
13. *Markianova L.* Karjalan kielioppi. Petroskoi : Periodika, 2002. 296 s.
14. *Markianova L.* Karjal-ven'alaine sanakniigu (Liygi) / L. Markianova, T. Boiko. Petroskoi : Karjala, 1996. 222 s.
15. *Näytteitä* karjalan kielestä. Joensuu ; Petroskoi : Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
16. *Zaikov P.* Karjalan kielioppi. Petroskoi : Periodika, 2002. 207 s.

Научное издание

КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сборник научных статей

Редактор *И. И. Куроптева*

Художественный редактор *Е. В. Лавренова*

Подписано в печать 29.05.2023. Формат 60×90 ¹/₈.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 80 экз. Изд. № 6

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33